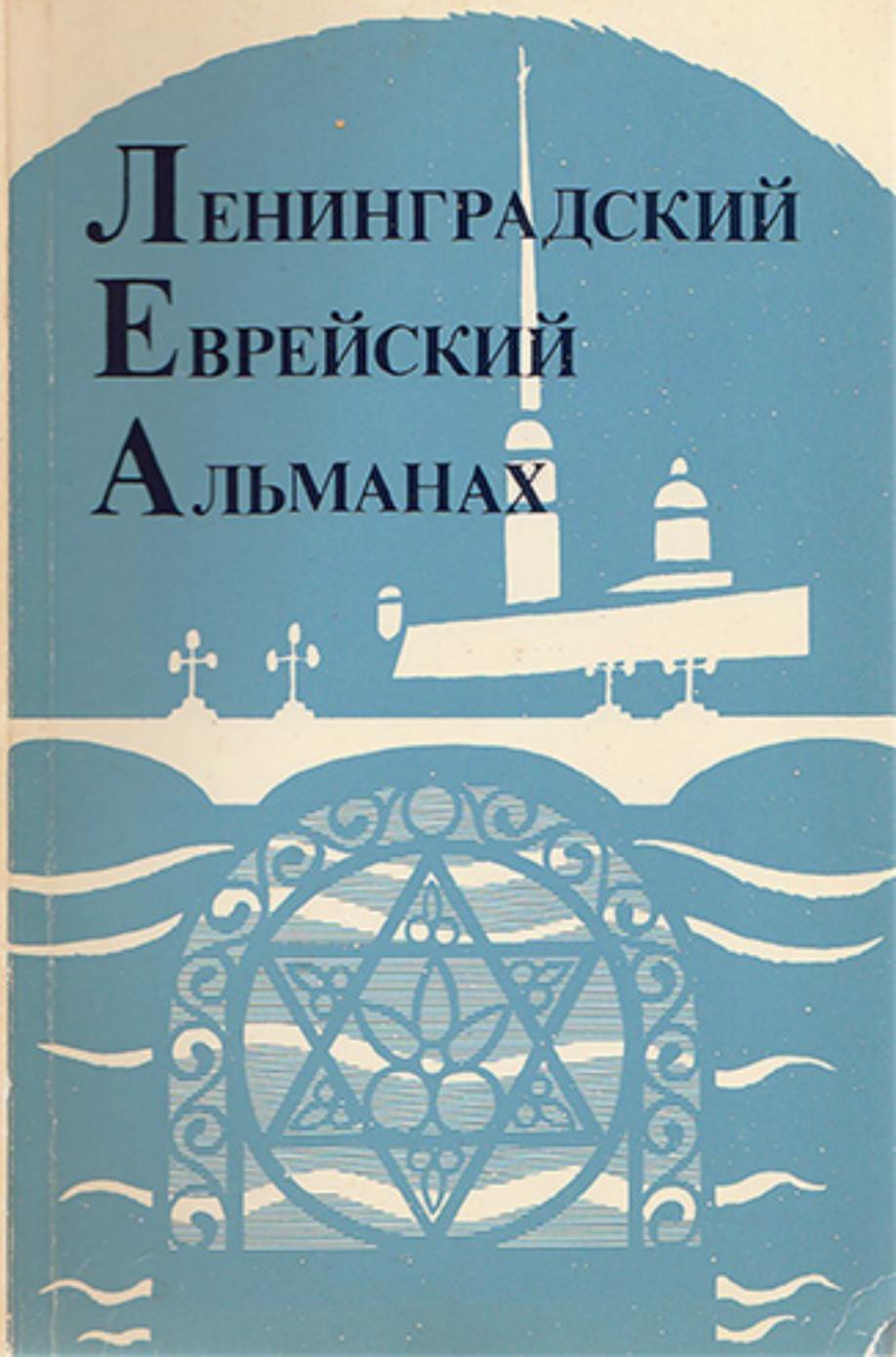

Е
Е
Н

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
АЛЬМАНАХ

26

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

JEWS AND THE JEWISH PEOPLE

JEWISH SAMIZDAT

**JEWISH ALMANAC
OF LENINGRAD**

Editor Yuri Kolker

Vol. 26

The Hebrew University of Jerusalem
The Centre for Research and Documentation
of East European Jewry

JERUSALEM 1988

ЕВРЕИ И ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редактор Юрий Колкер

Том 26

Еврейский университет в Иерусалиме

Центр по исследованию и документации
восточноевропейского еврейства

ИЕРУСАЛИМ 1988

This publication is supported by the Memorial Foundation
for Jewish Culture, New York and the Society for Research on
Jewish Communities, Jerusalem.

ISSN 0334—438X

P.O.B. 7422, Jerusalem 91073

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	VII
Publisher's Note	X
Ю. Колкер. <i>Об истории создания ЛЕА</i>	XIII
Выпуск 1	5
Выпуск 2	66
Выпуск 3	139
Выпуск 4	233
Примечания издателя	315

В настоящий том включены первые четыре выпуска *Ленинградского еврейского альманаха* (ЛЕА). К ним приложена историческая справка, написанная одним из бывших редакторов ЛЕА, и составленные им *примечания издателя*; к этим примечаниям, помещенным в конце тома, отсылают встречающиеся в тексте надстрочные номера. Все редакционные вставки и все постраничные ссылки (исключая первую, вспомогательную) сделаны в Ленинграде; при наличии ремарки ссылка соответствует *примечанию редакции*, в противном случае принадлежит автору.

При издании мы постарались с возможной точностью воспроизвести не только тексты, но и облик, и стилистические, и даже графические особенности этого машинописного альманаха, меняющиеся от выпуска к выпуску вместе с изменением состава редакционной коллегии. Поэтому пунктуация, написание имен и названий иногда отличаются от нормативных, а во втором выпуске удержаны встречающиеся там сокращения.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборники *Еврейский Самиздат*, включающие материалы, распространяемые в еврейском Самиздате в Советском Союзе и попавшие на Запад, наряду со сборниками документов *Петиции, письма и обращения евреев СССР* и издаваемыми два раза в году сборниками *Материалы из советской печати*, входят в серию *Евреи и еврейский народ*, издаваемую Центром по исследованию и документации восточноевропейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме. Целью *Еврейского Самиздата*, как и прочих публикаций серии, является создание наиболее полной картины жизни евреев в СССР: с одной стороны, как она представлена в официальной советской прессе, отражающей политику советских властей по отношению к еврейскому вопросу и государству Израиль; с другой стороны, как сами евреи видят сущность еврейства, историю своего народа и его культуру, как выражают свое отношение к государству Израиль.

Лишенные доступа к источникам, носящим в себе объективную информацию, а также средств выражения своих насущных проблем через печать, евреи СССР обращаются к самиздату. В самиздате находят отражение глубокие изменения в жизни евреев Советского Союза, особенно после Шестидневной войны, пробуждение и рост национального самосознания, принявшего форму солидарности с Израилем и борьбы за выезд, оценка исторического прошлого, Катастрофы и другие проблемы.

Первый сборник самиздата появился в Риге в феврале 1970 г. С 1972 г. в Москве группой еврейских активистов издавался журнал *Евреи в СССР*. До настоящего времени нами опубликовано 25 томов *Еврейского Самиздата*.

В начале 1980-х годов, в качестве одного из центров еврейской активности выдвинулся и Ленинград. Здесь в сентябре 1982 года был составлен и размножен первый выпуск *Ленинградского еврейского альманаха* (ЛЕА). В настоящий том включены первые четыре выпуска ЛЕА (сентябрь 1982 – февраль 1984).

Важнейшим материалом первого выпуска ЛЕА являются документы (проект устава, протокол организационного собрания и т.п.) *Ленинградского Общества по изучению еврейской культуры* (ЛОЕК), созданного еврейскими активистами и тут же разогнанного властью летом 1982 года. В этом же выпуске помещена первая из серии статей М. Бейзера "Евреи в Петербурге" — стержневой материал всех первых выпусков ЛЕА; заметка об одной из постановок квартирного театра Леонида Кельберта, также по необходимости прекратившего существование; очерк о герое Второй мировой войны Цезаре Куникове; заметка о действовавших в Ленинграде курсах еврейской кухни, статья о творческом содружестве поэтов В. Ходасевича и Ш. Черниховского (как послесловие к идиллии Черниховского *Вареники*); глава из книги М. Даймонта *Евреи, Бог и история*, опубликованной на Западе и недоступной в СССР.

Основу второго выпуска составляет запись двух больших лекций (Л. Утевского и Г. Вассермана), прочитанных в рамках Ленинградского цикла лекций по еврейской истории и культуре. (Цикл этот действовал в 1980—1981 годах и был подавлен сотрудниками КГБ; за короткий период его существования было подготовлено и прочитано около 70 лекций.) Во второй выпуск включены три выступления покойного раввина Ленинградской синагоги А. Лубанова, прочитанные им в дни еврейских религиозных праздников. Как и в первом выпуске, имеется перевод: статья американского раввина И. Соловейчика о значении синагоги в современном мире.

В третьем выпуске читатель найдет пуримшпиль, мистифицированный под произведение начала XX века, но в действительности написанный в 1980-х годах; стихи современных ленинградских поэтов; исследование о еврее-декабристе Г. Перетце; реферат работы, показывающей участие евреев и других народов в культурной жизни СССР последних лет; перепечатку заметки Л. Гордона о вынужденном верноподданничестве русских евреев в конце XIX века; стихотворение И. Каценельсона *Родина*.

Четвертый выпуск открывается работой М. Бейзера о единственном и ныне закрытом еврейском кладбище Ленинграда, содержит стихотворение Р. Запесоцкой на ту же тему, включает в себя статьи: о роли евреев в русском революционном движении в начале XX века, о жизни и творчестве поэта В. Лифшица, о Камерном еврейском музыкальном театре Ю. Шерлинга, а

также в настоящем издании опущенный перевод главы из *Книги наследия нашего* современного американского еврейского писателя Э. Китова.

Состав редакционной коллегии ЛЕА держится в секрете; он, кроме того, меняется (иногда сменяется полностью) от выпуска к выпуску. Трое из тех, кто был причастен к основанию альманаха и участвовал в подготовке первого выпуска (Э. Эрлих, Ю. Колкер, Я. Городецкий) были в течение последних лет выпущены из СССР.

PUBLISHER'S NOTE

The volumes of Jewish Samizdat which include material reaching the West from the Jewish Samizdat disseminated unofficially in the Soviet Union, form a part of the series *Jews and the Jewish People*, published by the Centre for Research and Documentation of East-European Jewry at the Hebrew University of Jerusalem. Other publications in the series are *Petitions, Letters and Appeals from Soviet Jews* and the biannual *Excerpts from the Soviet Press*. This series aims at creating the fullest possible picture of Jewish life in the USSR. Excerpts from the official Soviet press reflect the Soviet authorities' policy towards the Jewish question and towards the State of Israel. Other sources reveal how the Jews themselves view the essence of their Jewishness, the history of their people and their culture and how they express their attitude towards the State of Israel.

Deprived of access to reliable sources of information and of means of expressing their basic problems in print, the Jews of the USSR turn to Samizdat to fill this gap. The Samizdat publications reveal the awakening and growth of national consciousness of the Jews in the Soviet Union, particularly after the Six-Day War, which took the form of solidarity with Israel and the struggle to emigrate, an evaluation of the historical past, of the Holocaust and other problems.

The first collection of Jewish Samizdat appeared in Riga in February, 1970. Since 1972, a group of Jewish activists have been publishing the journal *Jews in the USSR*. Twenty-five volumes of Jewish Samizdat have been published by us comprising the material that reached Israel since then.

In the early 1980's Leningrad became one of the most active Jewish centres. The first issue of the *Jewish Almanac of Leningrad* was prepared and distributed in September 1982. The present volume comprises the first four issues (September 1982 — February 1984).

The most important material in the first issue consists of docu-

mental material (the regulation proposal, protocol, organisational meeting etc.) of the *Leningrad Association for the Research of Jewish Culture*, which was initiated by Jewish activists and was immediately dispersed by the authorities in the summer of 1982. This issue also contains the first of the essay series — “The Jews of Petersburg” — the central part of the first issues; information on one of Leonid Kelbert’s home theatrical productions which was discontinued due to the authorities’ coercion; an article about a World War II hero of the Soviet Union — Caesar Kunikov; information concerning groups for Jewish cooking in Leningrad; an essay on the creative relationship between the poets V. Khodasevich and S. Tchernichowsky (such as the epilogue to Tchernichowsky’s “Levivot”); a chapter from M. Dimont’s book *Jews, God and History* published in the West and unobtainable in the USSR.

Most of the second issue consists of summaries of two extensive lectures (L. Utievsky and G. Wasserman) which were delivered in Leningrad in the course of a lecture series on Jewish culture and history. (The lectures took place in 1980 and 1981 and were oppressed by KGB agents; about 70 lectures were delivered during this short period.) This issue also contains three speeches of the late A. Lubanov, the rabbi of the Leningrad synagogue, that were delivered on Jewish holidays. As in the first issue, a translation is also included: an essay by the American rabbi J.D. Soloveitchik on the importance of synagogues in the modern world.

In the third issue the reader can find the “Purim-Spiel” written as it were in the beginning of the 20th century but in fact composed recently; poems by contemporary Leningrad poets; a research on G. Peretz, the Jewish Decembrist, and another one on the contribution of Jews and other nationalities to the cultural life of the USSR in recent years; a reprint of L. Gordon’s note on the forced loyalty of Russian Jews to the state at the end of the 19th century; I. Katzenelson’s poem “Homeland”.

The fourth issue opens with M. Bayzer’s paper on the only Jewish cemetery in Leningrad, which is closed now, followed by R. Zapesotskaya’s poem on the same subject; essays on Jews in the revolutionery movement in Russia at the beginning of the 20th century, on the life and work of the poet V. Lifshitz and on Yu. Sherling’s Jewish chamber music theater; the translation of a chapter from *The Book of Our Heritage* by E. Kitov, a contemporary Jewish American writer.

The editorial board members' identities are kept secret. There is a different board for each issue. Three of those who belonged to the founding group of the Almanac and participated in the preparation of the first issue (E. Erlich, Yu. Kolker and Y. Gorodetzky), were permitted to leave the USSR in the last few years.

ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЛЕА

Всплеск еврейской консолидации пришелся в Ленинграде на 1979–1981 годы. Оживлению интереса друг к другу способствовал быстрый рост числа отказников и общая для многих надежда на то, что наступившее ограничение эмиграции – временное. Возникли квартирные лекции по иудаизму, еврейской истории и культуре. Наибольшим успехом пользовались доклады Л. Утевского, Г. Вассермана, Г. Кановича, Л. Кельберта. (Двое из них вскоре получили разрешение на выезд; доктор Лев Утевский живет теперь в Беэр-Шеве, Григорий Канович – в киббуце Саса). Никто из лекторов не получил специального образования: все делились знаниями, приобретенными самостоятельно. Слушателей собиралось иногда по 50–70 человек. Расписание лекций, составленное на несколько месяцев вперед, с указанием адресов, времени проведения и подходящего городского транспорта, свободно циркулировало по рукам. Вход был свободный – настолько, что я, например, был впервые приведен на такую лекцию русской женщиной, интересовавшейся историей. Одновременно увеличилось число ульпанов и кружков по изучению Торы. Из труппы, исполнявшей пуримшпили, сформировался квартирный театр (Л. Кельберт). Интерес к национальным праздникам привел к появлению курсов еврейской кухни (Т. Красильникова). Летом молодежь начала выезжать за город на пикники, носившие не только развлекательный, но и просветительный характер. По субботам желающий мог присоединиться к пешим экскурсиям по еврейским местам Петербурга, организованным М. Бейзером. Повидимому, именно в эти годы произошло слияние разрозненных кружков еврейских активистов в один общий, более или менее связный круг.

Власть спохватилась не сразу, и какие-то необратимые изменения успели произойти. Но к середине 1981 года она решительно покончила и с лекциями, и с другими сколько-нибудь массовыми собраниями. Сохранились ульпаны, однако они продолжались уже в обстановке полуподполья. Среди методов подавления

поначалу были и курьезные. Например, рядом с экскурсионной группой останавливается тархтящий мотоцикл — и ничего не слышно, группа меняет место — мотоцикл следует за нею; или: за городом, на лужайке рядом с кружком слушателей, появляется шумная компания с мячом или магнитофоном — и приходится расходиться. Эти шутки власть, вероятно, трактовала как дружеские предупреждения. Но вскоре методы ужесточились. Стали блокировать квартиры: *воронок* у подъезда, милиционеры и гебисты в штатском у дверей. Активистов стали избивать на улицах. *Дружинники* врываются в квартиры и переписывали собравшихся, а иногда и отвозили их — на специальных автобусах — в милицию, где держали по несколько часов. В мае 1981 года, во время одного из таких разгонов, был арестован Евгений Леин, затем осужденный на два года по целиком сфабрикованному обвинению. Наконец, стали запугивать тех, кто предоставлял для лекций и спектаклей свое жилье. Были случаи анонимных звонков с угрозами убийства детей.

Волна репрессий, с одной стороны, упрочила становление еврейского общественного мнения в этом городе; с другой стороны, она способствовала развитию новых форм самоопределения, в частности, развитию еврейского самиздата. Начиная с 1981 года резко возросло число блуждающих текстов. В машинописи и фотокопиях распространялись сочинения старых и современных еврейских писателей: эссе М. Бубера и В. Жаботинского, комментарии Раши и беседы Любавичского ребе, *Экзодус* Л. Юриса и *Земля Господня* А.И. Гешеля, романы Нобелевских лауреатов И. Башевиса-Зингера и Ш. Агнона. Почва для еврейского периодического издания была готова.

19 июля 1982 года состоялось заседание Организационного комитета Ленинградского общества по изучению еврейской культуры (ЛОЕК). Нам казалось, что это — последняя попытка легального объединения культурных усилий советских евреев. Основой для нее послужил так называемый заявительный порядок образования добровольных обществ, введенный в СССР еще в 1930 году. Созданное в точном соответствии с этим порядком, ЛОЕК номинально существует и по сей день, фактически же оно было разогнано, не начав действовать. Тогда же возникла мысль о журнале. ЛЕА должен был стать вестником ЛОЕК.

Инициатором ЛЕА стал секретарь ЛОЕК, известный ученый-геофизик Эдуард-Исаак Эрлих, теперь живущий в США. Тяжело больной (после перенесенного инсульта он остался инвали-

дом) и все же работающий, с большой семьей на руках, он энергично принялся за осуществление журнала. В инициативную группу вошли также председатель ЛОЕК Яков Городецкий, руководитель одного из религиозных кружков Г. Вассерман, и автор этой заметки. Все, от направления и до названия журнала, вызывало споры. Времени было в обрез. Атмосфера 1980-х годов резко отличалась от таковой предыдущего десятилетия, и правительственный антисемитизм, с готовностью подхваченный загнанным и забитым народом, стал повседневной реальностью. У некоторых из нас было впечатление, что мы не успеем сделать и одного тома журнала. Поначалу мы даже встречались не в помещении, а под открытым небом, на углу Суворовского проспекта и 7-й Советской, рядом с местом работы Эрлиха.

Втроем — Эрлих, Городецкий и я — мы составили макет первого выпуска ЛЕА, затем последний из составителей отредактировал, частично переписав, все оригинальные материалы сборника и отпечатал их в семи копиях на своей пишущей машинке. С этих экземпляров были затем сняты еще несколько десятков копий. Хотя титульный лист книжки помечен сентябрем 1982-го, основная часть тиража была сброшюрована и распространена не ранее начала ноября.

По замыслу Эрлиха, ЛЕА должен был содержать не более 70–80 страниц (для усиленной циркуляции) и выходить ежемесячно. С такой частотой журналы в самиздате обычно не выходят, поэтому, в целях равномерного распределения нагрузки, было решено организовать сменную редколлегию. Эту тактику диктовали и соображения осторожности. Воздух казался наэлектризованным до предела. Уступая требованиям времени, мы не выставили наших имен и адресов на титуле, как это было принято у наших московских предшественников в 1970-х. Мы и без того были на виду — и у читателей, и у следователей: первым нам незачем было представляться, вторым — помогать.

Все же осуществить ежемесячное издание нам не удалось. Второй выпуск ЛЕА, сделанный, согласно договоренности, в кружке Г. Вассермана, появился в декабре 1982 года. Макет третьего выпуска, подготовленный мною в январе 1983 года, был запрещен редакционным советом как слишком неосторожный и вообще несвоевременный. Две из трех машинописных копий его были тут же уничтожены. Быть может, это было самое напряженное для нас время. Мне еще в декабре 1982 года посо-

ветовали готовиться к аресту. За Городецким и Эрлихом по всему городу ездили черные волги. Альманах был приостановлен, пауза затянулась на целый год.

Лишь в конце 1983 года я смог продолжить работу над третьим выпуском. Часть материалов из расформированного макета, с купюрами, в несколько облегченном виде, вошла в новый вариант. Коллектив составителей был другой, ведущее место в нем занял М.Бейзер. Выпуск был готов в январе или феврале 1984 года, и ко времени Пурима разошелся тиражом, намного превосходившим тиражи всех других тогдашних журналов ленинградского самиздата.

Четвертый выпуск ЛЕА появился в августе 1984 года, уже после моего выезда.

Юрий КОЛКЕР.

	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XX XX

XXXXX
 XX
 XX
 XX
 XX
 XX
 XXXXX

XX
X

XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX XX	XX XX	XX XX XX
XX	XX XX	XX XX	XX
XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XX XX
XX		XX XX	XX XX
XX		XX XX	XX XX
XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX

-----ooO Ooo ooO Ooo-----

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

-----ooO Ooo-----

Выпуск 1

Сентябрь 1982

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Кто мы?	5
Макс ДАЙМОНТ: Это произошло один-единственный раз в истории!	7
Михаил БЕЙЗЕР: Евреи в Петербурге. Путеводитель. Экскурсия 1-я	8
Саул ЧЕРНИХОВСКИЙ: Вареники (Идиллия). Перевод В. Ходасевича	28
Юрий КОЛКЕР: Саул Черниковский и Владислав Ходасевич	29
Памяти Цезаря Куникова	34
Пинхас АСТРАХАН: В поисках жанра	39
ЛОЕК: Организационное собрание и проект устава	41
Татьяна МЕНАКЕР: Курсы еврейской кухни	58
Наши праздники (календарь)	60

-----—ooO Ooo-----

КТО МЫ? ¹

Еврейское население Ленинграда превышает 140000 человек. По численности это целый народ. Фактически же это лишь небольшая часть народа, имя которого не исчезает со страниц истории человеческих цивилизаций вот уже три с половиной тысячи лет. Но кто они — эти евреи? В какой мере они сохранили право носить это древнее имя? Дорожат ли им? Еще недавно отвечать на эти вопросы было не очень весело. Обстоятельства сложились так, что огромное большинство ленинградских евреев видит в своем еврействе досадную помеху, некий врожденный порок, который почти невозможно, но очень желательно скрыть. Обстоятельства эти сами имеют многовековую историю и могут быть предметом отдельного рассмотрения. Испокон веку малые народы растворяются в великих, ассимилируются. Вместе с народом отходит в область преданий и его культура. И о каком бы народе ни шла речь — человечество беднеет с его исчезновением. Тем с большей радостью мы вправе приветствовать пробуждение национального самосознания в каждом народе, большом и малом, если оно не носит уродливых форм. В последние десятилетия мы наблюдаем процесс национального возрождения во всем мире. Он коснулся и евреев, в частности нас, евреев Ленинграда. Сотни и тысячи из нас взглянули на себя новыми глазами, заново спросили себя: что, собственно, значит — быть евреем? Только вульгарно понятый интернационализм может поставить это нам в вину. Интернационализм не равнозначен ассимиляции, не подразумевает ее. Вечный вопрос — кто мы? — с новой силой встал в последние годы не только перед евреями, но и перед русскими*, составляющими в нашей стране большинство. Они, как и евреи, в известной мере явились жертвами господствовавшего у нас некогда непонимания интернационализма, его сущности, и были, казалось, на грани утраты национальной целостности —

¹ См. Примечания издателя, стр. 315

* Имеется множество указаний на это. Отметим, например, лекцию Бегунова *Русь: кто мы и откуда?* несколько раз прочитанную в Ленинградском лектории в течение лета 1982. Еще десять или пятнадцать лет назад тема эта вряд ли могла бы показаться достойной публичной лекции.

исторической, этнической и духовной. Мы рады, что это заблуждение преодолевается. Вместе с русскими мы повторяем сегодня бесконечно значительные слова Пушкина: "Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим".

Итак, мы — евреи. Можно предположить, что не все из нас вкладывают в это слово одинаковый смысл. Но несомненно также, что для очень и очень многих оно исполнено теперь смысла и содержания, и лучшее тому свидетельство — настоящий альманах. Вместе с ним мы вручаем нашим читателям надежду на то, что евреи — в который раз в своей многовековой истории? — и теперь найдут в себе силы противостоять соблазну ассимиляции, этого национального самоуничтожения.

Наш альманах открыт для всех: любой из его сегодняшних читателей может завтра стать его автором. В основу этого и последующих сборников кладутся оригинальные произведения и сообщения ныне живущих ленинградцев. Наряду с ними используются и перепечатки: очнувшись после полувекового сна, мы вынуждены наверстывать упущенное, учиться, восполнять провалы исторической памяти народа, вызванные летаргией. Учителями выступают наши отцы и деды, чьим достоянием мы столь легкомысленно пренебрегли, а также младшие по отношению к нам их сыновья, зарубежные еврейские писатели современности, являющиеся теперь, по совести, нашими старшими братьями.

Судьба этого скромного начинания находится не в наших руках. Оно ни в чем не противоречит советским законам, традициям и морали, не ущемляет ничьих интересов. Сборники существуют на правах рукописей. Мы надеемся на доброжелательное и непредвзятое к ним отношение.

-----oo0oo-----

Макс ДАЙМОНТ

Мы предлагаем вниманию читателей вводную главу из знаменитой книги М. Даймонта *Евреи, Бог и история*.

Макс Даймонт родился в Хельсинки, в Финляндии. В 1930 эмигрировал в США. Во время Второй мировой войны был зачислен в отдел разведки Военно-воздушных сил США и нес службу в Англии, Франции, Бельгии и Германии. Первая же книга Даймонта – *Евреи, Бог и история* – стала бестселлером и была переведена на множество языков, в том числе: французский, испанский, иврит, хинди, японский, шведский, русский. За первые пятнадцать лет со дня ее выхода в свет (1964) было распродано около полутора миллионов экземпляров.

По замечанию одного комментатора, в любом еврейском доме в Америке вы непременно найдете две вещи: мезузу и книгу Даймонта *Евреи, Бог и история*. Две другие книги писателя также пользуются большой популярностью во всем мире.

ЭТО ПРОИЗОШЛО ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗ В ИСТОРИИ!

(...) ²

Михаил БЕЙЗЕР

ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ (Путеводитель)

Экскурсия Первая

*Из всех известных народов евреи, быть
может, наиболее заслуживают изучения.*

Буден

История евреев — и Петербург: казалось бы, что может быть тут общего? Да, известно, что на территории России проживало в начале нынешнего века 5.5 млн. евреев, — но они жили в черте оседлости. В Петербурге, даже в самые благоприятные времена, численность евреев не доходила до 20 тысяч (сравните, например, с Одессой: 150 тысяч). Да и в какой мере они были типичны — эти евреи? Большинство — в значительной степени ассимилировалось. Образование, одежда, речь — все было у них на русский манер. Только лишь в Москве еврейское население считалось еще более русифицированным.

Дело, однако, в том, что эти несколько тысяч наших соплеменников, живших в столице, составляли ядро наиболее образованного, культурного, а иногда богатого и влиятельного русского еврейства. Они были лидерами на тех путях, которыми, вольно или невольно, шел наш народ. Их деятельность была очень заметна — как среди евреев, так и среди русских. Издававшиеся ими газеты и журналы, их личный пример имели огромное влияние на каждое новое молодое поколение, особенно начиная с последней трети XIX века. И они, эти люди, в значительной степени ответственны за те успехи и неудачи, которые выпали на долю евреев России в XX веке. И, собственно говоря, не только в России, потому что важнейшее место в современной еврейской жизни, и по численности и по значению, занимают выходцы из тогдашней Российской империи и их ближайшие потомки.

Вы читаете этот путеводитель — значит, затронутая тема интересует вас. Нам остается только выйти на улицу и пойти смотреть еврейские места. Но где они? Ведь даже коренной житель

Ленинграда редко может вспомнить что-либо еврейское в городе, — кроме, разве лишь, синагоги да Преображенского кладбища. (Некоторые, впрочем, еще помнят, что в тридцатых годах была на Невском еврейская столовая.) И становится печально, оттого что сегодняшнее 150-тысячное еврейское население Ленинграда так прочно забыло историю народа, к которому оно принадлежит, протекавшую в городе, в котором оно живет.

Лет примерно 70 или 100 назад картина была совершенно иная. Чтобы убедиться в этом, полезно совершить ряд экскурсий по городу.

Говорят, у хасидов существует своя, совершенно отличная от общепринятой, карта мира, на которой Любавичи или Меджибож нанесены как куда более значительные центры, чем Лондон, Париж или Рим. Так и мы в своей прогулке не будем искать глазами наиболее значительные, в общем понимании, дворцы и здания, а будем останавливаться, в основном, у рядовых домов так называемой капиталистической застройки. Нас будет интересовать не их архитектура, а кто в них жил и или что в них находилось, — в связи с интересующим нас вопросом: еврейской историей города.

Начнем экскурсию у рядового четырехэтажного дома в Прачечном переулке. Здесь, в доме 6, и сейчас находится типография, а в начале XX века располагалось знаменитое издательство Брокгауза и Ефрона, оставившее неизгладимый след в культурной жизни России. Интересна, прежде всего, личность одного из издателей, Ильи Абрамовича Ефрона. Сын коммерсанта и ученого-талмудиста, впоследствии крупный издатель, И.А. Ефрон родился в Вильне, в 1847 году. По женской линии он был правнуком Виленского гаона Илии, по имени которого и был назван. Получив солидное еврейское образование под руководством отца, Ефрон сдал экстерном гимназические экзамены и затем слушал лекции в Варшавской Главной школе. С 1880 года начинается его издательская деятельность. С 1889 по 1907 год издательство Брокгауза и Ефрона выпустило в свет первый по объему и значительности русский энциклопедический словарь: 86 полутомов. Для евреев самым замечательным событием в деятельности издательства стал выпуск шестнадцатитомной Еврейской энциклопедии на русском языке, осуществленный совместно с Обществом для научных еврейских изданий. Подзаголовок Еврей-

ской энциклопедии: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем — точно характеризует содержание этого научного труда. Все, что имеет отношение к еврейству, начиная от Танаха и Талмуда и кончая правым социал-демократом Бернштейном или композитором Жоржем Бизе, добросовестно и подробно освещено в энциклопедии. Вы хотите узнать, откуда произошла ваша фамилия Гинзбург или Лившиц, кто были знаменитые ее носители? — Загляните в Еврейскую энциклопедию. Вам интересно, как одеваются члены секты Бени-Исроэль в Бомбее, что они едят? И об этом есть статья. А в статье о Санкт-Петербурге вы найдете многое из того, что вошло и в настоящий путеводитель.

Энциклопедия вышла под общей редакцией видных деятелей еврейской культуры того времени: доктора медицины, одновременно историка и общественного деятеля, Льва Израилевича Каценельсона, и известного востоковеда, обладателя ценной библиотеки еврейских книг и рукописей, барона Давида Горациевича Гинцбурга (последний был сыном известного петербургского банкира и благотворителя Горация Гинцбурга). Редакторы проделали в короткий срок огромную работу, организовали перевод многих статей из выпущенной перед этим американской *Jewish Encyclopedia*, привлекли лучших ученых для написания оригинальных статей по истории евреев Литвы, Польши, России. В настоящее время читателю, владеющему только русским языком, просто не найти другого столь же исчерпывающего труда на эту тему.

Сам факт выхода такого издания ясно указывает на глубокие изменения, происшедшие к этому времени в русском еврействе. Действительно, сто и еще даже восемьдесят лет назад евреи в России жили замкнуто, их мир был узким, но гармоничным. В Торе и Талмуде они черпали ответы на все проблемы, встававшие перед ними. Все знали еврейский язык и почти никто не знал русского. В издании еврейской энциклопедии, да еще на русском языке, еврей прошлого не мог видеть для себя большого смысла. Языка он не понимал. Религию он изучал не по обзорным статьям, а светские науки его мало интересовали и даже пугали. И если первые еврейские просветители (маскилим) сороковых и пятидесятых годов прошлого века стремились разорвать еврейскую самоизолированность, приблизить народное об-

разование, язык и образ их жизни к принятым в государстве, то в начале XX века уже никого не нужно было агитировать за светское образование, — наоборот, четко обозначился отрыв еврейской интеллигенции от своего народа, отход от своего языка и культуры, быстрая ассимиляция, а иногда и смена веры. В связи с погромами, революцией и массовым бегством русского еврейства на Запад появилась реальная опасность утраты многих культурных и исторических памятников. Эти тенденции, а также встречная тенденция: быстрое развитие еврейской историографии и литературы небольшой группой интеллигентов, оставшихся приверженцами национальной идеи, — и стали причиной издания Еврейской энциклопедии.

Теперь, совершая короткий переход ко второму экскурсионному объекту (по Прачечному переулку, затем направо, по улице Декабристов (бывшей Офицерской), и — на Театральную площадь), вспомним в общих чертах истоки еврейской истории Петербурга.

Нетрудно догадаться, что евреи появились в Петербурге вместе с зарождением самого города. Сначала это были только выкrestы. Мария Ян д'Акоста — любимый шут Петра I, Абрам Энс — штаб-лекарь лейб-гвардии Семеновского полка. Первый генерал-полицмейстер Петербурга Девьер, сын португальского еврея, был вывезен Петром из Голландии и окрещен в России. Наконец, вице-канцлер Петра, Шафиров (по-нашему, министр иностранных дел), также имел еврейских предков, что, конечно, шокировало придворных.

Затем появились отдельные настоящие евреи — пока еще единицы, т.к. проживать в России им было запрещено законом. Но законы, как это часто бывает в случаях острой необходимости, нарушались, и евреи в этом городе жили. Пример тому — Зундель Гирш, подрядчик по доставке серебра на Монетный двор при Екатерине I. Его, как и других, должны были выслать по Указу 1727 года, но при этом казна потерпела бы большие убытки; и еврея оставили "пока достальное серебро из моря не доставит" (из решения Тайного Совета).

Екатерина II, считаясь с общественным мнением и одновременно учитывая государственные интересы, официально запрещала, а тайно поощряла пребывание отдельных евреев в Петербурге. Именно при ней, в результате трех (1772, 1793 и 1795 го-

дов) разделов Польши, Россия сделалась вдруг обладательницей самой большой в мире еврейской общины. В письме к Дидро (1773), в ответ на его вопрос об евреях, она пишет: "Вся Белоруссия кишит ими, трое или четверо их находятся уже давно в Петербурге. У меня был духовник, у которого они квартировали. Их терпят вопреки закону, делают вид, будто не знают, что они в столице". Она же ответственна за позорнейшее изобретение российского самодержавия — черту оседлости, учрежденную в 1794. (Эту дату полезно запомнить.) И тем не менее, вопреки этому изобретению, уже в 1826 в столице жило 159 еврейских семей (всего 348 человек, в основном — коммерсанты и ремесленники).

Бывали и анекдотические случаи. Известна жалоба, поданная во времена Николая I оберпрокурором Синода министру внутренних дел. Дело заключалось в том, что в Петербург приехал из Могилева некий Меерзон, шлифовальных дел мастер, "дабы изучить догматы православия и принять крещение" (на родине он боялся это сделать). Полиция же из-за отсутствия в Положении об евреях пункта, по которому можно было приезжать в столицу для крещения, выслала его обратно. Впоследствии такой пункт в законодательстве появился.

Еврейское население в Петербурге сделалось значительным вместе с реформами Александра II (50—60 годы), когда вышло разрешение селиться вне черты оседлости купцам 1-й гильдии, лицам с высшим образованием, ремесленникам и отставным чинам. Наиболее состоятельные жили в Казанской части (район улицы Плеханова, между каналом Грибоедова и Мойкой), в Спасской части (вдоль Садовой улицы, между каналом Грибоедова и Фонтанкой); в Московской части (Загородный проспект) жили ремесленники и интеллигенция. Евреи составляли не более 1% населения столицы. На 1868 статистика такова:

в Спасской части — 635 человек,
в Московской части — 423 человека,
в Казанской части — 324 человека,
всего в Петербурге — 2612 человек.

В действительности их было на треть больше. Некоторые жили в Петербурге нелегально. Сравнительно с нееврейским населением столицы, евреи Петербурга отличались высоким уровнем

грамотности, однако разница была не столь заметна, как в провинции. Так, в том же 1868 году среди евреев были грамотны 72% мужчин и 47% женщин, тогда как среди православных — соответственно 54% и 41%. Это были, в основном, ремесленники, врачи, журналисты, а также коммерсанты. В 1881 из 800 тыс. петербуржцев уже 17 тыс. были евреи. Из них около 2000 считали родным языком русский, 500 — немецкий, 90 — польский, 50 — татский, 37 — турецкий и 14 тыс. — идиш. А уже в 1909 не более 2/3 евреев Петербурга считали русский язык родным. Этим Петербург разительно отличался от западных губерний, где почти все говорили на идише.

В конце XIX — начале XX вв. центр еврейской жизни Петербурга переместился в Коломну, на территорию, расположенную за Крюковым каналом. Здесь и расположено большинство объектов нашей экскурсии.

На Театральной площади (бывшей площади Большого театра) важнейшим местом является дом №2. В нем находилось издательство и типолитография популярнейшего русско-еврейского журнала *Восход*. Его издатель, А. Е. Ландау, вошел в историю под прозвищем "русский Сытин". Этот "безцензурный ежемесячный учебно-литературный и политический" еврейский журнал был основан в 1881 и выходил до апреля 1906.

Для того, чтобы понять роль *Восхода* в общественной жизни русского еврейства той поры, необходимо хоть кратко остановиться на двух важнейших и тесно связанных с журналом явлениях: Гаскале и русско-еврейской литературе.

Гаскала (просвещение) — общественное и культурное течение в еврейской жизни России, возникшее в середине XIX и направленное на преодоление национальной и религиозной замкнутости евреев. Маскилы (деятели Гаскалы, просветители) боролись с ортодоксальным раввинизмом за реформу иудаизма, пропагандировали светское образование и европейскую (главным образом русскую) культуру в еврейской среде. Они считали, что правовое равноправие и признание русского общества придут к евреям, если их культура и образ жизни станут теми же, что и у их христианских соседей. "Будь гражданином на улице и евреем дома" — вот один из главных лозунгов Гаскалы.

Гаскалу вызвал к жизни целый ряд внутренних и внешних причин. Среди них можно отметить:

- 1) влияние идей германского еврейского просвещения Моисея Мендельсона;
- 2) быстрое развитие капитализма в России и реформы Александра Второго;
- 3) уничтожение Николаем Первым общинного самоуправления евреев;
- 4) кризис и застой в традиционном иудаизме;
- 5) влияние быстро развивающихся русской культуры и литературы;
- 6) возросший интерес к национальной истории и национальной культуре во всем мире: национальное самосознание постепенно вытесняет религиозное.

Первыми деятелями Гаскалы были выходцы из богатых семей пограничных городов: Соломон Рапопорт, Иосиф Перл, Натан Крохмаль, затем Лев Мандельштам, Осип Рабинович, Лев Леванда, Лейб Гордон и другие.

Гаскала не была однородным течением — как не была уже единой и некогда монолитная еврейская община. Из нее вскоре выделились национальное, ассимиляторское и, позже, революционное направления. Тем не менее три цитаты, приведенные ниже, очень характерны для мировоззрения большинства маскилов-шестидесятников. Сарин, маскил из романа Л. Леванды *Горячее время*: "Мое сердце говорит мне, что со временем русские полюбят нас. Как? Своей любовью...". Л. Гордон: "Рабами были мы в Египте, что мы сейчас? Разве не опускаемся ниже с каждым годом? Разве мы не связаны веревками абсурда, троссами софизма, всякими предрассудками? Иноверец больше не угнетает нас, наши тираны в нас самих, наши руки уже не скованы, а души в цепях...". Лиlienблум: "В то время когда все думающие люди в России захвачены новыми идеями Чернышевского и Писарева, которые предлагают решение проблемы всемирного счастья, наши великие писатели поднимают шум из-за какого-нибудь комментария к библейской фразе и штудируют древние тома, чьи идеи высохшие, как опавшие листья...".

Сложное и противоречивое течение, Гаскала дала столь же противоречивые и далеко идущие результаты в еврейской общественной жизни: развитие еврейского языка и литературы

(сначала иврита, а затем и идиша) — и, одновременно, разрушение еврейской общины, ее быта и даже морали; развитие еврейской исторической науки, романтизацию национального прошлого — и ассимиляторство, даже крещение среди еврейской интеллигенции; появление в еврейской среде социалистических — и палестинофильских идей, — все это так или иначе связано с Гаскалой.

Ей же мы обязаны появлением русско-еврейской литературы — литературы на русском языке на еврейскую тематику.

Первоначальной целью такой литературы было повлиять на русскую общественность и, таким образом, улучшить ее отношение к евреям (см., напр., *Вопль дочери иудейской* Лейба Неваховича, 1803). Частично эту же цель преследовал и первый русско-еврейский журнал *Рассвет*, появившийся в Одессе в 1860, издатель — Осип Рабинович. Вскоре, однако, стало ясно, что цель эта — труднодостижима, и все русско-еврейские издания стали ориентироваться на тех еврейских читателей, для которых русский язык стал уже более родным, чем еврейский. Все, что в те годы интересовало образованного в светском смысле еврея: национальная история, культура, общественная жизнь, даже борьба за равноправие, — можно было найти в этих журналах.

Теперь уже ясно, какое место занимало главное русско-еврейское периодическое издание Петербурга, типичный продукт Гаскалы, журнал *Восход*.

Журналу предшествовал выпуск восьми историко-литературных сборников А. Ландау, отца-издателя *Восхода*, под общим названием *Еврейская библиотека*. Сборники выходили начиная с 1871 и содержали критические статьи и литературные произведения известных деятелей Гаскалы. В них, например, был напечатан цитированный выше роман Л. Леванды *Горячее время* и его статья *Школобоязнь*, направленная против ортодоксальных родителей, не желающих направлять своих детей в казенные школы. В связи с тем, что маскилы вели непримиримую войну с хасидизмом, стоит упомянуть статью И. Оршанского *Мысли о хасидизме*. Эта статья, кстати, была перепечатана в 60-х годах XX века в сборнике *Критика иудейской религии*. Крупный еврейский поэт Л. Гордон поместил там два обзора еврейской литературы. Сборники содержали также много перево-

дов и из западноевропейской еврейской литературы. Издательство *Еврейской библиотеки* находилось там же, где впоследствии размещалась редакция *Восхода*: по адресу Театральная площадь 2.

Восход стал выходить в сложное для русского еврейства время кризиса идеалов просвещения, связанное с первыми погромами и ужесточением антиеврейского законодательства (Майские правила 1882). Многие не верили в возможность еврейского равноправия в России и призывали к эмиграции. В журнале шла полемика о том, куда ехать: в Америку или в Палестину. Остававшиеся дома должны были думать, что делать: что предложить пятимиллионному еврейскому населению черты оседлости в качестве альтернативы эмиграции. Вот как описывает деятельность *Восхода* крупнейший еврейский историк того времени Семен Маркович Дубнов:

”Были еще верующие, надеявшиеся на скорую перемену во внутренней политике России и считавшие своим долгом продолжать борьбу за гражданскую эмансипацию и за культурное обновление еврейства. Наиболее известные из них группировались вокруг ‘Восхода’. После прекращения двух русско-еврейских органов – ‘Рассвета’ и ‘Русского еврея’ (выходивших в Петербурге между 1879 и 1884 г.), ‘Восход’ в течение многих лет был единственным выразителем мнений прогрессивной интеллигенции, стоявшей между ассимиляцией и национализмом и постепенно склонявшейся к последнему. Он долго служил цитаделью, где после поражения прежних борцов за эмансипацию укрепились последние злоты прогресса и равноправия. В ежемесячных книжках ‘Восхода’ печаталось все лучшее из того, что могла дать еврейская мысль в области литературы на русском языке. Здесь появились лучшие стихотворения Фруга, последние повести Леванды и Богрова, исследования по еврейской истории Польши и России Гаркави, Бершадского и др. Публицистика ‘Восхода’ долго не уступала старых позиций 70-х годов новому национальному движению, но свой долг борьбы за право она исполняла добросовестно...”

Что публиковал журнал, скажем, в 1894? Вот статья *Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине*. Речь в ней идет об обществе, основанном бароном де Гиршем, целью которого было переселить часть русских евреев в Аргентину, где бы

они занимались сельскохозяйственным трудом в специально купленных для этого поселениях. Ее автор Лапин сам ездил в Аргентину по делам общества и составил подробный доклад о ходе колонизации. Дается географический и экономический обзор жизни в Аргентине, оценивается возможность переселения туда большого числа евреев из России и перспектива этого начинания. Тут же помещена статья известного французского историка Эрнеста Ренана *Евреи во владычестве Рима. Ирод Великий*. Рядом — сентиментально-бытовой роман *Дочь сапожника*, описывающий трагедию еврейской девушки из бедной семьи, получившей образование и дошедшей до самоубийства из-за пропасти между ее представлением о том, какую должна быть жизнь, и жизнью реальной. Здесь же находим переводы из Библии, хозяйственный отчет еврейских колоний Херсонской губернии, доклад барона Давида Гинцбурга по экзегетике (библейстике) с цитатами на латыни, иврите, немецком и французском языках, обзор недавно вышедшей литературы на еврейскую тематику — на иврите, идише, русском и немецком языках. Есть работы по истории евреев современной Англии и Италии, записки путешественника о трудностях колонизации Палестины, статья к тысячелетию со дня рождения крупного еврейского философа Саади Гаона.

Обращает на себя внимание обзор романа П. Боборыкина *Перевал*, написанный известным юристом О. О. Грузенбергом и помещенный в журнале под рубрикой *Литература и жизнь*. Герой романа считает, что вражда к евреям носит не расовый или конкурентный характер, а связана с их влиянием на европейскую и русскую культуру, философию и религию. "Они, их пророки и учителя, поколебали вековечное и здоровое понятие о добре и зле. По их учению все, что испокон веку, было хорошо: сильно, блестяще, богато, даровито, великодушно, храбро — все это считается злом. Еврейская мораль с проповедью самоотверженной любви к ближнему представляется опасной для человечества. Юдофобия — это бунт не против евреев, а против их 'нищенско-больничной' морали...". Вывод: сочувствие всякому антисемитизму по любым мотивам. Рецензент романа находит в нем точное отражение философии Ницше. Именно Ницше писал, что евреи слили в одно: богатый, безбожный, дурной, склонный к насилию; и — бедный, святой, друг. По Ниц-

ше, евреи отомстили за свое рабство внедрением в Европу своей рабской морали.

Много интересного можно найти в журнале *Восход*. Достаточно сказать, что русский перевод *Иудейских древностей* Иосифа Флавия был впервые напечатан в приложении к журналу — и с тех пор ни разу не переиздавался. Борцом за еврейское равноправие называет его С.М. Дубнов.

Напротив редакции *Восхода* расположено большое здание Ленинградской консерватории — первой консерватории в России. Основатель ее — Антон Рубинштейн, знаменитый музыкант, — был крещен в детстве, вместе со своим братом Николаем. Этот факт способствовал получению братьями образования и, впоследствии, занятию ими заметного места в истории русской музыки и русской истории вообще. Долгое время крещение было надежным лекарством от бесправия для любого еврея. Еще при Николае I, ревностном гонителе иудейства, известен случай, когда выкрест Позен занимал должность управляющего канцелярией военного ведомства и был богатым помещиком на Полтавщине. (Кстати, в комиссии по освобождению крестьян Позен возглавлял правое крыло и предлагал освободить крестьян без земли.) Долгое время, однако, лишь единицы среди евреев решались такой ценой купить свое равноправие. И только к концу XIX века участились случаи крещения, главным образом среди интеллигенции, индифферентной к религии. Но теперь уже даже и крещение не гарантировало еврею избавления от своего прошлого. При Александре III известны первые случаи, когда выкрестов не назначали на ответственные государственные должности, мотивируя это их происхождением. Антисемитизм по вероисповеданию начал вытесняться в России антисемитизмом по крови. И даже при взгляде на весьма благополучную, в целом, судьбу А. Рубинштейна мы видим, что его сограждане и единоверцы не лучшим образом отплатили ему за заслуги перед русской культурой: основанная им консерватория не носит его имени; памятники, стоящие рядом с ней, установлены не ему. Интересно, что великий музыкант, в отличие от многих других выкрестов, не полностью порвал связь со своим народом. Его, например, часто можно было видеть в доме Горация Гинцбурга, а в консерватории в течение долгого времени обучались стипендиаты этого единственного еврейско-русского барона.

Если, обойдя консерваторию сзади, выйти на канал Грибоедова (бывший Екатерининский), то справа мы увидим обычный пятиэтажный дом, во дворе, обнесенном каменной оградой. Адрес: канал Грибоедова 113. В этом доме жил издатель единственной в России 1880–1890-х годов либеральной газеты *Новости* Иосиф Нотович; здесь же находилась и редакция газеты. Судьба Нотовича была характерна для определенной части еврейской интеллигенции. Сын керченского раввина, он родился в 1847, окончил юридический факультет Петербургского университета, получил степень доктора философии и стал журналистом. Журналистика была типичным занятием еврейской интеллигенции, отошедшей от религии. Действительно, на государственной службе карьеру сделать было нельзя, поэтому оставались свободные профессии: медицина, адвокатура и, более всего, журналистика. Большая русская литература была еще не по плечу тем, чьи родители зачастую вообще не знали русского языка. Однако работу в газетах и журналах они освоили очень быстро. Это был почти неизбежный путь для просвещенного поколения: еврейско-русская литература — журналистика — русская литература. Пройдет еще одно поколение, и среди еврейских выходцев появятся первые крупные русские поэты и беллетристы: Саша Черный, Осип Мандельштам, Багрицкий, Бабель. А пока анти-семиты писали, что евреи заволокли газеты, да и самую прессу называли "жидовским изобретением", — хотя еврейские сотрудники русских газет почти никогда открыто не заступались за своих собратьев.

Кроме Нотовича из евреев-издателей следует еще упомянуть крупного банкира Максима Пропера, выпускавшего газету деловых кругов *Биржевые ведомости*. Люди типа Пропера хоть и не переходили в православие, были почти полностью ассимилированы и весьма индифферентны к еврейской жизни. В этом нет ничего удивительного. Язык диктует литературную тематику. Тот, кто хочет писать хорошо, обязан интересоваться культурой того народа, на языке которого он пишет. Промежуточное состояние не может быть устойчивым. Поэтому так мало значительных произведений, написанных евреями для евреев на русском языке.

Если от дома Нотовича пойти дальше по правому берегу Екатерининского канала, повернуть налево и через мост пройти по

улице Римского-Корсакова до Большой Подъяческой, а затем повернуть по ней направо, то мы выйдем к следующему объекту нашей экскурсии: дому 24 по Большой Подъяческой (старое название), в котором жил академик живописи Моисей Маймон. Мы сталкиваемся еще с одной областью человеческой деятельности, в которую в конце XIX века вторглись ищущие еврейские умы. Живопись, равно как и скульптура, — запрещенное занятие в ортодоксальном иудаизме. Вспомните вторую из десяти заповедей: "Не сотвори себе кумира и никакого изображения...". Именно поэтому в Академии художеств еврей-студенты стали появляться позже, чем в других учебных заведениях. Первым евреем, закончившим Академию, был Бахман, а уже в начале XX века было несколько еврейских художников и скульпторов, составивших славу русской школе изящных искусств: Антокольский, Гинцбург, Бакст, Шагал, Альтман, Фальк, Сутин. Новое поколение старалось толковать заповедь в духе времени: лишь как запрет изображать новых идолов; однако на их стремление посвятить себя живописи или скульптуре родители, как правило, смотрели весьма недоброжелательно. Пример Маймона нам интересен потому, что он хоть и переступил традиционный запрет, но в своем искусстве всегда оставался верен национальной традиции и может быть по праву назван еврейским художником.

Моисей Маймон родился в 1860, в одном из местечек черты оседлости. В 1880 он приехал в Петербург и поступил в Академию художеств. На курсе, как он отметил впоследствии в своих воспоминаниях, было всего три еврея. И хотя их в Академии никто не преследовал, а некоторые либеральные преподаватели даже опекали, в целом атмосфера либерализма сменилась к этому времени жестким курсом Александра III, и юноши не смешивались со своими православными сверстниками.

Молодому бедному студенту из провинции одиноко жилось в Петербурге — без денег, без семьи, без интенсивной еврейской жизни и взаимопомощи, характерных для местечка. Поэтому он сблизился с семьей таких же провинциальных небогатых евреев, куда ходил погреться, поговорить, справлять субботу, — в общем, как теперь говорят, общаться. Однажды во время праздника Песах в этой семье Маймон стал свидетелем отвратительной, но — увы! — характерной для того периода сцены.

В квартиру ворвались городовые и дворники и потребовали у хозяина документы на право жительства в Петербурге, а когда таковые оказались не в полном порядке, ему со всей семьей было приказано немедленно убираться из города. Потрясенный юноша ушел с неудавшегося праздника. На улице, возвращаясь к себе, он понял, что не успокоится, пока не напишет картину на сюжет увиденной им сцены. Осуществил свое намерение он не сразу.

Окончив Академию в 1887, со званием классного художника 1-й степени (за картину *Смерть Иоанна Грозного*), Маймон быстро приобретает известность как хороший портретист. Росло его мастерство, а с ним — количество заказов и доходы.

В 1893 в Академии художеств было намечено провести живописный конкурс, а в 1892 исполнялось 400 лет со дня трагического события еврейской истории — изгнания евреев из Испании. Маймон решил представить на конкурс картину, которая сквозь призму испанского сюжета показала бы современнику трагизм тогдашнего еврейского бесправия в России; художник хотел, чтобы каждый зритель ее мог увидеть в ней сцену, свидетелем которой некогда был он сам на квартире у своих друзей.

Предполагаемое название картины — *Марраны* — ни у кого не вызвало беспокойства. Маймону даже выделили стипендию на поездку в Испанию и Португалию для работы над сюжетом. В те времена картины не создавались за один день. Добросовестный художник должен был ознакомиться со страной, одеждой, мебелью, посудой, элементами интерьера средневековой Испании, делать множество эскизов, читать исторические работы. Достоверность изображаемого, прорисовка деталей тогда еще ценилась классической школой. И Маймон отправился на Пиренейский полуостров. По возвращении он уже представлял себе свою работу в целом; были готовы первые наброски.

Вскоре была закончена и сама картина. Ее репродукция имеется в Еврейской энциклопедии. На картине изображен интерьер богатого дома марранов в Испании в конце XV века. Семья, члены которой одеты как испанские гранды, собралась за столом для празднования Пасхи. Во главе стола сидит седой старик с волевым лицом, в белом одеянии. В этот момент в комнату

врываюся стражники и инквизиция. Всех несчастных тайных иудеев ждет теперь, очевидно, смерть на костре.

В процессе работы над картиной Маймон столкнулся со следующей трудностью. Полотно было готово более чем наполовину, срок конкурса приближался, а центральный образ все еще не полностью сформировался в воображении художника: не с кого было писать старика. И вот однажды, на светском приеме в Петербурге, он увидел того, кого искал. В зал вошел знаменитый генерал артиллерии, увешанный орденами и знаками отличия, герой нескольких войн. Дистанция между Маймоном и знатным генералом была немалая, но живописец все же сумел познакомиться с ним и уговорил позировать для картины. Старик стал приезжать в студию и очень заинтересовался сюжетом. В день его последнего визита Моисей Маймон не удержался и спросил, почему все же генерал принял его предложение. Оказалось, что старый артиллерист родом из евреев, был в детстве забран в Николаевскую армию как кантонист и крещен, своего народа и его культуры почти не знает: помнит только, что есть Песах и Йом Кипур. Однако сюжет картины разбудил в нем воспоминания потерянного детства, и он не смог отказать художнику.

Марраны имели шумный успех на конкурсе в Академии художеств. За эту работу Маймон был избран академиком в 33 года. Полотно хотели купить для музея Академии, но Синод запретил это, ввиду его "антихристианского содержания". Затем картину возили показывать в Вильну и в Варшаву. Толпы людей ходили ее смотреть. Каждый видел в изображенном именно то, что хотел показать художник, — свою собственную судьбу. В настоящее время *Марраны* находятся в одном из американских музеев. У Маймона есть и другие работы на еврейскую тематику. Например, на картине *Опять на родине* изображен раненый русский солдат, еврей, вернувшийся с Японской войны и нашедший свой дом разгромленным.

Если теперь выйти на Крюков канал, пройти по нему до Театральной площади и повернуть налево по улице Союза Печатников (бывшая Торговая), то вскоре мы увидим неприметный дом на углу Торговой и Б. Мастерской (теперь Лермонтовский проспект), где в начале 1910-х годов располагалось книгоиздательство и книжный склад *Восток*. Адрес: Торговая 11. Здесь же, на складе, можно было купить новую книгу. В Петербурге

были, конечно, и другие еврейские книжные издательства и лавки: например, книжный склад *Эзро* на Садовой 52. *Восток*, однако, интересен нам потому, что его деятельность отражала зарождение нового направления в еврейской общественной жизни: палестинофильства, а затем и сионизма.

В 1882, в Берлине, была издана на немецком языке брошюра известного ученого и публициста, врача и общественного деятеля из Одессы, Льва Семеновича Пинскера *Autoemancipation!* (*Автоэмансипация!*), представлявшая собою призыв русско-го еврея к своим соплеменникам. Вскоре брошюра была переведена на русский язык. В этой работе Л.С. Пинскер (1827–1897) утверждал, что истинное равноправие евреев среди других народов не может быть достигнуто получением гражданских прав. Единственным решением "еврейского вопроса" Пинскер считал создание собственного государства для евреев. Он побуждал еврейский народ принять активное участие в строительстве собственного будущего. "Теперь или никогда!" да будет нашим лозунгом! Горе нашим потомкам, горе памяти современных евреев, если мы не воспользуемся настоящим моментом!.. Помогите себе сами — и Бог вам поможет!.." — писал автор брошюры. Идеи Пинскера, подкрепленные новыми погромами и появлением политического сионизма на Западе (книга Т. Герцля *Еврейское государство* вышла в 1896, а первый Базельский конгресс сионистов состоялся в 1897) вызвали мощный отклик еврейской интеллигенции в России.

Передо мной рекламная брошюра книгоиздательства *Восток* за 1913 год. Что она рекламирует? Это, во-первых, сборник стихов Хайма Нахмана Бялика *Песни и поэмы* в переводах Вл. Жаботинского; затем *Фельетоны* Теодора Герцля с предисловием Вл. Жаботинского; и, наконец, книга самого Жаботинского, в которой собраны его основные статьи и речи за предыдущие восемь лет. Все три книги изданы в твердых переплетах, на хорошей бумаге. Две первые содержат портреты авторов: бородатого человека с волевым лицом и сложенными на груди руками — Герцля; и беспокойного интеллигента в несколько напряженной позе, с мощным лбом, округленными чертами лица и небольшими усами — Бялика.

Тут же помещены отзывы на эти книги, появившиеся в русской и еврейской печати. Вот что писал *Современник* о Х. Н. Бя-

лике: "На долю поэзии выпала большая радость, какой она давно уже не знала. Мы говорим о той поэзии, которая для всех одина, на каком бы языке или наречии она первоначально не звучала. Теперь ее песни зазвучали на седом, но живом языке еврейского народа, и поет их Х.-Н. Бялик. Это имя надо запомнить (...) ³ для своего народа, а для нас, людей иной расы, иного быта, — он, прежде всего, замечательный художник слова...".

Вот цитата из рецензии Корнея Чуковского, напечатанной в *Ежегоднике* газеты *Речь*: "Как не упомянуть, например, о значительной книге Вл. Жаботинского *Песни и поэмы Х. Бялика*, где с видимым напряжением, почти через силу даровитый публицист пытается передать своим твердым... стихом страстную библейскую поэзию нового пророка израильского...".

Действительно, горячая любовь Х.-Н. Бялика к своему народу превратила его в поэта-борца, поэта-пророка. В своих стихах он борется не только с внешним рабством, но и с внутренней духовной порабощенностью евреев, что сблизило его с духовным сионизмом. Его муза, одновременно скорбная и взывающая к борьбе, запомнилась современникам и ощутимо способствовала подъему и возрождению еврейства.

Как сухая трава, как поверженный дуб,
Так погиб мой народ, истлевающий труп.
Прогремел для него Божий голос с высот, —
И не внял, и не встал, и не дрогнул народ...
Раб уснул и отвык пробуждаться на клич, —
Подымают его только палка да бич.
Даже в утро борьбы, под раскатами труб,
Не проснется мертвец и не двинется труп.

Вот фрагмент из рецензии на *Фельетоны* Т. Герцля, помещенной в литературном приложении к журналу *Нива* за 1913: "Знаменитый возбудитель и вождь современного еврейского национального движения показал себя в этой книге с той стороны, с которой имя его менее известно. Если бы имя Герцля не было так тесно связано с сионизмом, одни эти фельетоны спасли бы его от забвения. Это не та беспардонная болтовня невежды обо всем, к которой нас приучила газетная пошлость наших дней и которая скомпрометировала самый литературный род фельето-

нов... Фельетон Герцля – тихая, интимная беседа светского человека и вместе с тем мудреца. На всем лежит печать глубокого и истинно культурного ума, превосходной и не тяжелой образованности и доброй, ясной души... Трудно найти такого ласкового друга, такого понимающего и остроумного собеседника...”.

Вы уже заметили, что во всех трех рекламируемых книжках участником издания является Вл. Жаботинский: в качестве переводчика, автора предисловия, автора всей книги. Да, это тот самый человек, который впоследствии стал одним из вождей еврейского национального движения.

Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940) родился в Одессе, учился в гимназии, затем изучал право в Римском и Бернском университетах. Литературой стал заниматься с девятнадцати лет, печатался сначала в русской либеральной прессе: *Русь*, *Наша жизнь*, а затем, примкнув к сионизму, – в еврейских изданиях. В 1902, в Одесском театре, были поставлены две его пьесы. Еврейская энциклопедия отмечает Жаботинского как энергичного партийного деятеля и прекрасного оратора и журналиста. Можно не разделять взглядов Жаботинского, но трудно отрицать масштабы его личности, которой все было по плечу, от политической деятельности до переводов труднейших стихов.

Вернемся к рекламному проспекту. В него вшита почтовая открытка с адресом издательства и перечнем предлагаемых книг: выписывавшие все три книги освобождались от платы за пересылку их почтой.

Всего в России было три русско-еврейских журнала, носивших название *Рассвет*. Один издавался в Одессе в 1860, другой выходил в Петербурге в 1879; третьим *Рассветом* стал еженедельник-полугазета, выходивший с 1 января 1907 в Петербурге и придерживавшийся палестинофильского направления. Чтобы увидеть здание, в котором располагалась его редакция, продолжим нашу прогулку по Торговой улице до дома 17.

Рассвет заменил собою несколько журналов, издававшихся одною и той же редакционной коллегией с 1904, и последовательно, один за другим, закрытых царской цензурой: *Еврейская жизнь*, *Хроника еврейской жизни*, *Еврейский народ*. В редакцию входили М.Д. Рывкин, Н.В. Сорин, А.Д. Идельсон и другие публицисты, посвятившие себя разработке вопросов теории и практики сионизма.

Популярность этого сравнительно нового движения в некоторой части еврейского населения объяснялась следующими обстоятельствами. Дело в том, что к концу XIX века идеи Гаскалы в чистом виде, то есть вера в то, что светское, в частности русское, образование несет еврею полное национальное равенство, оказались несостоятельными. Погромы и новое антиеврейское законодательство лишили просветительство всякой реальной почвы. Процесс Дрейфуса и подъем антисемитизма в Германии и Австрии убедили многих в том, что евреи не могут чувствовать себя спокойными даже в тех странах, где юридически они равны с остальным населением. Большая часть интеллигенции и рабочих примкнула в этот период к левому революционному движению, надеясь, что национальные проблемы исчезнут сами собой с исчезновением частной собственности. Некоторые же — их было сравнительно мало — считали, что вечный еврейский вопрос вообще не разрешим, пока евреи живут в диаспоре. Их взгляды и отражал еженедельник *Рассвет*. Он боролся с ассимиляцией, обсуждал практические вопросы палестинской колонизации, полемизировал с Бундом, посвящал статьи внутрипартийным вопросам. Там печатались иногда и те, кто придерживался взглядов, отличных от взглядов редакции, например, С. Дубнов. Печатались и художественные произведения. Частыми корреспондентами *Рассвета* были Д. Пасманик и Вл. Жаботинский. Последний поместил здесь в 1909 статью *Новая Турция и наши перспективы*, выясняющую национальный вопрос в Турции в связи с сионистскими устремлениями.

В одном из номеров за 1911 журнал напечатал отчет о финансовой деятельности Палестинского комитета (который находился в Одессе). Из отчета видно, что за три предшествовавших года комитет собрал 231 тыс. руб.; например, в Одессе было за 1910 собрано 16 тыс., в Москве — 13 тыс., в Варшаве — 9 тыс., в Лодзи — 10 тыс., в Петербурге — 8.7 тыс. рублей. Собранные деньги шли на строительство и закупку земли в Палестине и на переселение туда эмигрантов.

Адрес Торговая 17 знаменит еще и тем, что до *Рассвета* там находилась редакция старейшей в России газеты на иврите *Гамелиц*. Она издавалась с 1860 знаменитым еврейским журналистом и общественным деятелем Цедербаумом. *Гамелиц* (Толмач) был близок к самобытной народной интеллиген-

ции и впоследствии даже склонялся к палестинофильству. Однако в ней принимали участие писатели и других направлений — например, Л. Гордон, редактировавший газету с 1886 по 1889. В начале нашего столетия редактором *Гамелица* был Л. А. Рабинович. Уже с начала 1890-х годов стала газета ежедневным изданием европейского типа. До этого она выходила раз в неделю.

Сам же этот дом принадлежал одному из сыновей барона Горация Гинцбурга — банкиру и промышленнику Александру Горациевичу.

(Продолжение следует)

САУЛ ЧЕРНИХОВСКИЙ
(1875–1943)

Предлагаемый вниманию читателей шедевр, поэма Саула Черниковского в классическом переводе Владислава Ходасевича, должен, по мысли редакции, открыть собою ряд публикаций из новой еврейской поэзии — того героического периода первых успехов сионизма и обновления иврита, который теперь столь прочно забыт и по существу неизвестен послевоенному поколению. Заметка о жизни и творчестве автора и переводчика следует непосредственно за текстом поэмы. — *Ред.*

В а р е н и к и
Идиллия

(...)⁴

САУЛ ЧЕРНИХОВСКИЙ И ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

Два замечательных поэта, современники, писавшие на разных языках, но родившиеся в одной стране, были, по-видимому, лично знакомы и высоко ценили друг друга. Кажется также, что они оба, и в равной мере, были заинтересованы в сотрудничестве, давшем поистине удивительные плоды. Ходасевич начинает переводить с иврита в 1916. Эпические поэмы Черниховского произвели на него столь сильное впечатление, что он сам, прирожденный лирик, обращается к эпосу и в 1918—1920 пишет ряд больших стихотворений, сначала гекзаметром, затем нерифмованным ямбом, которые теперь относят к числу его лучших созданий. Стихи эти были встречены почтительным изумлением современников, так же как и его стихотворные переводы с иврита, т.е. в основном из Черниховского. Черниховский, со своей стороны, ничего не взял от музыки Ходасевича; однако, человек все-сторонней европейской образованности, он знал и любил русскую поэзию, понимал значение Ходасевича как поэта и переводчика и был заинтересован в появлении русских вариантов своих поэм. Вероятно, быстрый успех переводов Ходасевича и явился поводом для знакомства поэтов. Можно предположить, что его инициатором был Черниховский. В неопубликованном письме от 16 июня 1923, отправленном из Берлина в Зааров, он сам посылает свои новые стихи Ходасевичу с просьбой перевести их. В том же году Черниховский договаривается с художником Л.О. Пастернаком об иллюстрации одной из своих поэм, переведенной Ходасевичем. Последним отзвуком сотрудничества поэтов является сцена, описанная Зинаидой Шаховской. Как-то, встретив Черниховского в Париже, в Пен-Клубе, она прочла ему несколько его стихотворений в переводах Ходасевича. Черниховский, по предположению рассказчицы, не помнил их, а прослушав, воскликнул: "Это же совсем замечательно!"

Бросим беглый взгляд на жизнь и творчество каждого из поэтов.

Шаул (Саул Гутманович) Черниховский (1875—1943) родил-

ся в Таврической губернии, учился в коммерческом училище в Одессе, а затем в Гейдельбергском и Лозаннском университетах. В 1906 стал доктором медицины, с 1907 работал земским врачом в Таврической и Харьковской губерниях, а в годы Первой мировой войны служил врачом в русской армии. Позже он живет в Петербурге, где, отдавая дань времени, проникается революционной идеологией и работает для будущей русской революции. Его дебют состоялся в 1892; первое собрание стихотворений появилось в 1898. Еврейская энциклопедия называет музу Черниковского "светлой и радостной" и говорит о том, что она принесла "с собой в еврейскую литературу свежий аромат южных степей и лугов, радостный здоровый смех и опьяняющее чувство избытка непочатых сил и сладости бытия". В самом деле, эти новые и неожиданные для еврейской поэзии черты разительно отличают музу Черниковского от, скажем, музы Бялика, скорбной по преимуществу и в этом смысле гораздо более традиционной. Стихам Черниковского свойственны любовь к деталям, любовь и интерес к людям, — черты, общие для европейского гуманизма. К сожалению, о важнейшем элементе поэтического мастерства — о владении словом — я могу судить, говоря о Черниковском, лишь на основании переводов. Но переводы эти, выполненные Ходасевичем, по общему признанию одновременно блестящи и точны. И если бы, например, поэмы *Вареники* или *В знойный день* были известны мне как оригинальные произведения русскоязычного автора, — я смело назвал бы их гениальными, поставив в один ряд с самыми высокими эпическими творениями русской поэзии. Лирика Черниковского представляется мне несколько менее значительной. Вообще же, компилируя доступные нам отзывы современников, можно сказать, что значение Черниковского в новой еврейской поэзии громадно и видимо уступает лишь значению Бялика, этого Пушкина нового Израиля. Как и Бялик, Черниковский внес непосредственный вклад в развитие языка, в частности содействовал выработке номенклатуры флоры и фауны на иврите, посвятив этому вопросу специальную статью. Он перевел на иврит Мольера, Гете, обе эпопеи Гомера, *Песнь о Гайавате* Лонгфелло и ее прообраз, финскую *Калевалу*. Еврейский стих он обогатил разнообразием ритмов и форм...

Поэзия и частная жизнь Черниковского рисуют нам образ че-

ловека, бесконечно далекого от типа ортодоксального ашкеназийского еврея. Автор хвалебной *Песни Астарте и Белу*, бонвиван, принятый в обществе и пользующийся шумным успехом у дам в Европе и в Петербурге; революционер и космополит, женатый на гречанке, — он все же явился одним из самых ярких провозвестников еврейского возрождения, светского и духовного, одним из первых вождей сионизма. В 1922 он навсегда покидает Россию — возможно, в группе еврейских писателей, по ходатайству Горького и с особого разрешения Ленина выехавших в Берлин. В 1931 он поселяется в Палестине. Ему суждено было дожить до гитлеровских кошмаров, на которые он откликнулся двумя поэмами. Фактическая родина поэта, Россия, могла бы гордиться им с не меньшим правом, чем родина историческая, — но она с неизменной ревностью отворачивается от тех, кто умер в других краях. Современная Россия забыла Черниковского.

Забыла Россия и его переводчика — Владислава Фелициановича Ходасевича (1886—1939), и по той же причине. Ходасевич родился в московской купеческой семье католического вероисповедания, учился в классической гимназии, а затем на юридическом и историко-филологическом факультетах Императорского московского университета. Его первые публикации — стихи и критика — относятся к 1905. В эти годы формировалась "вторая волна" символизма, — он был подхвачен и на короткое время увлечен ею. Но уже в начале 1910-х годов мы видим в нем самостоятельного мастера, свободного от каких бы то ни было литературно-партийных поветрий своего времени, последовательного продолжателя русской классической традиции. Наиболее счастливыми для музы Ходасевича были годы с 1915 по 1925: в это десятилетие написаны принесшие ему широкую известность стихи его книг *Путем зерна* и *Тяжелая Лира*, в эти же годы выполнены все его переводы. Выпустив в 1927, в Париже, собрание своих стихов, Ходасевич как бы подводит итог себе как поэту, — и в дальнейшем пишет преимущественно критическую и литературоведческую прозу, а также мемуары. Эти его труды заслуживают отдельного рассмотрения. Если же говорить о стихах, то написано им немного: всего около 250 оригинальных стихотворений. Но значение его в русской поэзии XX века очень велико. Поэты, по выражению Ницше, мутят свою воду, чтобы она каза-

лась глубже, — Ходасевич, с достойной восхищения твердостью, всю свою жизнь опровергал этот блистательный афоризм. Его стихи значительны и просты. Они бедны звуковыми эффектами и после Блока и Мандельштама кажутся суховатыми, пресными. Но они богаты семантическими интонациями. Ходасевич продолжает в русской литературе традицию так называемой поэзии мысли, ведущей свое начало от Е. Боратынского: в этом своем качестве он вполне одинок в кругу современников, в этом — его неожиданность и сила. Ходасевич интровертирован и интенсивен — на фоне в основном экстравертированной, экстенсивной русской поэзии XX века. Если определить его творчество коротко, оно — диалог с Богом.

Ходасевич всегда, и в России (исключая годы военного коммунизма), и в эмиграции, зарабатывал себе на жизнь литературным трудом. Он много переводил; при этом прозаические переводы постепенно вытесняются у него поэтическими, — из польских, армянских, латышских, финских и, наконец, еврейских поэтов. Вот его ремарка по этому поводу (1927): "Творчество поэтов, пишущих в настоящее время на древне-еврейском языке, оказалось для меня наиболее ценным и близким. Переводам с древне-еврейского я уделил наиболее времени и труда...". (Интерес Ходасевича к еврейской поэзии был, возможно, подкреплен его происхождением: дедом по материнской линии ему приходился Я.А. Брафман, известный выкрест-антисемит, автор *Книги Кагала*.) Критика встретила эти переводы более чем благожелательно. Например, Д. Выгодский (1922) писал: "...надо отдать справедливость переводчику: он со своей задачей справился блестяще. Совершенные с точки зрения русского читателя, его стихи являют почти идеальное приближение к еврейскому подлиннику...". Книга Ходасевича *Из еврейских поэтов* вышедшая в 1921, была дважды переиздана в течение двух последующих лет. Более чем половина включенных в нее стихов — переводы из Черниковского. Ходасевич, по существу, открыл этого поэта для русского читателя.

Некоторые из современников (С. Парнок, Б. Поплавский) считали Ходасевича лучшим поэтом русского *Серебряного века*, однако настоящей прижизненной славы — славы Блока или Ахматовой — у него не было. Лишь после смерти за ним укрепилось имя первого поэта русской эмиграции. В настоящее время

мы наблюдаем нечто вроде реставрации Ходасевича на родине. Но эта реставрация не может быть сколько-нибудь полной: уехав из России в 1922, Ходасевич до конца своих дней остался убежденным противником большевизма и связанного с ним, по мнению поэта, культурного помрачения.

Ходасевич не знал иврита. Переводы сделаны им с буквальных подстрочников, снабженных латинской транскрипцией еврейского текста. В трудных случаях он консультировался с Л.Б. Яффе. Успех переводов, выполненных таким образом, не более удивителен, чем успех всякой подлинной поэзии. Поэтическая мысль отлична от философской или естественно-научной и, вообще говоря, непереводаема. Перевод возможен в единственном случае: когда один большой поэт *черпает вдохновение* в творчестве другого, равновеликого: только одного мастерства, только владения стихотворной формой, — здесь недостаточно. Поэтому переводы Ходасевича живы и будут жить долго. Поэтому же большинство переводных стихов наших дней, наводнивших русско-советскую литературу и очень неплохо выполненных, мертворожденны или нежизнеспособны.

-----oOo-----

ПАМЯТИ ЦЕЗАРЯ КУНИКОВА

Среди тех советских людей, кто с оружием в руках сражался с фашизмом в трагические для всего человечества годы Второй мировой войны, было немало евреев. Многие тысячи из них награждены орденами и медалями, сотни стали Героями Советского Союза. Один из самых ярких примеров героизма оставил нам майор Цезарь Львович Куников, получивший это звание посмертно — за подвиг, совершенный им на Малой земле. Покойный Маршал Советского Союза, бывший министр обороны СССР А.А. Гречко писал: "Среди погибших... здесь героев — ...украинец Авксентий Тихоступ,.. белорус Адам Цедрик,.. командир легендарного десанта на 'Малую землю' еврей Цезарь Куников... и другие..." (*Новое время*, 5 мая 1972).

О Ц. Куникове написано много. К сожалению, в некоторых из опубликованных о нем очерков встречается досадная неточность, касающаяся его национальной принадлежности. Так, в книге *Герои огненных лет (Московский рабочий, 1978)* опубликована статья Я. Макаренкова *Невозможное стало возможным*. Ей предпослана краткая биографическая справка, начинающаяся словами: "Родился в 1909 г. в городе Ростове-на-Дону. По национальности русский...". Между тем, и помимо цитированных выше слов Маршала А. Гречко, имеется много авторитетных свидетельств того, что Куников был евреем и считал себя таковым. Последовательный интернационалист особой складки 20-30-х годов, он говорил о своем еврействе со спокойным достоинством, если не с гордостью, и не забывал при составлении служебной автобиографии указывать в ней свою национальность.

В основу предлагаемого нашим читателям очерка об этом замечательном человеке положена уже упомянутая заметка репортера Я. Макаренкова, сокращенная и отредактированная. Фрагменты текста, данные в кавычках, принадлежат ему.

В декабре 1942 командующий Черноморской группой войск генерал И. Е. Петров предложил корреспонденту *Правды* Я. Макаренкову отправиться "под Геленджик к Куникову".

Рекомендовав Куникова как "отменного командира и хорошего воина", он, однако, не сообщил корреспонденту о готовящемся десанте: операция, теперь столь широко известная, держалась в строгой тайне — "по неписанным законам войны". Куников командовал морским батальоном; репутации воинской части и ее командира были очень высоки, — вот и все, что Макаренков знал заранее. Встреча состоялась. Репортер сообщает о продолжительной и интересной беседе с этим "плотным, среднего роста командиром с твердым, волевым лицом". Куников представился ему как бывший журналист: до войны он редактировал журнал, а затем газету *Машиностроение*. Макаренков, по обязанности корреспондента, взял у Куникова стандартное интервью: спросил о его прежней жизни. Эти сведения пригодились ему очень скоро.

Цезарь Львович Куников родился в Ростове-на-Дону, рос в Баку и в Москве. В 1926 он, слесарь известной фабрики канцелярских принадлежностей *Союз*, избирается секретарем ее комсомольской организации; одновременно с этим работает в Краснопресненском райкоме комсомола Москвы. С 1928 он кандидат, с 1929 — член КПСС. В этом же 1929 году Куников сделал неудачную попытку поступить в Военно-морское инженерное училище. С 1930 он работает токарем на Московском тормозном заводе, где вскоре становится секретарем комитета комсомола. Он — заметная фигура в жизни московского комсомола тех лет: член бюро Октябрьского райкома, затем член МК ВЛКСМ и делегат IX съезда (1931). В 1933 Московский комитет ВЛКСМ направил его на учебу в Промышленную академию. Одновременно он поступает в Машиностроительный институт им. Баумана, и спустя три года получает два инженерных диплома. Свою дальнейшую карьеру он делал с присущей энергичным людям того времени быстротой: в 1936 он главный технолог завода *Самоточка*, затем начальник технического управления Наркомата, затем редактор журнала *Машиностроение*; в 1939 — директор Научно-исследовательского института тяжелого машиностроения; перед войной — ответственный редактор газеты *Машиностроение*.

С началом войны Куников, "несмотря на броню", добился отправки на фронт, куда и был послан во главе 14-го отряда водного заграждения. К октябрю 1941 отряд Куникова оказался

в Приазовье, где действовал в тесном контакте с партизанами; на сторожевых катерах, в Миуском лимане и устье Дона; на суше, в районе Ростова и станции Синявской, на льду Дона и Азовского моря; под Таманью и Ейском. Условия боевых операций были чрезвычайно тяжелы. "Куниковцы" оказались незаменимы в этом районе, обнаружили незаурядное мужество и боеспособность. В 1942 Куников был награжден орденом Александра Невского. В том же году под Ейском "был создан знаменитый батальон Куникова".

Исторический десант, прославивший этот батальон и его командира, начался ночью, 4 февраля 1943. Он был важной частью общего наступления 47-й армии, которое началось двумя днями раньше севернее Новороссийска. "Это была огненная колесница с двумя крыльями, — говорит корреспондент, — десант состоял из двух частей. Основной десант высадился у Южной Озерейки, а вспомогательный, или демонстративный, — у Станички, под Новороссийском". Легко понять, что стоит за словами "вспомогательный, или демонстративный": этот десант заранее был обречен на истребление. Им-то и командовал Куников.

Ночью катера с десантниками вошли в Цемесскую бухту, поставили дымовую завесу и развернутым строем двинулись к берегу, к Мысхако. Куников в числе первых бросился в воду, 250 морских пехотинцев последовали за ним. Их встретил орудийный и минометный огонь, а впереди, в траншеях, занятых немцами, ждала рукопашная схватка. Ценой больших потерь и подлинного героизма был захвачен небольшой, насквозь простреливаемый плацдарм, десантники тут же начали "закапываться в землю" — только так и можно было удержаться на этом пятачке. "Он был так мал, что от левого фланга до правого были слышны все команды. Его метко называли Малой землей."

Куников был ранен в первые же минуты боя: осколком мины — в голову, пулей — в руку. Наскоро перевязав раны, он продолжал руководить десантом, а затем обороной. Последовал второй эшелон высадки: "куниковцы" получили подкрепление. Прекрасно понимая, что успех десанта — это падение Новороссийска, немцы обрушили на батальон Куникова настоящий шквал огня. В ход были пущены танки, тяжелая артиллерия, бомбардировщики; атака следовала за атакой. Десантники продолжали удерживать сплошь вспаханную взрывами землю. Их

сопротивление казалось чудом. Впоследствии немногие оставшиеся в живых свидетельствовали, что душой этого массового подвига с первой и до последней минуты оставался Куников.

Основной десант высадился ночью 4 февраля. Условия высадки под Южной Озерейкой были гораздо более благоприятны, силы второй десантной группы намного превосходили силы отряда Куникова. Тем не менее операция закончилась полным провалом: десант был сброшен в море. Говоря словами корреспондента, "в связи с создавшейся обстановкой они не достигли желаемого результата".

Горстка смертников Куникова, вопреки всякой реальности закрепившаяся в Станичке, стала основным десантом. Сюда теперь стали высаживаться более крупные подразделения. С их подходом Куников уступил командование обороной полковнику А. С. Потапову.

Между тем значение боя, завязавшегося на Малой земле, все возрастало. С обеих сторон в него вовлекалось все большее число людей и техники.

Куников был тяжело ранен еще 4 февраля. Блестяще, даже сверх всякого ожидания, выполнив свою задачу, он мог теперь, вместе с другими ранеными, быть эвакуированным в Геленджик. Однако он остался со своим батальоном: был, условно говоря, отведен в тыл десанта — руководить выгрузкой прибывающих пополнений и отправкой раненых. Говоря же всерьез, никакого тыла на Малой земле не было — один только ни на минуту не прекращающийся железный смерч, почти одинаковый у передовых окопов и у импровизированных причалов. Здесь, у причала, и настиг Куникова разрыв мины. Осколок угодил в живот. Теперь, смертельно раненый и уже без сознания, он был, наконец, отправлен на катере в госпиталь, в Геленджик. Операция его не спасла.

Звание Героя Советского Союза было ему присвоено 17 апреля 1943, всего через 40 дней после его гибели, — и задолго до падения Новороссийска, последовавшего 16 сентября. Вся операция длилась 225 дней, из них первые три были решающими. И едва ли будет преувеличением сказать, что решающим фактором успеха этих трех кошмарных дней явилось беспримерное личное мужество майора Цезаря Куникова.

Мы считаем нелишним перечислить и других советских командиров, отличившихся в эти страшные дни отвоевания первых пядей Малой земли. Это: лейтенанты В. Пшеченко и А. Тарановский, начальник штаба батальона майор Ф. Котанов, замполит лейтенант Н. Старшинов, старшие лейтенанты И. Жерновой, В. Ботылев, И. Ежель, И. Лукашев, Зубков, Белохвостов и Давыденко.

В ПОИСКАХ ЖАНРА

Итак, в Ленинграде появился, наконец, еврейский театр⁵. Нет здания, нет администрации, нет репертуара, — но театр существует, и благодарные зрители первых его постановок измеряются уже многими десятками. И вот что важно: этот, едва только возникший театр нельзя назвать непрофессиональным. Уже первый его спектакль *Масада*, выгодно отличается от всего того, что мне доводилось видеть на самодеятельной сцене. Создатели спектакля тонко понимают все плюсы и минусы нового, ими провозглашенного жанра — *Театра в квартире*. Лаконичность декораций, костюмов, звукового оформления, отсутствие грима создают особую атмосферу. Театр в квартире — актерский театр. И задача режиссера здесь — раствориться в актере, стать незаметным. Удача *Масады* (а это несомненная удача) состоит, прежде всего, в актерском мастерстве исполнителей и, одновременно, в полном понимании режиссером специфики жанра.

Здесь нет возможности детально разобрать данную работу, такого разбора, несомненно, заслуживающую. Но в связи с ней обозначилась одна очень важная, на мой взгляд, проблема: чем должен быть современный еврейский театр? Об этом мне и хотелось бы высказаться. Дело в том, что при всех достоинствах *Масады* я все же не назвал бы эту пьесу еврейской. Конечно, это мое замечание — вовсе не упрек создателям спектакля. У них сегодня нет, да и в ближайшем будущем, вероятно, не будет современных русскоязычных пьес, всерьез заслуживающих имени еврейских. Они еще должны быть написаны — или найдены: необходим поиск. Пока же, одновременно с поисками и попытками создать оригинальную драматургическую композицию, можно было бы обратиться к еврейской классике.

Что я имею в виду, назвав пьесу *Масада* не вполне еврейской? Честь и хвала искусству, говорящему сегодняшним ассимилированным евреям: "Еврей — не бранное слово, у нашего народа — славная история, уникальная культура, и т. д.". Но еврейская литература и драматургия — это, по-моему, иное. Это — тонкое понимание проблем, конфликтов, быта евреев описываемого периода. Например, во времена Масады основной конф-

ликт — конфликт Бен Заккая и саддукеев: погибнуть со славой, оставив векам память о неслыханном героизме евреев, — или покориться, выжить, спасая еврейство и иудаизм, и заложить основу для жизни многих поколений диаспоры. Пьеса, решающая эту проблему во всей ее полноте, была бы чрезвычайно важна и интересна. И *Масада*, в самом деле, как будто справляется с этим, — но только как будто. Акцент сделан на другом. Автор излишне подчеркивает героизм, стойкость и мужество еврейских повстанцев, как бы говоря зрителям: "Не стыдитесь своего еврейства". Но сейчас не 1956, и даже не 1967 год. Наша молодежь давно уже подняла голову, и перед литературой и драматургией встала другая задача: воссоздать и сохранить быт и традиции убитого, растоптанного восточно-европейского еврейства; в исторической ретроспективе показать сложность и красоту духовного мира нашего народа. *Масада* решает эту задачу не вполне, не до конца. Мы благодарны нашему театру, но покидаем его, лишь слегка утолив наш духовный голод.

Что еще остается пожелать? Наша эпоха, наше поистине удивительное время ждет своих летописцев, своих выразителей. Между прочим, должна быть создана и художественная версия стоящей сейчас в повестке дня проблемы Возращения. Одним словом, теперь, имея своего многочисленного и заинтересованного зрителя, своих, вполне профессиональных, режиссера и актеров (в том числе и новых), театр должен всерьез задаться вопросом о создании подлинно еврейского спектакля.

—————оооо—————

ЛОЕК:

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СОБРАНИЕ И ПРОЕКТ УСТАВА

19 июля 1982 в Ленинграде состоялось заседание Оргкомитета по созданию Ленинградского Общества по Изучению Еврейской Культуры. В составе инициативной группы были:

Б.А. Вайнерман, И.М. Григорьева, Я.И. Городецкий, Е.В. Ключнер, В.М. Лембриков, В.И. Фридман, С.П. Фрумкин, А.А. Чудновский, Э.-И.Н. Эрлих, А.И. Яцкевич.

На заседании был принят помещенный ниже документ.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЛОЕК)

ПРОЕКТ УСТАВА

1. Цели и задачи Общества, способы их осуществления и район деятельности

- 1.1. Общество ставит своей целью изучение различных аспектов и углубление еврейской национальной культуры. В этом плане задачи его полностью соответствуют задачам национального культурного строительства СССР – всемерному развитию национальной по форме и социалистической по содержанию культуры нашей многонациональной страны. Как и все добровольные общества, оно ставит своей задачей активное участие в коммунистическом строительстве Союза ССР в соответствии со статьями 46 и 51 Конституции СССР. Осуществление задач Общества прямо вытекает из решений XXVI съезда КПСС и высказываний Л.И. Брежнева о необходимости всемерно развивать национальные культурные традиции народов СССР, наполняя их новым, социалистическим содержанием, что будет способствовать укреплению братства советских народов и уничтожению всякого рода националистических предрассудков.

Районом деятельности Общества являются Ленинград и Ленинградская область.

- 1.3. В соответствии с поставленной основной задачей Общество должно способствовать созданию условий для углубленного изучения и развития различных аспектов еврейской национальной культуры всеми желающими. Для удобства претворения таких задач в жизнь работа Общества строится по следующим направлениям:
- 1) изучение еврейских языков;
 - 2) изучение истории еврейского народа;
 - 3) изучение еврейского фольклора (народной песни и танца);
 - 4) театральная студия;
 - 5) изучение обычаев и традиций еврейского народа (национальные праздники, национальные обычаи и их истоки, национальная кухня, этнография различных еврейских общин мира);
 - 6) изучение еврейской литературы;
 - 7) развитие дружбы с народами зарубежных стран.
- Организационно – в форме секций.

2. Организационная структура Общества

- 2.1. Общество проводит свою работу на основе демократического централизма, а именно на основе выборности руководящих органов снизу доверху, обязательности постановлений высших органов для низших.
- 2.2. Основной организационной единицей Общества является секция, в которой реализуется то или иное направление деятельности Общества.
- 2.3. Секция организуется не менее чем из 10 членов Общества. При составе секции более 40 человек она может быть разбита на подсекции. Напротив, при числе членов менее 10 человек секция может быть ликвидирована или слита со смежной по интересам.
- 2.4. Каждый член Общества может быть приписан только к одной секции (что, естественно, не препятствует его участию в работе других секций).
- 2.5. Каждая секция выбирает из своих членов председателя и его заместителя сроком на 1 год. Выборы проходят открытым голосованием на собрании секций.
- 2.6. Регулярность собраний секций должна быть не реже одного

раза в месяц. В противном случае рассматривается вопрос о роспуске секции или ее слиянии.

- 2.7. Высшим органом Общества является Общее собрание его членов. Оно собирается один раз в год, заслушивает отчет о деятельности Общества за истекший период, намечает новые задачи, утверждает отчет о расходовании финансовых средств, выбирает Председателя Общества, Правление и Ревизионную комиссию. При общем количестве членов Общества в 100 или более человек Общее собрание заменяется Отчетно-перевыборной конференцией. Последняя собирается при гибкой норме представительства, определяемой правлением. Выборы на конференцию проводятся открытым голосованием по секциям.
- 2.8. Общее собрание выбирает Председателя Общества, Правление, которое и осуществляет руководство деятельностью Общества в промежутках между собраниями (или конференциями). В свою очередь Правление выбирает Секретаря, который является заместителем Председателя по текущей оперативной работе. В состав Правления также входят все председатели отдельных секций.
- 2.9. Общее собрание Общества выбирает Ревизионную комиссию, осуществляющую периодический контроль за деятельностью Правления, Председателя Общества и председателя секций.

3. Порядок вступления в члены Общества и выбытия из него

- 3.1. Членом Общества может быть всякий совершеннолетний житель Ленинграда или Ленинградской области, без различия пола, партийной и национальной принадлежности, признающий Устав Общества, активно участвующий в работе одной из его секций и платящий членские взносы.
- 3.2. Члены Общества делятся на членов-учредителей и вступающих в члены Общества. Членом-учредителем является всякий, участвующий в учредительном собрании Общества, подготовке его Устава и учредительного собрания. В последующем вступление в действительные члены Общества производится на основе письменного заявления.
- 3.3. Письменное заявление рассматривается на заседании секции, в которой преимущественно предполагает работать ли-

цо, подающее заявление. Собрание секции решает вопросы членства открытым голосованием.

- 3.4. Вступающий в Общество выплачивает вступительный взнос в размере 3 (трех) рублей.
- 3.5. Условием выбытия из членов Общества является: а) собственное желание; б) исключение. Вопрос об исключении также решается секциями открытым голосованием с последующим утверждением Правления.

4. Права и обязанности членов Общества

- 4.1. Каждый член Общества имеет право: а) избирать и быть избранным во все органы Общества; б) участвовать в конференциях и собраниях, а также во всех мероприятиях, проводимых Обществом; в) издавать через Общество свои труды; г) обращаться к Обществу по вопросам, относящимся к сфере деятельности Общества (научные консультации, содействие в повышении квалификации и т.д.); д) пользоваться всеми материальными фондами Общества (библиотекой, учебными пособиями, помещениями).
- 4.2. Каждый член Общества обязан: а) выполнять требования Устава Общества и решения руководящих органов Общества; б) участвовать в работе Общества; в) регулярно платить членские взносы.

5. Компетенция органов управления Обществом

- 5.1. Правлению Общества предоставляется право юридического лица. Оно может приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, принимать обязательства, искать и отвечать по суду и в органах Государственного Арбитража, принимать в дар и по завещанию имущество.
- 5.2. Правление проверяет выполнение секциями Общества решений Общего собрания и своих решений, оказывает секциям организационную и методическую помощь, определяет направления расходования финансовых средств, новые задачи и формы работы секций, утверждает годовые сводные планы, сметы и отчеты Общества, распоряжается всеми материальными и финансовыми средствами Общества.
- 5.3. В помощь Председателю Правление назначает казначея Общества.

- 5.4. Контроль над деятельностью Председателя и Правления Общества, в частности, над расходованием финансовых средств и хранением материальных ценностей, осуществляет Ревизионная комиссия, выбираемая Общим собранием (или конференцией) Общества и подотчетная этому органу.
- 5.5. Местом проведения собраний или конференций, а также местом нахождения Правления Общества является город Ленинград.

6. Источники образования средств Общества

- 6.1. Средства Общества формируются из следующих источников и поступлений: а) вступительные и членские взносы; б) доходы от проводимых Обществом мероприятий (курсы, лекционная и издательская деятельность, концерты и т.д.); в) добровольные целевые взносы и дары. Полученные таким образом средства перечисляются на специальный счет в сберкассе.
- 6.2. Ежеквартальный членский взнос — 1 рубль.

7. Управление деятельностью Общества. Изменение Устава. Ликвидация Общества

- 7.1. Наблюдение и контроль за деятельностью Общества осуществляется Ленгорисполкомом (непосредственно или через своих представителей). Общество подотчетно Ленгорисполкому, и один раз в год Правление представляет ему письменный отчет о работе Общества.
- 7.2. Изменения в Уставе Общества производятся по предложениям Правления и утверждаются Общим собранием (или конференцией) Общества. Прекращение деятельности отдельных секций, их слияние, разделение или ликвидация предлагаются Правлением и утверждаются Общим собранием (или конференцией) Общества.
- 7.3. Ликвидация Общества в целом может быть проведена: а) по постановлению Общего собрания (или, соответственно, конференции) Общества; б) по распоряжению органа, утвердившего Устав (в данном случае Ленгорисполкома).

ПРОТОКОЛ

СОБРАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПО СОЗДАНИЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЛОЕК)

19 июля 1982 г.

г. Ленинград

Пр и с у т с т в о в а л и :

- Вайнебман Б. А., 36 лет, рабочий, Ленинград-Павловск, 188623, ул. Халтурина, д. 11, кв. 6
- Григорьева И. М., 53 года, пенсионерка, Ленинград, 198260, ул. Стойкости, д. 19, кв. 10
- Городецкий Я. И., 36 лет, учитель, Ленинград, 197136, ул. Подрезова, д. 17, кв. 8
- Клюзнер Е. В., 48 лет, рабочий, Ленинград, 195252, Северный пр., д. 91/3, кв. 22
- Лембриков В. М., 41 год, инженер, Ленинград, 196135, ул. Фрунзе, д. 21, кв. 4
- Фридман В. И., 35 лет, врач, Ленинград, 190000, ул. Декабристов, д. 13, кв. 39
- Фрумкин С. П., 33 года, инженер, Ленинград, 195267, Гражданский пр., д. 126/1, кв. 70
- Чудновский А. А., 27 лет, инженер, Ленинградская обл., г. Кировск, ул. Краснофлотская, д. 20, кв. 28
- Эрлих Э.-И. Н., 48 лет, инженер, Ленинград, 195220, Гражданский пр., д. 13/1, кв. 182
- Яцкевич А. И., 62 года, пенсионер, Ленинград, 196105, Благодатная ул., д. 20, кв. 46.

П о в е с т к а д н я :

1. Рассмотрение Устава ЛОЕК.

Рабочий вариант проекта Устава представил Э. Н. Эрлих.

При обсуждении проекта Устава выступили гг. Э. Н. Эрлих, Б. А. Вайнерман, А. А. Чудновский, Я. И. Городецкий, С. П. Фрумкин. Тексты выступлений прилагаются к настоящему протоколу.

П о с т а н о в и л и :

Заслушав и обсудив предложенный проект Устава ЛОЕК, собрание Оргкомитета отмечает общее соответствие его требованиям к уставам добровольных обществ и принимает за основу.

Собрание постановляет после внесения дополнений, высказанных на настоящем собрании, принять проект Устава окончательным вариантом и:

1. открыть его для подписания желающим войти в число членов-учредителей Общества,
2. направить проект Устава и списки членов-учредителей в Леноблисполком для утверждения,
3. утвердить текст сопроводительного письма в Леноблисполком,
4. поручить Я.И. Городецкому и Э.Н. Эрлиху отправить сопроводительное письмо с проектом Устава в адрес Леноблисполкома не позднее 10 августа 1982 г.

Председатель собрания
Секретарь собрания

Я.И. Городецкий
Э.Н. Эрлих

ВЫСТУПЛЕНИЕ Э.Н. ЭРЛИХА

На протяжении почти 3-х лет в Ленинграде существует самостоятельный семинар по изучению истории и культуры еврейского народа. Этот семинар функционирует на общественных началах. Собрания проводятся на частных квартирах при нефиксированном членстве. В то же время проводящиеся практически еженедельно семинары вызывают большой интерес среди ленинградцев. На отдельных семинарах присутствовало от 20—30 до 60—70 человек.

Ряд самостоятельных коллективов проводят концерты народной песни, танца, ставятся спектакли национального содержания. Проводятся экскурсии по памятным местам еврейской культуры Петербурга—Петрограда—Ленинграда.

За прошедшие годы тысячи ленинградцев посетили семинары, экскурсии, концерты. Неоднократно предпринимались попытки ввести эту деятельность в официальное русло. Активисты несколько раз обращались с письмами в Ленинградский об-

ком КПСС, Ленгорисполком и другие компетентные органы. Однако под тем или иным предлогом в придании этому национальному культурному движению официального статуса было отказано. Более того, некоторые официальные органы препятствовали проведению перечисленных мероприятий.

Между тем создание добровольных обществ в СССР в основном регулируется двумя законодательными актами:

– Положением о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях), утвержденным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 января 1930 г. "О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли".⁶

Правовой основой создания обществ в СССР являются статьи 46 и 51 Конституции СССР. В соответствии с этими законодательными актами и сложившейся практикой существует ряд правовых режимов образования обществ. Не рассматривая излишне широко этот вопрос, отметим заявительный порядок создания обществ. В соответствии с ним граждане, желающие объединиться в добровольное общество, созывают учредительный съезд (конференцию, собрание), избирают руководящий орган общества, принимают его устав. После этого добровольное общество ставит в известность компетентный государственный орган, который в определенный срок проверяет соблюдение требований законодательства о добровольных обществах.

Если он найдет, что эти требования соблюдены, то государственный орган не примет никакого решения и общество считается созданным. Если им будет установлено, что эти требования не соблюдены, то принимается решение, запрещающее создание данного общества (см. "Добровольное общество при социализме", изд. "Наука", М., 1976 г.).

ВЫСТУПЛЕНИЕ Я.И. ГОРОДЕЦКОГО

В отчетном докладе XXVI съезду КПСС, сделанном Л.И. Брежневым, обращалось внимание на необходимость глубже вникать в специфические запросы в области культуры и языка граждан некоренных национальностей. Об этом также серьезно говорилось и в других партийных документах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева.

В Ленинграде проживает более 140000 евреев, проявляющих все возрастающий интерес к национальной культуре и истории.

Необходимо отметить, что интерес этот не удовлетворяется даже частично. Крайне мало издается литературы, посвященной истории и культуре евреев СССР, нет в Ленинграде театральных и иных представлений на национальную тематику. Почти невозможно послушать еврейскую музыку или изучить один из еврейских языков и т.д.

Такой вакуум естественно заполняется чуждыми влияниями, в том числе интенсивной и идеологически вредной пропагандой из-за рубежа.

Целью нашего Общества является стремление хоть как-то заполнить этот вакуум. Изучение истории и культуры евреев в СССР должно стать, на мой взгляд, его первоочередной задачей.

Особую важность приобретает изучение революционного и рабочего движения среди евреев России и его связи с революционным движением братских народов России, Украины, Белоруссии в первую очередь.

Надеюсь, что Общество будет способствовать развитию еврейской культуры в СССР и станет надежным заслоном на пути буржуазно-националистической пропаганды. Устав вполне отвечает этой задаче.

ВЫСТУПЛЕНИЕ С.П. ФРУМКИНА

Создавая новое национально-культурное общество, мне хочется подчеркнуть, что члены этого Общества должны быть, безусловно, интернационалистами. Изучая, сохраняя и развивая культурные традиции и наследие еврейского народа, мы постоянно должны помнить об органической связи с общечеловеческой культурой. Мы должны разбивать любые попытки протаскивания идей национального превосходства, кастовости, ограниченности. Мы не имеем права спекулировать жупелом антисемитизма, огульно обвиняя всех в некотором врожденном чувстве ненависти к евреям.

В СССР приезжают в качестве туристов достаточно большое число евреев из разных стран мира: из Англии и Франции, из Голландии и США, даже из Израиля. Вступая в контакты с зарубежными гостями, члены Общества обязаны способствовать установлению взаимопонимания между советским народом, частью которого мы являемся, и миролюбивой общественностью тех стран, откуда прибыли наши гости.

Думаю, что все члены Общества согласятся с тем, что альтернативы миру во всем мире нет.

Судьбы нашего народа складывались так, что близкие родственники зачастую оказывались в различных странах и даже различных социальных системах. От нас с вами тоже будет зависеть, чтобы люди никогда не поднимали оружия друг на друга.

Развитие культуры возможно только в мирных условиях, война уничтожает не только человеческие жизни, но и разрушает культурные достижения человеческих обществ. Вот почему каждый член создаваемого Общества по изучению еврейской культуры должен быть последовательным и активным борцом за мир, разоружение и разрядку, за справедливое урегулирование ближневосточной проблемы, за дружбу с народами всех стран мира.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А.А. ЧУДНОВСКОГО

Я бы хотел сказать несколько слов об изучении и преподавании еврейского языка, точнее еврейских языков, на которых говорили и писали евреи, помимо языков народов, среди которых они живут, ибо таких языков несколько. По степени значимости для культуры евреев их можно было бы расположить так:

- иврит, иногда называемый, теперь уже неверно, древнееврейским,
- идиш,
- ладино (еврейско-испанский),
- еврейско-арабский диалект.

Язык — это не просто средство общения. Язык — это, образно говоря, постоянно ткущаяся живая ткань, на которой вытканы узоры истории, культуры, всех областей духовной и материальной жизни народа. Именно поэтому для каждого культурного человека так важно хорошее знание родного языка.

К сожалению, евреи г. Ленинграда, да и всего Советского Союза, в массе не знают языка своих предков. Лишь немногие старики умеют читать на идиш, несколько большее число граждан еврейской национальности владеют разговорным идиш. Попутно отмечу, что если иврит изучается как в Ленинградском университете и в других ВУЗах СССР, то об изучении языка идиш мне ничего не известно. Во всяком случае, в учебных заведениях от школ до ВУЗов он не преподается. Даже в Еврейской автономной области! Так для кого же печатается журнал "Советише Геймланд", книги на идиш, а тем более для кого

они будут печататься в ближайшем будущем? Для зарубежных читателей? Не вдаваясь в причины утраты национального языка евреями СССР, можно только отметить, что не все они объективны.

Так или иначе, я считаю и уверен, что все вы присоединитесь к моему мнению: совершенно необходимо в рамках планируемого Общества организовать изучение и преподавание еврейских языков для всех желающих их изучать. Без этого деятельность Общества ни в коем случае нельзя считать полной, ибо выброшен один из основных элементов культуры евреев. Я предполагаю, что организовать преподавание иврита было бы не так уж сложно, так как в Ленинградском университете имеются высококвалифицированные специалисты в этой области и, возможно, они не отказались бы содействовать нам. Помимо них имеются люди, хорошо знающие иврит, а также люди, для которых он родной. Их также можно было бы просить о содействии. Вопрос с учебниками и словарями не сложен. Таковые имеются в Публичной библиотеке и библиотеке Университета. В крайнем случае, с них можно было бы снять копии. Также можно было бы просить о содействии иностранных специалистов-гебраистов.

С идишем дело обстоит еще проще. Есть люди, отлично знающие этот язык (я знаю их лично), они не откажутся помочь организовать изучение языка идиш. С этой целью можно обратиться в редакцию журнала "Советише Геймланд", который вот уже некоторое время печатает на своих страницах раздел в помощь самостоятельно изучающим идиш.

Таким образом, технически вполне осуществимо организовать изучение этих языков. К сожалению, с двумя другими названными еврейскими языками дело обстоит сложнее и в данный момент я не вижу возможности организовать их изучение. Возможно, со временем с учетом опыта изучения иврита и идиш и это можно будет сделать.

Я сказал о возможностях изучения иврита и идиш, но не сказал о главном — о желающих изучать эти языки. Я думаю, тут нет нужды проводить специальные статистические исследования. Все мы, здесь присутствующие, хотим изучать, по крайней мере, один из названных еврейских языков, а некоторые уже делают это самостоятельно. Каждый из нас назовет не менее десятка знакомых, которые желали бы изучать иврит, идиш или оба языка одновременно. Так что для начала найдется вполне достаточное количество учеников.

Резюмируя, предлагаю в рамках планируемого Общества организовать изучение и преподавание языков иврит и идиш в форме постоянно действующих бесплатных курсов. Впрочем, оплата возможна для покрытия амортизации учебных пособий. Считаю также, что через некоторое время ленинградцы смогут в подлиннике читать такие величайшие творения еврейского духа, имеющие общечеловеческое значение, как "Песнь Песней", "Экклезиаст", прекрасные песни "Золотого века Испании", напoeнные особым еврейским юмором и глубоким проникновением в душу человеческую произведения писателей на идиш: Менделе-Мойхер-Сфорима, Переца, Шолом Алейхема, современных советских, израильских и американских еврейских писателей.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Б.А. ВАЙНЕРМАНА

Всемерное развитие национальной по форме и социалистической по содержанию культуры СССР

В период развитого социализма все теснее становятся взаимосвязи прогресса экономики с социально-политическим и духовным прогрессом общества. Всему миру известны достижения нашей страны в деле развития и сближения национальных культур.

Однако, как отмечено в отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, "...это не значит, конечно, что все вопросы в сфере национальных отношений уже решены. У граждан некоторых национальностей есть свои специфические запросы в области языка, культуры и быта".

Что здесь можно отметить? Известно, что культура каждой советской нации выражает национальное и интернациональное в диалектическом единстве, а вся советская культура является сплавом создаваемых всеми нашими народами духовных ценностей. Это культура социалистическая по содержанию и многообразная по своим национальным формам. Невозможно создать полноценную, интернациональную, прогрессивную культуру страны, не развивая культуру каждой отдельной нации данной страны.

В работе "Критические заметки по национальному вопросу" В.И. Ленин писал, что "...национальная программа марксистов отстаивает, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении, а, во-вторых, принцип интернационализма".

Хочется сказать об успехах в этой области. Известно, что в каждой республике, наряду с русским, общегосударственным языком, равноправное место занимает национальный язык. Существуют национальные театры, фольклорные ансамбли, издаются газеты и журналы, печатаются книги. В Армении или Грузии, Узбекистане или Эстонии каждый ребенок с гордостью расскажет вам о героической истории своего народа. Но есть в нашей многонациональной стране народы, рассеянные среди других народов. Как же обстоят дела у них?

Я часто слышал и видел цыганские ансамбли. Не реже, чем раз в месяц, каждый может увидеть их по телевидению. В школе и других учебных заведениях я изучал всевозможные курсы истории — от древних времен до новейших. Так же не сложно по данным литературы проследить историю любого народа, населяющего наше государство. Мне приходилось много читать о Спартаке, Гарибальди, Рюрике, Суворове и многих других знаменитых личностях, но мне никогда не приходилось слышать о Маккавеех, Бар-Кохбе, непокорной римлянам Иудее, о восстании в Варшавском гетто, о евреях — Героях Советского Союза.

При построении коммунистического общества большое значение приобретает инициатива "снизу", гражданская активность народных масс, различные добровольные общественные организации. Вот почему я горячо поддерживаю предложение о создании общества по изучению еврейской культуры.

Хочу еще раз подчеркнуть то место в отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, где подчеркивается, что "ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы должны глубже вникать в такие вопросы, своевременно предлагать пути их решения".

Я уверен, что мы получим помощь и поддержку от Ленинградского обкома КПСС.

(Сопроводительное письмо)

Председателю Леноблисполкома

Направляем Вам для рассмотрения и утверждения проект Устава Ленинградского Общества по изучению еврейской культуры (ЛОЕК), разработанного в соответствии со статьями 46 и 51 Конституции СССР и Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 06.01.1930 г.

Проект был рассмотрен и утвержден на собрании Оргкомитета по созданию Общества 19 июля 1982 г.

Просим в установленный законом срок рассмотреть предлагаемый проект Устава и направить ответ со своими замечаниями по адресу: г. Ленинград, 197136, ул. Подрезова, д. 17, кв. 8. Городецкому Я.И.

Приложение:

1. Проект Устава ЛОЕК – 1 экз., 6 листов.
2. Протокол собрания Оргкомитета – 1 экз., 10 листов.
3. Список членов-учредителей – 1 экз., 4 листа.

По поручению собрания Оргкомитета
Председатель собрания

Городецкий Я.И.

СПИСОК ЧЛЕНОВ-УЧРЕДИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ознакомившись с материалами учредительного собрания ЛОЕК, поддерживая инициативу Оргкомитета, признаю Устав Общества и прошу считать меня членом-учредителем при условии одобрения деятельности Общества официальными советскими органами.

1. БОГУСЛАВСКАЯ Е. Д., 41 год, рабочая, 195253, Ленинград, пр. Энергетиков, д. 46/1, кв. 222
2. РОХЛИН Л. Ю., 25 лет, служащий, 197047, Ленинград, Морской пр., д. 43, кв. 94
3. КОЗАНЕВИЧ М. Я., 35 лет, рабочий, 193313, Ленинград, пр. Большевиков, д. 9/2, кв. 145
4. ПЫШНЫЙ С. П., 31 год, инженер, 193024, Ленинград, Невский пр., д. 150, кв. 7
5. ЮДБОРОВСКИЙ А. И., 26 лет, инженер, 197012, Ленинград, Пионерская ул., д. 22, кв. 6
6. ДЫНИН А. Р., 25 лет, учитель, 193168, Ленинград, ул. Дыбенко, д. 22/1, кв. 121
7. МИРОНОВА Л. В., 29 лет, рабочая, 193232, Ленинград, ул. Шотмана, д. 21, кв. 47
8. СИГАЛОВ Л. И., 26 лет, инженер, 188000, Ленинградская обл., Гатчинский р-н, пос. Коммунар, ул. Ленинградская, д. 1а, кв. 25
9. МЕЙЕРТАЛЬ А. Я., 80 лет, пенсионер, 198261, Ленинград, ул. Генерала Симоняка, д. 8/2, кв. 243
10. РОЩИНА Н. М., 45 лет, служащая, 198217, Ленинград, ул. III Интернационала, д. 63, кв. 117
11. БУРШТЕЙН Э. С., 45 лет, рабочий, 198261, Ленинград, ул. Генерала Симоняка, д. 8/2, кв. 233
12. МАЗУР А. З., 36 лет, инженер, 196340, Ленинград, Варшавская ул., д. 75, кв. 67
13. ЗЕРНОВ В. Б., 45 лет, служащий, 198067, Ленинград, пр. Майорова, д. 41, кв. 25
14. ШЕЙНИН А. Б., 26 лет, врач, 193273, Ленинград, ул. Карпинского, д. 9/1, кв. 15
15. КИЗЕЛЬШТЕЙН В. А., 44 года, инженер, 191025, Ленинград, ул. Колокольная, д. 3, кв. 24

16. НАЙФЕЛЬД Д. А., 28 лет, инженер, 190000, Ленинград, пр. Майорова, д. 3/5, кв. 3
17. НИЛОВА Л. А., 26 лет, инженер, 197022, Ленинград, Кировский пр., д. 73/75, кв. 44
18. КОРЕНМАН В. Н., 29 лет, врач, 192212, Ленинград, пр. Славы, д. 12, кв. 133
19. КРАСИЛЬНИКОВА Т. В., 32 года, служащая, 190031, Ленинград, ул. П. Алексеева, д. 7, кв. 15
20. КАЦ М. А., 52 года, рабочий, 195253, Ленинград, пр. Энергетиков, д. 40, кв. 74
21. ФРАДКИН Д. А., 45 лет, служащий, 195248, Ленинград, шоссе Революции, д. 45, кв. 140
22. ЛЕЙБМАН Д. Я., 32 года, служащий, 197342, Ленинград, Торжковская ул., д. 11, кв. 29
23. КОЛЖЕР Ю. И., 36 лет, рабочий, 191187, Ленинград, ул. Воинова, д. 7, кв. 20
24. ИТКИН О. М., 36 лет, служащий, 197227, Ленинград, Серебристый бульвар, д. 16/1, кв. 294
25. ЗВЕРИНА О. Э., 24 года, инженер, 195220, Ленинград, Гражданский пр., д. 13/3, кв. 182
26. ЛЕЙН А. Е., 22 года, служащая, 194295, Ленинград, пр. Энгельса, д. 135, кв. 21
27. ЭЛЬМАН М. Е., 28 лет, служащий, 190068, Ленинград, Фонтанка, д. 119, кв. 30
28. ГОЛЬБРАЙХ И. Г., 47 лет, инженер, 195067, Ленинград, ул. Тухачевского, д. 33, кв. 100
29. БОРОВИНСКИЙ С. Б., 33 года, инженер, 193130, Ленинград, Греческий пр., д. 15, кв. 19
30. САЛЬМАН М. Ф., 25 лет, рабочий, 190031, Ленинград, Московский пр., д. 4, кв. 15
31. БЕЙЗЕР М. С., 32 года, инженер, 195273, Ленинград, ул. Карпинского, д. 13, кв. 7
32. ГОРОДНИЦКИЙ В. А., 26 лет, врач, 196211, Ленинград, пр. Космонавтов, д. 15, кв. 37
33. ВИЛЕНЧИК Г. А., 28 лет, инженер, 192187, Ленинград, ул. Чайковского, д. 2, кв. 14
34. ГОТМАН Е. А., 27 лет, инженер, 190000, Ленинград, ул. Герцена, д. 45, кв. 17
35. ЛЕВИТ Э. А., 35 лет, служащая, 193230, Ленинград, ул. Огнева, д. 8/1, кв. 14

36. ЕЛЬКИН Б. М., 36 лет, служащий, 197183, Ленинград,
ул. Савушкина, д. 3, кв. 39
37. ХАЗИН М. А., 32 года, инженер, 197046, Ленинград,
ул. бр. Васильевых, д. 8, кв. 20
38. ЗЕЛИЧЕНОК Р. И., 45 лет, инженер, 197022, Ленинград,
Карповка, д. 19, кв. 56
39. ДИНЕРШТЕЙН А. И., 47 лет, инженер, 199053, Ленинград,
град, Тучков пер., д. 11/5, кв. 8
40. КЛЮЗНЕР Л. Р., 80 лет, пенсионерка, 195252, Ленинград,
Северный пр., д. 91, корп. III, кв. 22
41. ТРОНЬ А. А., 34 года, аспирант, 199106, Ленинград,
Среднегаванский пр., д. 2/20, кв. 75
42. МАРТЫНОВ И. Ф., 43 года, служащий, 191180, Ленинград,
Фонтанка, д. 96, кв. 9
43. МАКУШКИН М. Н., 29 лет, служащий, 197136, Ленинград,
Большой пр. П. С., д. 74, кв. 61
44. ЛЕВИН Л. Н., 44 года, инженер, 196143, Ленинград,
ул. Орджоникидзе, д. 3, кв. 18
45. СМИРНОВ В. И., 36 лет, преподаватель, 199058, Ленинград,
В. О., 3-я линия, д. 44, кв. 43
46. ТРОНЬ А. А., 21 год, служащий, 195112, Ленинград,
ул. Стахановцев, д. 5, кв. 32
47. РЕЗНИК В. С., 43 года, служащий, 193019, Ленинград,
ул. Фаворского, д. 14, кв. 107
48. ЛИФШИЦ В. Б., 40 лет, инженер, 197022, Ленинград,
Кировский пр., д. 64, кв. 139
49. СОЛОВЬЕВА В. Г., 25 лет, служащая, 193024, Ленинград,
Невский пр., д. 170, кв. 35
50. МАНУСЕВИЧ С. Г., 32 года, инженер, 196002, Ленинград,
ул. Марата, д. 47/49, кв. 34

Татьяна МЕНАКЕР

КУРСЫ ЕВРЕЙСКОЙ КУХНИ

Занятия по еврейской кухне, успешно проводившиеся в течение 1981/82 учебного года, будут продолжаться и в этом сезоне. Интересно, что курсы ведет молодая русская женщина, которая, однако, по знанию тонкостей в приготовлении еврейских блюд может затмить любую еврейскую бабушку. Занятия были организованы очень интересно, так как они ориентировались на еврейские праздники. Ведь все еврейские праздники имеют свою особую трапезу с традиционным и символическим значением. И вот почти за месяц до каждого из праздников мы начинали слушать "теорию" праздничной трапезы, а недели за две приступали к практике. В итоге наши молодые хозяйки могли поразить своих родных, приготовив *латкес* — на Хануку, *гаменташен* (треугольные пирожки с маком) — на Пурим, *лекех* (из мацовой муки), *кнедлах* и *хрэмзлах* — на Песах. Во многих домах слушательницы и слушатели (!) курсов напомнили своим матерям и бабушкам "вкус еврейского праздника", подтолкнули их отыскать в памяти старые рецепты. Ведь сегодня почти никто не помнит, как приготовить классическую пасхальную трапезу с *гефилте фиш* (фаршированной рыбой), а уникальный торт *Дворец Ахашвероша* просто мало кто видел.

Пожалуй, одной из самых важных вещей, приготовлению которой мы научились, была *хала*. Печь халу, королеву субботнего стола, — значит ощущать дух еврейской субботы, сохранять тысячелетнюю еврейскую традицию. Когда глава дома за субботним столом благословляет хлеб (т.е. халу), восстанавливается связь времен. Хала — это Суббота, и Суббота — это хала.

Среди слушателей еврейской кухни примерно треть составляли молодые мужчины. Как это ни странно, они оказались более примерными исполнителями домашних заданий и более аккуратными посетителями занятий.

Конечно, основные трудности мы испытывали при поиске квартир. Ведь таких кухонь, где бы можно было заниматься

более чем с пятью или шестью слушателями одновременно, просто нет. Не во всякий дом нас пускали охотно: боятся грязи или просто большого количества незнакомых людей. Это препятствие мы обходили, разбиваясь на группы. Конечно, отсутствие постоянной квартиры для занятий и беготня по разным квартирам, на разных концах города, с продуктами в руках — не способствовали делу: многие слушатели отселились; но даже посещение двух или трех занятий принесло им много пользы и удовольствия.

Вторая трудность — отсутствие книг или печатных пособий по еврейской кухне на русском языке. Правда, имеются такие книги по-английски, но, во-первых, они труднодоступны, а во-вторых — упоминают продукты, которых нет в наших магазинах*. Любопытно, что на русском языке последние, по времени, руководства по еврейской кулинарии выходили в 1930.

Но — благодаря подвижничеству нашей руководительницы, а также важности нашего начинания и непритворного интереса к нему, — дело не стоит на месте. Новый учебный год собрал очень большое число желающих начать и продолжить изучение еврейской кухни. А сейчас — мы готовимся к празднику Рош-а-Шана, и на очереди — циммес, тейглах и другие сладкие блюда, чтобы Новый год был сладким и счастливым!

-----oOo-----

* Т.е. нет в принципе, вообще не бывает. Мы беседовали с курсантами, и они уверяют, что имеются трудности не только со специальными, но и с рядовыми продуктами. Один из них заметил: Что ж, тем четче мы все время осознавали важность продовольственной программы и ее всенародное значение. — *Ред.*

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Приводим даты еврейских праздников и памятных дней на 5743 год (1982–1983).

ПРАЗДНИКИ	По еврейскому календарю	По григорианскому календарю
РОШ А-ШАНА. Новый год. День трубления в шофар (рог). Традиция говорит, что в этот день Б-г начинает вершить суд над всеми живущими.	1–2 Тишри	18*–19 сентября
ЙАМИМ НОРАИМ. Дни трепета (Дни суда.) Дни, в которые решается судьба живущих. Раскаяние человека в дурных поступках может оказать решающее влияние на его судьбу.	1–10 Тишри	18–27 сентября
ЙОМ-КИПУР. День искупления. День завершения суда над каждым евреем и над всем народом Израиля в целом. День поста.	10 Тишри	27 сентября
СУККОТ. Кущи (шалашаи). В память о 40-летнем странствовании в Синайской пустыне после исхода из Египта. 7 дней предписано жить в шалашах (кущах); восьмой	15–22 Тишри	2–9 октября

* Согласно еврейскому лунно-солнечному календарю, день начинается вечером, после появления на небе трех звезд. Поэтому канун (эрев) праздника Рош а-Шана отмечается 17 сентября. Это же относится и к другим датам.

день Суккот, ШМИНИ-АЦЕРЕТ, —
день особой радости и веселья.

СИМХАТ ТОРА. Праздник Торы. 23 Тишри 10 октября
День окончания годичного цикла чтения Торы и начала нового цикла.

ХАНУКА. Праздник в память о чуде, случившемся в Храме во времена МАККАБЕЕВ (II век до н. э.). Храм в эти дни был заново освящен после освобождения Иерусалима, и в единственном неоскверненном светильнике, рассчитанном на сутки, масло горело 8 дней. 25 Кислев — 11–18
18 Тевет октября

ТУ-БИ-ШВАТ. Новый год деревьев. В этот день решается судьба будущего урожая. Посадка саженцев. 15 Шват 29 января

ПУРИМ. Праздник в память об избавлении евреев, живших в персидском изгнании (V век до н. э.), от угрозы полного уничтожения. 14 Адар 27 февраля

ПЕСАХ. Праздник исхода евреев из Египта. Праздник освобождения от морального и физического рабства. 15–22 Нисан 29 марта — 5 апреля

ЙОМ А-АЦМАУТ. День Независимости. В этот день, 5 Ияра 5708 (15 мая 1948-го), в Тель-Авиве было провозглашено образование Израиля. 5 Ияр 18 апреля

ШАВУОТ. Пятидесятница. Праздник дарования Торы на горе Синай, на 50-й день после исхода из Египта. 6–7 Севан 18–19 мая

ТИША-БЕАВ, 9-е Ава. День траура по Первому и Второму Храмам, разрушенным в этот день. С этим днем связано большинство катастроф еврейского народа. 9 Ав 19 июля

	TTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT	TTTTTTTTTT
TT	TT	TT	TT TT
TT	TT	TT	TT TT
TT	TT	TTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT
TT	TT	TT	TT TT
TT	TT	TT	TT TT
TT	TT	TTTTTTTTTTTT	TT TT

TTTTTTTTTT
TT TT
TT

TT TT

TT

TTTTTTTTTT

TT
TT

TT	TTTTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT
TT	TT TT	TT TT	TT TT TT
TT	TT TT	TT TT	TT TT
TT	TTTTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT	TT TT TT
TT	TT	TT TT	TT TT
TT	TT	TT TT	TT TT
TT	TTTTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT	TTTTTTTTTTTT

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 2

1982

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Лев УТЕВСКИЙ:	
Еврейские пророки	69
Григорий ВАССЕРМАН:	
Еврейский взгляд на мир	85
Михаил БЕЙЗЕР:	
Евреи в Петербурге. Путеводитель. Экскурсия 1-я (окончание)	98
Раввин А. ЛУБАНОВ:	
Выступления в Ленинградской синагоге (1962—1963)	111
Рабби Иосеф СОЛОВЕЙЧИК:	
Синагога как институт и как идея	123
Сообщение	134

-----ooO Ooo-----

В 70-е годы мы много читали. В то время, вспоминаемое теперь как светлое, воодушевляющее, по рукам ходили большие и маленькие журналы и журнальчики, альманахи, сборники, отдельные статьи. Почти 7 лет издавался толстый журнал "Евреи в СССР" и чуть меньше и чуть тоньше "Тарбут" (Культура). То там, то здесь вспыхивали огоньки небольших сборников и тоже просвещали, информировали, обсуждали проблемы; нередко с умом и тактом, часто с большим изяществом и всегда — предельно эмоционально.

Но вот подошли 80-е, и в их тяжелой атмосфере плохо горелось маленьким несильным огонькам еврейского просветительства. Гасли они один за другим. И выросли, и вошли в жизнь молодые, которые почти ничего не читали, да и прочесть им было негде: ни в районной, ни даже в публичной городской библиотеке не получить самиздатский журнал, да и на руках их не видно — угомонились, осели.

Но еврей хочет понять себя, понять свою долгую историю, загадочную современность, он хочет разобраться в непростых еврейских проблемах, и знать, что о них думают другие. Еврей хочет ЧИТАТЬ!

И вот мы предпринимаем новую попытку: начинается еврейский альманах. Да, не все получится сразу, но есть серьезное основание думать, что наше знакомство, читатель, будет продолжительным.¹

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ЦИКЛА ЛЕКЦИЙ
ПО ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ**

Три года тому назад начал свою деятельность ленинградский "Цикл лекций по еврейской истории и культуре". Ой, как это было давно!!! С тех пор мы успели обрасти собственными воспоминаниями, собственными памятными датами. Даже успела выйти в свет книжка, посвященная истории лекций и гонениям на них в 1980–1981 гг. (П. Артов, "Вправе требовать уголовного наказания...", Л., 1981.)². За три года было подготовлено около 70 выступлений, и можно смело сказать, что кое-какие из них были удачными, вызвавшими большой интерес. В напряженной, насыщенной событиями обстановке тех лет мы, как это часто бывает, не думали о будущих историках: мало что записали, еще меньше удалось сохранить.

Наш ленинградский цикл, конечно, является вполне любительским начинанием. Даже в лучших его лекциях не так уж много оригинальных идей, они, как правило, компилятивны и скорее походят на удачные ученические работы. Но в то же время они несут на себе явную и яркую печать авторских индивидуальностей и, самое главное, говорят со слушателями и читателями привычным языком, более понятным современному еврейскому интеллигенту, чем язык Писания и Талмуда, чем образный мир еврейской традиции.

Мы предлагаем вашему вниманию текст двух лекций цикла. Они имели успех у слушателей, и мы надеемся, что и читателю будет интересно познакомиться с ними. Лекция Льва Утевского "Еврейские пророки" была впервые прочитана в феврале 1980 г., лекция Григория Вассермана "Еврейский взгляд на мир" – в ноябре 1981 г.

Лев УТЕВСКИЙ

ЕВРЕЙСКИЕ ПРОРОКИ

(Лекция)

Я буду рассказывать вам о еврейских пророках, о написанных ими в книгах идеях. Устами пророков говорил с еврейским народом Б-г в достаточно тяжелые и страшные для народа дни. Идеи пророков составляли и составляют часть Священного писания евреев. Они же представляли и продолжают представлять огромную ценность для всего человечества, так как эти идеи легли в основу современных представлений о добре и зле.

Я могу дать лишь самый общий и неполный очерк пророческих идей. Целый ряд важных и интересных вопросов я вынужден оставить за пределами своего рассказа. Главная аргументация моего рассказа — это слова самих пророков, я буду приводить их довольно много. Все высказывания и имена пророков я даю вам в русском синодальном переводе, пусть это вас не смущает.

Большая часть пророческих книг была написана в ту историческую эпоху, которая иногда именуется периодом двух царств. В 922 году до новой эры единое еврейское государство распалось на два царства: северное называлось Израиль (Эфраим), южное называлось Иудея. Оба еврейских государства жили в ожидании войны. Уже в царствование царя Иеровоама, то есть сразу после раскола, египтяне осуществляют опустошительный поход на Иудею и уходят только после того, как Иеровоам отдает им сокровища Иерусалимского Храма. К счастью для Иудеи, Египет на некоторое время выходит из игры, X–IX века проходят под знаком войн обоих еврейских государств с другими народами (сирийцами, моавитянами, филистимлянами, амонитянами), а также друг против друга. К этому надо добавить еще перевороты, особенно характерные для Израиля, где за 200 лет существования сменилось 19 царей и 8 династий. В Иудее за 360 лет было всего 19 царей, все из дома Давида, там было поспокойнее.

Еще первый израильский царь Иеровоам I ввел поклонение золотым тельцам, чтобы отвлечь народ от Иерусалимского

Храма. Специфика этого поклонения заключалась в том, что тельцы выступали как воплощение того самого Б-га, который вывел евреев из Египта.

К культу тельцов следует добавить культ вершин, дубрав, а также временами вводимые переменные культы.

Для Иудеи было характерно стремление в большей степени следовать основным принципам иудаизма, единобожия. Но и в Иудее существовало поклонение деревьям, вершинам, чужеземным культам. Хотя такого откровенного идолопоклонства, как в Израиле, не было, но настоящего монотеизма тоже не было.

Таким образом, для Израиля, и в равной степени для Иудеи, сложился совершенно странный, уродливый компромисс, при котором евреи называли себя избранным народом Б-га, кичились этим, — и одновременно поклонялись идолам. В середине VIII века до новой эры оба еврейских царства со всем древним Востоком оказались жертвами растущей ассирийской империи, которая захватывает весь Древний Восток менее чем за 100 лет, от Египта и Кипра — до Элама, и от Аравии до Малой Азии, Сирию, Ливан, Ирак, часть современного Ирана, Турции, Армении. Сначала еврейские государства становятся данниками Ассирии, сохраняя свою государственность, но в 724 году до новой эры ассирийцы уничтожают Израиль как государство, разрушают его столицу Самарию, осуществляют массовую депортацию израильтян. 27 290 наиболее видных израильтян увезены в Мидию (юг современного Ирана) и в Месопотамию. На их место пригнаны колонисты из Вавилона, Арамеи и других мест. Ассирийцы впервые в истории стали осуществлять подобное перемещение народов в массовых масштабах. При этом народы оказывались оторванными от своих политических и духовных руководителей, народы оказывались в непривычных местах и в непривычном окружении. Все это вместе резко уменьшало возможность организованного выступления народов против ассирийской империи.

Иудее в это время удалось уцелеть, выдержать нашествие ассирийской армии, осаду Иерусалима, и признать себя данницей Ассирии. Интересно, что вершина могущества Ассирии есть одновременно начало ее падения, которое оказалось еще более быстрым, чем взлет. В 650 году восстает и отделяется Египет, в 626 — Вавилония. В это время по всему Ближнему Востоку прокатывается кратковременная, но страшная волна скифского нашествия.

вия, которая ничего не меняет в политической обстановке того времени, но лишь усиливает анархию, увеличивает число ограбленных, убитых, изувеченных, угнанных в рабство. В 612 году столица Ассирии Ниневия разрушается вавилонянами и мидянами, в 605 году Ассирия как государство перестает существовать. Великая империя рушится за каких-нибудь 30–40 лет, в течение жизни одного поколения, на ее развалинах начинает развиваться борьба нового Вавилонского царства и Египта. В этой борьбе двух великих держав гибнет маленькая Иудея. В 598 году – первое вторжение вавилонян и первая депортация евреев, в 587 году Вавилония захватывает Иерусалим, грабит, разрушает Храм, осуществляет вторую массовую депортацию евреев в Вавилонию. Начинается вавилонское пленение, которое продолжается 50 лет. В 538 году Вавилонское царство захватывается персами, и царь Кир издает эдикт, дающий евреям право вернуться в Иерусалим.

Весь этот исторический период, примерно с VIII по VI век до н.э., период следующих один за другим кризисов, ставящих еврейский народ на грань гибели, период борьбы монотеизма и идолопоклонничества, и есть период создания большей части пророческих книг. Эти книги считаются величайшим вкладом еврейского народа в мировую культуру и человеческую мораль. Приведу цитату из учебника истории Древнего Востока, изданного в СССР в 1970 г. Автор, востоковед Авдиев, пишет: "Гневные речи социальных реформаторов – пророков вошли в состав лучших произведений мировой литературы".

Что же вообще такое пророческие книги? Кем и когда эти книги были написаны? Это очень непростые вопросы. Ортодоксальные евреи решают их очень просто: каждая из этих книг написана именно тем, кто указан в качестве автора и именно в то время, которое указано в этой книге. Так называемая критическая (в особенности) школа, которую правильнее было бы назвать гиперкритической, главной своей целью считала разоблачение этих утверждений, вообще разоблачение подлинности пророческих книг. Ученых этой школы хлебом не корми, но дай доказать, что, к примеру, книга Исаяи была написана не в указанное в этой книге время, а на три века позже. Мнения историков-библеистов дают очень разнообразную датировку. Например, диапазон написания небольшой книги Иоила – с VI века до н. э. по V век н. э. Тем не менее, есть пророческие книги, где совершенно четко указано, когда они были написаны (книга Иеремии).

Но все это несущественно, на мой взгляд, — по крайней мере для того, о чем я буду говорить вам.

Есть единый комплекс пророческих идей. Высказывания тех или иных пророков, без сомнения, противоречат друг другу. В этом тоже нет ничего плохого. Жизнь Иеремии в свое время спасло то, что задолго до него говорил Моисей. Так что это единый комплекс, выдержавший испытание тысячелетиями, не потеряв ценности и актуальности. С этой точки зрения не очень важно, что и когда было сказано. Конечно, очень интересно было бы знать, например, кто такой был так называемый Великий Аноним, человек, продолживший книгу Исаяи; почему мы не знаем его имени и называем его Вторым Исаяей. К сожалению, ответа на этот вопрос нет.

Перейдем к вопросу, кто же такие еврейские пророки.

Вернемся к самому началу еврейской истории, то есть к Исходу. Первым и самым великим еврейским пророком был Моисей, единственный, который говорил с Б-гом лицом к лицу. Историю Моисея я излагать не буду, он заслуживает совершенно отдельного и достаточно длительного разговора. Остановлюсь только на двух аспектах его пророческой деятельности и миссии, которые очень типичны для еврейского пророческого движения в целом.

Первое — это сугубо вынужденный характер пророчества. Моисей решительно не хочет пророчествовать, сначала он отказывается, объясняя отказ косноязычием. Когда же Г-сподь говорит: "Брат твой Аарон красноречив, он будет говорить за тебя", то Моисей прямо заявляет: "Г-споди, возьми другого, кого можешь взять". И лишь по настоятельному требованию Б-га он возлагает на себя эту пророческую миссию. Таким образом, не человек избирает пророческую миссию, а Б-г возлагает эту тяжелую миссию на человека, независимо от его воли. Об этом говорят многие пророки после Моисея. Вот что говорит о Б-ге и о себе пророк Иеремия, который начал пророчествовать юношей в 625 году до н. э. и пророческая деятельность которого продолжалась более 40 лет. "И подумал я — не буду напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его, но был в сердце моем как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и истомился, сдерживая его, и не мог".

Вторая важная черта еврейских пророков — это сугубый демократизм пророческой миссии. Во-первых, он в том, что про-

роком может быть избран любой человек. Косноязычие Моисея, пожалуй, не случайно, Амос — заика, Иеремия — неопытный юнша.

Не люди избирали пророческую миссию, а эту миссию налагают на них Б-г. Демократизм проявляется не только в том, что пророком может быть любой избранный Б-гом, но и в совершенно конкретной ситуации. Когда дух Б-жий сошел на евреев, и два из них пророчествовали в стане, то Иисус Навин счел это не порядком, он был человек военный и обратился к Моисею с просьбой запретить им пророчествовать. На что Моисей отвечает: "О, если бы все в народе Г-нем были пророками!". Чтобы понять значение этого, сравните хотя бы с исламом, где объявляется, что Мохаммед — последний пророк, после которого пророков быть больше не может.

Несколько слов о том, как развивалось пророческое движение после Моисея, чтобы были понятны пророческие книги. Известно, что в пророках недостатка не было, во всяком случае в конце эпохи судей пророки бродили по стране группами. В первой книге Царств рассказывается о встрече будущего царя Саула с сонмом пророков. На Саула нисходит Дух Б-жий, он начинает пророчествовать вместе с встреченными им пророками, и это вызывает очень интересную реакцию окружающих. Говорили в народе друг другу: "Что это случилось с сыном Кисовым? Неужели и Саул во пророках?". И отвечал один: "А у тех кто отец?". По мнению некоторых исследователей-библеистов, это место свидетельствует о не очень высоком уважении народа к профессиональным пророкам и может быть трактовано как удивление по поводу в общем не совсем приличного и достойного поведения сына приличных родителей. Отец Саула Кис был человек состоятельный, уважаемый, а вот его сын оказался в дурной компании.

Но как бы там ни было, сонмы пророков бродили по еврейской земле и в последующие столетия. Некоторые из них становились придворными пророками при царях, что, как правило, пагубно сказывалось на их пророческом даре, хотя были и исключения, и очень мощные, как, например, Исайя; он направлял политику царя. Как бы там ни было, истинное пророчество не иссякало. Известны такие истинные пророки Б-жие, как Самуил во времена Саула, Натан во времена Давида, Ахия во времена Соломона, наконец, величайший пророк Илия. Очень жаль, что не осталось книги, написанной Илией. Он жил во второй половине

9-го века до н.э. и творил чудеса, что обычно не свойственно еврейским пророкам. Пророков-чудотворцев очень немного: Моисей делал это в крайне ограниченном объеме и при крайней необходимости, затем Илия и Елисей, который просто повторяет чудеса Илии. Илия низводит огонь с неба на солдат, которые его преследуют, оживляет умершего мальчика, вызывает дождь во время засухи, в своеобразном соревновании побеждает и убивает 450 пророков Ваала и 400 дубравных пророков — таковы были условия соревнования. Когда он скрывается от гнева царя Ахава и царицы Иезевели, то ангел приносит ему пищу и питье.

Интересно, что начало конфликта с Ахавом и Иезевелью связано с фактом, казалось бы, удивительно незначительным по тем временам, да и последующим. Ахаву понравился виноградник одного из подданных, подданный отказался продать виноградник Ахаву. Жена Ахава Иезевель организует лжесвидетельство, подкупленные ею лжесвидетели утверждают, что собственник этого виноградника Навуфей хулил царя, и по закону его забивают камнями, а поскольку он государственный преступник, то царь получает его виноградник. Вы сами понимаете, что в общем истории такого рода в древнее, да и в не столь древнее время, были не очень редки, и тем не менее для Илии это мировое событие, это достаточное основание, чтобы предсказать гибель царя, гибель царицы, гибель всей династии, крах царства.

Вот это очень важная особенность пророчества. Это то, что современный социолог называет сверхчувствительностью к злу. Для человека рационального это пустяк, подумаешь, погибла еще одна человеческая жизнь. Для пророка это величайшая несправедливость, это нечто, ставящее мир на грань гибели. Такова специфика пророческого восприятия зла.

Образы Илии, его преемника Елисея, пророков, вмешивавшихся в политику, обличавших царей и даже смещавших их — это очень типично для пророческого движения. Как правило, представители этого движения находились в сложных отношениях с царями.

Я не могу подробно остановиться на деятельности пророков, для этого нужно делать отдельные рассказы (такой рассказ о Иеремии я делал). Кроме того, далеко не обо всех пророках мы располагаем такой информацией (подробной), как о Иеремии, Исае. Поэтому я перейду к анализу идей, выраженных в пророческих книгах. Книги эти связаны с наиболее значительными со-

бытиями жизни Древнего Востока в целом и еврейского народа в частности.

Первая группа пророческих книг относится к периоду от 750 года до 720 года до н.э. Это период роста Ассирийской империи, совершенно нового для Древнего Востока, ужасающего в своей жестокой непреодолимости исторического явления, период гибели северного Израильского государства, период ассирийского нашествия на Иудею и чудесного спасения Иерусалима. В это время, видимо, написаны книги Амоса, Осии, Михея и Первой Исаии.

Вторая группа пророков — это пророки краха Ассирийской империи, краха, быстрота и неожиданность которого невольно рождали мысль о Б-жественном возмездии. Это время ужаса и разрушения, потому что распад Ассирии — это восстания, это нашествие скифов, это войны. С другой стороны, это время надежды на освобождение. Пророки этого времени, т.е. примерно 20-х годов VII века, — это Цафония, Нахум, Аввакум и, возможно, Иона.

Пророки гибели Иудеи, разрушения Иерусалима: последним допленным пророком является Иеремия, он пророчествует с 625 года по 587 год. Сразу вслед за ним идут пророки вавилонского пленения: Иезекииль и Второй Исаия. О роли допленных пророков прекрасно сказал русский советский историк, востоковед, академик Тураев: "Представления, развитые допленными пророками и внедренные ими в сознание народа, обусловили сохранение как его самого, так и его веры". Уведенный в плен народ, поучаемый Иеремией и помнящий Исаию, не растворился среди язычников, а вышел из горнила окрепшим в вере и национализме. Пророки возвращения из вавилонского плена, то есть периода, начавшегося в 538 году до н. э., — это Аггей и Захария. Пророками второго Храма принято считать третьего Исаию, хотя некоторые считают, что все это часть Второго Исаии, и пророка Малахи — V век до н. э. Что касается книги Даниила, тут мнения расходятся, некоторые склонны ее относить к периоду Маккавейского восстания, то есть ко II веку до н. э.

Первым по времени всплеском движения пророков, записавших свои пророчества, является книга пророка Амоса. Удивительно, как драматичны обстоятельства пророчества Амоса. Царь Израиля Иеровоам II незадолго до конца своего дол-

гого и удивительно благополучного царствования где-то около 750 г. до н. э. вместе со своими жрецами, придворными, жителями столицы, паломниками, празднует победу над Дамаском, победу грандиозную, после которой Арамейское царство оказалось подчиненным Израилю, а в свое время и Израиль, и Иудея платили ему дань. И вот вдруг на этом празднике появляется человек, объявляющий, что он не пророк и не сын пророка, а всего лишь пастух из соседней Иудеи. Этот человек говорит, что он не может не пророчествовать, так как это ему велел Г-дь. Вот что он говорит: "Лев зарычал — кто не содрогнется? Г-дь Б-г сказал — кто не станет пророчествовать?". И далее этот человек — Амос — обрушивается на собравшихся и обвиняет их во лжи, угнетении бедных, самодовольстве, забвении Б-га и предрекает им гибель, как в Израиле, так и в соседних царствах.

Что же вызывает возмущение? Прежде всего, несправедливость и жестокость. Те, кто продает бедного и правого за пару сандалий. Притесняющие личность, угнетающие бедность, те, кто попирает бедного и берет от него подарки, те, кто берет взятки и извращает в суде дела бедных. Амос подчеркивает показное благочестие этих людей, которые готовы приносить жертвы каждое утро. Устами Амоса Г-дь говорит: "Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю запахи во время торжественных собраний ваших". Эти люди, которых обличает Амос, кичатся тем, что Г-дь избрал их и вывел из тьмы Египта, рассматривают это как гарантию будущих благ. В ответ на это звучат слова Б-га: "Не таковы ли и вы для меня, сыны Израилевы? Не я ли вывел Израиль из земли египетской? Только вас признал я из всех племен земли, поэтому и стыдно за все беззакония ваши". Амос предвещает гибель неправедного Израильского и других государств, и гибель эта выглядит не только как нашествие неприятеля, грабеж, убийства, пожары, а как некое вселенское бедствие. "Не поколеблется ли от этого земля, и не восплачет каждый и будет тот день, — говорит Г-дь, — произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня".

Интересно, что самое страшное Б-жье наказание, и в этом глубокий смысл пророческого подхода, — это духовная кара, лишение слова Б-жьего. "Я пошлю на землю голод, не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышанья слов Г-сподних.

И будут ходить от моря и до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Г-сподня, и не найдут его". Есть ли надежда на спасение? "Да, — отвечает Б-г устами Амоса, — взывайте Г-спода и будете живы, ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых, и тогда Г-сподь Б-г будет с вами. Возненавидьте зло и возлюбите добро, восстановите правосудие, может быть, Г-сподь Б-г помилует вас. Пусть правда течет как сильный поток". И вот пророчество Амоса заканчивается видением надежды: "И возвращу из плена народ мой израилев, и застроят опустевшие города, и поселятся в них, насадят виноградники, и будут пить вино из них, разведут сады и станут есть плоды, и водворю их на землю и они не будут более исторгаться из земли своей, которую Я дал им", — говорит Г-сподь Б-г.

На фоне этого великого и единого Б-га жалкими и отталкивающими выглядят идолы. Об идолопоклонстве я скажу позже, но сначала скажу об идее Б-га, о том, что принято называть монотеистической универсальной религией. Основы этой религии есть в Торе, поэтому я останавлиюсь только на некоторых моментах выражения этих идей пророками. Это идея всемогущего Б-га, Творца вселенной. "Кто сотворил Семизвездие и Орион и претворяет смертную тень в ясное утро, а день делает темным, как ночь? Он, который образует горы и творит ветер, и объявляет человеку намерения; кто устроил горние чертоги Свои на небесах и свод Оври утвердил на земле". Это слово Амоса. А его младший современник, Осия, с ужасом и отвращением говорит: "Народ мой вопрошает свое дерево, и жезл его дает ему ответ, ибо дух блуда ввел их в заблуждение. Сделали для себя литых истуканов, по понятию своему, полная работа художников, и говорят они приносящим жертву людям: Целуйте тельцов".

Единство и универсальность Б-га — это основа очень важной идеи, которую мы бы назвали демократической. Вот как выражена эта идея: "Разве не один Отец у всех людей, не один Б-г всех нас создал?". Первое следствие этой идеи то, что еврейские пророки обращаются ко всем народам, а не только к еврейскому народу. Второе — это рассмотрение социальной несправедливости, жестокости, отсутствия правосудия как преступления против Б-га, Отца всех людей. Обличение социальной несправедливости есть практически у всех пророков;

вот, например, слова Михея: "Слушайте, вы, главы Иакова и начальники дома Израилева, не вам ли должно знать правосудие, а вы ненавидите добро и любите зло, едите плод народа моего, сдираете кожу с него, а кости ломаете и дробите, подобно костям и мясу в котле. Главы дома Израилева и князя дома Израилева, гнушающиеся правосудия и искривляющие все прямое, созидающие Сион и Иерусалим неправдою. Главы его судят за подарки, и священники его учат за плату, и пророки его предрекают за деньги, а между тем опираются на Г-спода, говоря: "Не среди ли нас Г-сподь?" ". Все это соединение своекорыстия, несправедливости и ханжества особенно отвратительно пророкам. Часто внешнее почитание Б-га без справедливого отношения к людям, детям Б-га, рассматривается как преступление против Б-га. Основная линия развития пророческих идей – от обличения идолопоклонничества к обличению ритуализма, то есть формального соблюдения религиозных норм без активного делания добра.

Вот что говорит Б-г устами Исаяи: "Разве вы можете Мне построить Храм, когда небо – престол Мой, а земля – подножие его". Не забывайте, Иерусалимский Храм был главным местом стечения евреев. И вот дальше говорит тот же Исаяя: "Неужели вы думаете, что Б-гу угоден пост, во время которого вы томите себя голодом, надеваете на себя рубище, посыпаете голову пеплом, изгибаетесь на молитву, как тростник? Тот угоден Б-гу, который освободит узника, накормит голодного, оденет нагого, приютит бездомного". Обличения пророками грехов еврейского народа, естественно, ставило вопрос о наказании этого народа Б-гом. Это очень непростой вопрос, в нем воедино слиты такие понятия как любовь Б-га к своему народу, его Б-жий гнев по поводу грехов народа, наказание грешного народа, его воспитание, надежда на его возрождение.

Удивительное по силе и смелости выражение любви Б-га к Израилю находим в книге пророка Осии, младшего современника Амоса. Книга эта построена по принципу аналогии между любовью самого пророка к неверной жене и любовью Б-га к отпавшему от Него народу: "И сказал мне Г-сподь: Иди и полюби женщину любимую, но прелюбодействующую, подобно тому, как любит Г-сподь сынов Израиля, а они обращаются к другим богам". За это Израиль ждет страшное наказание:

”Ашур будет царем его, потому что они не захотели обратиться ко Мне, и упадет меч на города его и истребит затворы его и пожрет их за умыслы их”. Но Г-сподь говорит: ”Я милостив. Как предать тебя, Израиль? Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя, не сделаю из ярости гнева Моего, не истреблю Эфраима, ибо Я Ё-г, а не человек среди себя”. В будущем, когда народ раскается, Г-сподь обещает: ”Уврачую от падения их, возлюблю их по доброй воле, ибо гнев Мой отвалился от Меня. Я буду росой для Израиля, он расцветет, как лилия, и пустит корни свои как ливан (имеется в виду кедр Ливана). Удивителен образ любви Ё-га и народа, опять мы здесь возвращаемся к той же аналогии любви мужчины и женщины. ”Я увлеку ее, приведу ее в пустыню и буду говорить сердцу ее, и дам ей виноградники ее в преддверие надежды, и она будет там, как в дни юности своей, или в день выхода своего из земли Египетской. И будет тот день, — говорит Г-сподь, — ты будешь меня звать Муж мой и не будешь более звать меня бааль (господин) ”.

Без понимания любви Ё-га к своему народу не может быть понимания наказания этого народа за грехи его, тем более, что наказания ужасны. Напомню вам ужасы этого наказания, они были перед глазами пророков: это нашествие ассирийцев, это гибель Израильского царства, увод десятков тысяч израильтян, опустошение их земель воинами ассирийцев, Египтом, нашествие скифов, наконец, гибель Иудеи, падение святого города Иерусалима, гибель Храма, массовая депортация евреев в Вавилонию, — все это орудия гнева Г-сподня. Орудиями гнева Г-сподня оказываются чужеземные завоеватели. Здесь опять сложный морально-социологический комплекс пророческих идей. С одной стороны, вряд ли может быть что-либо более естественное, нежели ненависть к чужеземным завоевателям, надежда на мир. Эти чувства особенно ярко проявляются в книгах пророков Иоиля и Нахума. Обращаясь к народам и странам, которые сынов Израиля продавали сынам эллинов, чтобы удалить их от пределов этих, Г-сподь устами Иоиля говорит: ”Вот Я подниму их из того места, куда вы продали их, и обращу мзду вашу на голову вам, Египет сделается пустыней, а Эдом — пустою степью, за то, что они притесняли сынов Иудиных и проливали невинную кровь”.

Любопытно, что книга Иоиля, пожалуй, единственная про-

роческая книга, в которой сами иудеи выступают орудиями возмездия своим врагам. Здесь как бы еще слышны звуки битв времен завоевания Ханаана. "Приготовьтесь к войне, возбудите храбрость, пусть выступят, поднимутся все ратоборцы, перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья. Слабый пусть говорит: я силен".

Это же надежда на государственное, чисто военное возрождение есть, пожалуй, у Михея, где Б-г, обращаясь к остаткам Иакова, обещает: "Поднимется рука твоя над врагами твоими, и все неприятели твои будут истреблены". Однако у того же Михея говорится: "Будет остаток Иакова среди многих народов, как роса от Г-спода, как лилия на траве". Не забывайте: это — засушливая Иудея, где роса, лилия — это благо, благословение. Вообще же картина мщения угнетателям, захватчикам рисовалась пророкам скорее как результат сверхчеловеческого вмешательства Б-га. Эта идея, видимо, укреплялась чудовищно быстрым падением Ассирийской империи.

С восторгом описывает пророк Наум, по некоторым предположениям израильтянин, угнанный к ассирийцам, или потомок этих израильтян, гибель столицы ассирийской империи Ниневии, которую он называет городом кровей: "Несется колесница, сверкает меч и блещут копья, Египет множится, и груды трупов, нет конца трупам, спотыкаются о трупы".

Книга Наума завершается словами: "Все услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать тебе, ибо на кого не простиралась непрестанная злоба твоя?". И действительно, в крайне жестокие времена Ассирия стала символом жестокости. Поэтому тем интереснее история о чудесном спасении Ниневии, изложенная в книге пророка Ионы. Эту книгу не следует рассматривать как конкретное историческое свидетельство. В ней рассказывается о пророке Ионе, который, узнав, что Г-сподь избрал его своим пророком, попытался бежать на край света, — здесь тоже проявляется эта крайняя трудность пророческой миссии. В процессе этого бегства он чуть не тонет в море, чудом спасается после того, как взывает к Б-гу. И вот этот Иона является в Ниневию и пророчествует о ее гибели. И тут происходит нечто совершенно чудесное: царь и весь народ Ниневии каются в своих грехах, все одеваются в рубища, объявляют всеобщий пост и даже не кормят скот.

"И увидел Б-г их дела, что они отвратились от злого пути

своего, и пожалел Б-г о бедствии, о котором сказал, что наведет его на них, и не навел”. Все это прекрасно, но вызывает возмущение Ионы, которого Г-сподь заставил пророчествовать о гибели Ниневии, а пророчества его не исполнил. Иона начинает роптать на Б-га. Он удаляется за город, живет в пустыне, и Г-сподь, чтобы объяснить ему, почему он сделал так, а не иначе, выращивает растение за одну ночь, которое прикрывает его от солнца своей тенью, и затем за один день губит его. И когда ропот Ионы усиливается по поводу гибели растения, то Б-г говорит: ”Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого ты не растил, мне ли не сожалеть о Ниневии, городе великом, в котором более 120 тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота”.

Вот эта идея милосердного и долготерпеливого Б-га, прощающего раскаявшихся, жалеющего все народы, — это одно из величайших достижений пророческого движения.

Ну а как же быть все-таки с теми, кто не раскаялся, с орудиями гнева Г-сподня, с царями, которые, подобно царям Ассирии, хвастаются? — ”Силою руки моей и моей мудростью совершил это, я переставлял границы народов, как гнезда, и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю, и никто не пошевелил крылом и не открыл уста и не пискнул”.

Вот что отвечает Г-сподь: ”О, Ашур! Ты жаждал гнева Моего. Величается ли секира перед тем, кто рубит ею, как будто жезл восстает против владык, поражающих народы ударами, в ярости неотвратимыми”.

Итак, враги Израиля будут сокрушены, Израиль раскается в своих грехах и обратится к Б-гу, и тогда наступят дни возрождения еврейского народа, угнанного в вавилонский плен. Не так-то легко было поверить в возможность такого возрождения после обрушившихся на него событий и бедствий. Тем не менее такой декларацией веры является видение пророка Иезекииля. Г-сподь приводит пророка Иезекииля на поле, усеянное сухими человеческими костями, и говорит: ”Изреки пророчество на кости сии и скажи им: ”Кости сухие, слушайте слово Г-сподне: Я обложу вас жилами и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете и узнаете, что Я Г-сподь””. Далее на глазах Иезекииля происходит это чу-

до: кости превращаются в живых людей, и Г-сподь объясняет Иезекиилю: "Кости сии есть дом Израилев. Вот они говорят: 'Иссохли кости наши и погибла надежда наша, мы оторвались от корня'. Я открою гробы ваши и выведу вас из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву".

Как же будет жить этот возрожденный народ в своей земле? Одни пророки видят в будущем справедливое царство во главе с царем из дома Давида. Иезекииль подробно описывает государство священников. Но это не главное, главное все-таки — это идея чисто морального возрождения. Большую роль в этом моральном возрождении играет идея справедливого воздаяния каждому, идея личной ответственности человека перед Б-гом. Надо сказать, что для древнего мира вообще и для Древнего Востока в частности характерна была идея ответственности рода, то есть ответственности потомков за дела предков. Эту идею можно проследить от Древней Греции (проклятие рода Тантала) и до древней Индии.

В Торе есть слова о Б-ге-ревнителе, наказывающем детей за грехи отцов до третьего и четвертого рода. Но в той же Торе во Второзаконии говорится: "Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы за грехи отцов". И тут опять-таки сложный комплекс, поскольку одна из трактовок наказания детей за грехи отцов предполагает обязательное повторение детьми грехов отцов, только в этом случае они наказываются, то есть есть идея наказания до третьего и четвертого колена, только потом Г-сподь оправдывает. Тем не менее существовала идея коллективной ответственности; это естественно, коль скоро есть народная гордость, то должна быть и народная вина, разные стороны одной и той же идеи. Вот эта идея возмездия, переходящего из рода в род, была очень сильна, поэтому очень смело звучали слова Иезекииля: "Зачем вы употребляете на земле Израилевой эту пословицу, говоря: 'Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина'? Сын не несет вины отца, и отец не понесет вины сына". Эта идея казалась революционной и через много столетий. В Талмуде есть трактат Макот, он посвящен уголовным наказаниям, в нем говорится: "Моисей сказал, что Б-г карает детей за грехи отцов, Иезекииль явился и отменил это учение, утверждая, что только та душа, которая впала в грех, погибает". Я привел вам эту цитату, чтобы вы поняли,

насколько революционной казалась идея Иезекииля через много веков после того, как была написана эта книга. Вообще вокруг книги Иезекииля была большая полемика. В трактате Шабат сохранились слова, что если бы не р. Анания, то книга Иезекииля вообще бы не была включена в Священное Писание.

Идея личной ответственности перед Б-гом сочетается у пророков со столь же личной любовью к Б-гу. Исайя называет Б-га: "Возлюбленный друг мой". Иеремия говорит: "Г-сподь — честь моя, — говорит душа моя, и так буду надеяться на Него". И тот же Иеремия, который говорил о страшной тяжести пророческой миссии, говорит Б-гу: "Слово Твое мне в радость и в веселие сердца моего".

Описывая далее возрождение еврейского народа, пророки дали удивительное соединение материального благополучия и морального подъема. У одного и того же Иоиля (это небольшая, но очень емкая пророческая книга) рядом со словами "до сытости будете есть и насыщаться" соседствует такое: "Горы будут капать вином и холмы потекут молоком и все русла иудейские наполнятся водой". Представьте себе засушливую страну, в которой наполнение сухих русел водой было чудом наравне с холмами, текущими молоком. И в то же время тот же Иоиль вершину счастья представляет не в этом, а в другом обещании Б-га: "Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери, старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь излию в те дни от Духа Моего". Вот эта мечта Моисея о народе, в котором все пророки, она оказалась жива и через много столетий после него, и это — одна из вершин пророческой мысли; пройдет еще много столетий, и величайший еврейский законоучитель Гилель скажет о еврейском народе: "Если они не пророки, то, по меньшей мере, их потомки — от них надо ждать решения всех вопросов".

Но еврейским пророкам мало было только возрождения еврейского народа, в своих видениях они видели общечеловеческое, вселенское возрождение: "Как земля производит растения свои и как сад произрастает посеянное в нем, так Г-сподь Б-г проявит правду и славу перед всеми народами, ибо от Сиона выйдет закон и слово Г-сподне из Иерусалима. И будет Он судить народы и обличит многие племена, и перекуют мечи на"

орала, и копыа свои на серпы, не поднимет народ на народ меча и не будут более воевать”.

Как же представляли себе еврейские пророки будущую миссию еврейского народа? ”И будут последние дни, гора от грома Г-сподня поставлена будет во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы и скажут: ’Придите и взойдем на гору Г-сподню, в дом Б-га Иакова, и научит он нас своим речам, и будем ходить по стезям Его, ибо от Сиона выйдет закон и слово Г-сподне из Иерусалима. И будешь ты светочем народов, и пойдут народы за твоим светом, чтобы открыть глаза слепым, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме из темницы’ ”.

Таким образом, избранность еврейского народа – в раскрытии истины всем народам, в соответствии со словами Б-га, обращенными к Аврааму, Исааку и Иакову: ”И благословятся в семени твоём все народы земли”.

Г. ВАССЕРМАН

ЕВРЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА МИР

(Лекция)

Идея написать на эту тему возникла не сразу. Однако, автор в какой-то момент увидел, что многочисленные вопросы, задаваемые ему на лекциях и в ходе бесконечной череды встреч, бесед и разговоров, порождены одной-единственной причиной: неким очень существенным непониманием мира религиозного еврея, его точки зрения на окружающую реальность, системы его жизненных ценностей.

Мы воспитаны в обществе, которое можно назвать эллино-христианским. (Россия — восточная оконечность этого общества.) Наше видение мира целиком воспринято от этого общества, в том числе и горделивый взгляд на себя и своих собратьев по культуре как на некий венец *общечеловеческих* усилий, как на явление безусловно прогрессивное по сравнению с незначительными примитивными культурами "отсталых" народов. Очень естественно для человека (и столь же малоэффективно) воспринимать чужое мировоззрение со своей колокольни, пытаться чужую душу втиснуть в жесткие, но привычные рамки "своего мнения". Непонятное объявляется ничем, мелким, незначительным. Далеко не сразу европейцы поняли, что скорость полета пули ничего не значит, что покоренные японцы, китайцы, индийцы и другие народы нисколько не хуже французов или англичан — они *иные!* И сейчас вряд ли кто из интеллигентных европейцев заведет разговор о дикости индийских йогов или о смешной нелепости камбоджийской четвертьтоновой музыки. Мало кто понимает сложную символику традиционного японского театра, но каждый купит книгу с картинками об этом театре, как бы дорого она ни стоила и на каком бы языке ни была напечатана.

А евреи? Да-да, евреи, вот эти самые с характерной внешностью, странной одеждой и нелепой манерой размахивать руками? Вот эти вот, с длинными пейсами и живыми глазами, спешащие в свои "дома собраний", где они проводят почти пол-

дня: то сосредоточенно молясь, то в учении, распевая и раскачиваясь над толстыми древними фолиантами? Но это же "свои"! Да это же здесь рядом, совсем под боком! Да ведь это уже устарело!!!

Вот так, как правило, раскланиваясь перед чалмой или кимоно в почтительном поклоне (шутка ли, древняя культура — полторы тысячи лет или около того), наши образованные современники и современницы со снисходительной усмешкой поглядывают в сторону еврея, склонившегося над Талмудом. "Примитивные сказки!" — вот как это называется в век пара и телефона.

Да только правда ли это?

* * *

Мы очень давно живем на этой планете. Давно исчезли народы, вместе с которыми мы начали свой путь. Туманные следы оставили они в памяти Земли. Нет уже и более молодых, и, как казалось поначалу, более удачливых их наследников. Дряхлеют и теряют былую мощь наши теперешние соседи, народы Европы, а мы — мы все живем, живем, живем, все так же мало изменяясь, все неся какую-то свою ношу, выполняя свою задачу. Евреи ухитрились прожить бок о бок со своими соседями, работать вместе с ними и воевать, пахать и торговать, прокладывать дороги и ставить дома, шить, тачать, клепать и обмениваться взглядами о видах на урожай — и оставаться совершенно не понятыми этими народами.

Литература нееврейского мира изобилует примерами такого непонимания. Кто только ни писал о евреях, у кого только ни болела голова! Мне довелось видеть рукопись, созданную одним пожилым ленинградским евреем и содержащую различные высказывания неевреев о нашем народе. Это были два толстенных тома по 400 машинописных листов в каждом — грандиозный памятник непонимания. Древние римляне — отцы христианской церкви, философы средневекового ислама, политики и литераторы, общественные деятели нового времени — все внесли свой вклад (и немалый!) в эту летопись небылиц, мифов и диких вымыслов об евреях. И даже те, кто относился с природной симпатией демократа к этому маленькому гонимому народу, почти сплошь проходили мимо глав-

ного смысла еврейского бытия: быть свидетелями Откровения, заявлять и в успехе, и в горе, что Б-г — есть Творец и Царь мира. Приведу несколько таких благожелательных высказываний, сделанных уже в XX веке.

Русский писатель Пастернак в романе "Доктор Живаго" вкладывает в уста одного из героев романа, еврея, слова, в которых мы, по всем имеющимся сведениям, можем увидеть выражение авторских мыслей. В трудное для всех время гражданской войны, навидавшись ужасов фронтовой бойни, казачьей резни и голода, интеллигентный москвич задает вопрос, который звучит почти риторически: "В чем смысл многовековых еврейских мучений? Почему вожди этого маленького преследуемого отряда не объявляют о его самороспуске? Ведь уже пришло время, ведь уже пора! Ведь в этих издевательствах Провидения уже давно не слышно отзвуков надежды".

Другой известный писатель, немец Т. Манн, написал в 1944 году новеллу "Закон". Я не случайно обращаю внимание на год написания этого произведения. Честный человек, Манн был потрясен и глубочайше возмущен безмерными преступлениями гитлеровских людоедов, их дьявольскими преследованиями народа, который писатель уважал и чтит. Новелла "Закон" выросла из предисловия к сборнику, составленному немецкими писателями-эмигрантами как выражение поддержки и солидарности с еврейским народом. Но о чем же пишет Манн, чему отдает должное? Всего только уму и силе Моше Рабейну, выдумавшему очень мудрые законы и заставившему дикое племя подчиниться им, и тому, что эти законы легли в основание христианской (читай: современной) цивилизации. Автор так напирает на рациональный смысл рассказов Пятикнижия о грандиознейшем событии в человеческой истории, что чуть ли не главным образом новеллы, ее лейтмотивом, становится лопатка, которой практичный вождь снабдил своих собратьев, чтобы они закапывали в землю испражнения. Б-г Воинств, жгучая Сила, прошедшая наш народ через века, Тот, кому страстно молились и за которого, страдая, отдавали жизни, исчез бесследно. Так, под пером крупного писателя сострадание превратилось в насмешку.

Современные евреи очень любят цитировать — и делают это часто — строки из рассказа Куприна "Жидовка", в котором Куприн говорит о судьбе и предназначении еврейского народа.

Многословное страстное обращение к читателю заканчивается предположением, что "м. б. ему (еврейскому народу) суждено играть роль вечной закваски в огромном мировом брожении". Я потому упомянул Куприна, что он, как и Т. Манн, высказывает ту точку зрения на мировую историю, которая является одновременно и чрезвычайно распространенной, и крайне упрощенной, чтобы не сказать больше. Согласно этой концепции существует мировая история как некое общечеловеческое предприятие по возведению роскошного здания культурно-технологической (или технологически-культурной) цивилизации, и какой народ в это общее дело вклад сделал, тот по тому и оценивается. Кто дороги строит, кто картины пишет, кто философию придумывает, а вот евреи, например, для всей этой активности закваска. И так евреям это лестно, что закваска полезная они, а не трутни-дармоеды, как полагает куда большее число разговорчивых неевреев, и цитируют евреи эти строки с удовольствием и обильно.

Да что там говорить о неевреях, если сами евреи сплошь и рядом себя не понимают и о себе всякие диковины пишут и говорят. Я не буду останавливаться на людях, сознательно ушедших от еврейства и хлопнувших при этом дверью, да еще и плюнувших в ненавистную сторону вдобавок. Это за меня сделают наши братья-космополиты. Но евреи, которым их еврейство дорого? Уже довольно давно любимым занятием многих евреев, старых и молодых, является перечисление и подсчет тех "лиц еврейской национальности", которые с лучшей стороны проявили себя в науке, живописи, балете, политике, футболе, картах и т. д. (я уже не говорю о шахматах). Апофеоз этого развлечения выражает известный анекдот о папе римском. С удовольствием загибают пальцы и знаменитый Дубнов в своей "Истории", и современные историки — авторы "Истории еврейского народа" под ред. Ш. Этингера. Известный историк С. Рот, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, написавший книгу "Вклад евреев в современную цивилизацию" (название-то *из тех*). Думаете, он написал, как стояли мы у Синая, видели Б-га и слышали слова Десятисловия? О том, как пронесли эти слова в веках, и, хотя не заслужили видимой славы и спасения, все же сохранили их для мира и не дали ему пасть во тьму? Ничуть. Оказывается, мы, евреи, молодцы потому, что мы всехние врачи, всехние

адвокаты, писатели, ученые, инженеры, финансисты (и шахматисты, добавлю уже от себя).

И тут уже читатель чувствует, что я готовлюсь сейчас подвести под всем сказанным выше жирную широкую черту и сказать: "А на самом деле все не так!". И действительно, я так и собираюсь делать и говорю: "Смысл нашего существования, нашего еврейского бытия вовсе не в том, какую долю мы внесли в общий котел".

Еврей, воспитанный в традиции, мыслит свое положение в этом мире, свое предназначение, предназначение своего народа в том, чтобы служить Б-гу, Творцу всей вселенной, исполнять свою миссию, о которой мы узнали во время Синайского Откровения, совершенствовать мир, ведя его к состоянию чистоты и справедливости, которое евреи называют временем прихода Машиаха. Еврей должен помогать Б-гу изменять мир, и единственным средством, которым он может это сделать, является не физика и химия, не удобрения, не технологические линии и даже не виртуозная игра на скрипке или в шахматы, а только исполнение заповедей Торы. Еврей находится на этой службе 24 часа в сутки, 365 дней в году, все дни своей жизни. Когда работает, когда торгует, когда ест и пьет, когда учится и молится — всегда он чувствует, что все, что происходило и происходит с еврейским народом, с каждым отдельным евреем, ни на что не похоже, не имеет никаких исторических и иных материальных аналогий, а напротив, находится под прямым воздействием чудной Высшей Силы.

Вот как рассказывают об этом священные еврейские книги. Вспомним рассказ Писания о рождении сына Ицхака у бездетных стариков Авраама и Сарры. В нем прямо говорится, что Сарра была уже в том почтенном возрасте, когда она не могла родить. И происходит "чудо", появляется наследник, которому праотец наш Авраам мог передать свою веру, свое ощущение уникальности и всемогущества Б-га, свою надежду на то, что знание Б-га когда-нибудь воссияет во всем мире. Законы природы говорили "Нет!", Сам Всевышний сказал "Да". Еще подробней описан этот эпизод в мидраше — древнем толковании Пятикнижия. Сказал Авраам: "Вот я богат и почтен, я умудрен годами и знанием, но какой смысл во всем этом, если у меня нет и не будет наследника. Я изучил движение звезд, и звезды говорят мне, что у меня, столетнего, не будет сына, и Сарра

в свои годы уже не родит”. И ответил Б-г Аврааму: ”Оставь изучение светил: судьба Израиля не зависит от звезд”.

Древний Мидраш выпукло передает один из важных аспектов Творения: существует народ, чья судьба изъята из материального контекста, кто находится под прямым водительством Всевышнего.

Посмотрим теперь с этой точки зрения на другой рассказ Торы, рассказ о необыкновенно важном событии еврейской истории – Исходе из Египта. Евреи были хотя и многочисленным, но безоружным и не имеющим никакого военного опыта народом, придавленным к тому же тяготами рабства. Им противостоял великий Египет – самое мощное государство того времени, властитель которого всеми силами пытался удержать этих полезных рабов. И все-таки Исход совершается, совершается чудесным образом, и когда могучая армия фараона во всем своем блеске настигает беглецов у Красного моря и готовится поразить их, вера и решимость совершают еще одно чудо; волны моря расступаются, и евреи пересекают его, восхваляя своего Покровителя, Того, кому повинуются и волны, и народы; и войско фараона, устремившегося за евреями, гибнет все в нахлынувших водах.

Однако, затем евреи ропщут, отвернувшись от своего Спасителя, и... приходит Амалек воевать с Израилем. И когда две армии сошлись биться в долине, Моше с двумя помощниками поднялся на вершину холма. И тут вот Писание снова говорит ”загадочную” фразу: ”И когда Моше поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалек”. Вот странно: результат великой битвы зависит не от численности и оснащённости солдат, не от искусства военачальников. Нет, *все* зависит только от Моше и от того, насколько сердца и помыслы народа Израиля направлены к Б-гу, насколько они осознают свое предназначение, свою зависимость от Небесного Отца, источника сил народа. Если же их думы и взоры устремлены к земле, если они не способны видеть что-либо, за исключением оружия, действий противника и сил природы, то будет одолевать Амалек, всегда будет одолевать. Из этого эпизода мы можем извлечь еще один важный урок: в происходящем все зависит от Моше, а не от Амалека, от евреев, а не от амалекитян. Ведь писание не говорит о том, что на одном холме стоял Моше, а на другом амалекитский

вождь, что кто выше держал руки, тот народ и одолевал, нет, только Моше стремился поднять взоры своего народа к Небу, и только от его усилий зависел исход битвы.

Накануне того великого дня, когда испытанный скитаниями еврейский народ готовился войти в заветную ему Святую Землю, Моше обращается к своим соплеменникам со страстной речью, в которой еще и еще раз устремляет их внимание на единственность и драгоценность того Завета, который евреи заключили с Б-гом у Синая. Эти слова заслуживают особого нашего внимания еще и потому, что они стали составной частью главной еврейской молитвы "Шма", которую верующий еврей читает дважды в день, утром и вечером, и которая, по мнению наших мудрецов, выражает существо еврейской веры.

"Если вы будете слушать заповеди Мои, которые заповедую вам сегодня, любить Г-спода Б-га вашего и служить Ему от всего сердца вашего и от всей души вашей, то дам земле вашей дождь в свое время, ранний и поздний, и ты соберешь хлеб свой и вино свое и елей свой; и дам траву на поле твоём для скота твоего; и будешь есть и насыщаться. Берегитесь, чтобы не обольстились сердца ваши, и вы не уклонились, и не стали служить другим богам, и не поклонились им. И тогда воспламенится гнев Г-спода Б-га на вас и заключит Он небо, и не будет дождя, и земля не принесет произведений своих, и вы скоро погибнете с доброй земли, которую Г-сподь дает вам".

Смысл обращения прозрачен: материальное жестко обусловлено духовным, урожай зависит не от агротехники, удобрений, сил природы, а только от того, насколько чиста жизнь народа, насколько приблизился он к идеалам, провозглашаемым Торой. И напротив, уклонение от Завета, идолослужение и другие преступления против замысла Творца ведут к физической гибели. Особенно образно и рельефно идеи, положенные Г-сподом в основание еврейского народа, смысл его существования, его связи с Творцом, выражены в знаменитых Предупреждениях (Левит, гл. 26, Второзаконие, гл. 28).

Вот еще один эпизод из Священного Писания, призванный проиллюстрировать мою мысль — известная многим история евреев Мордехая и Эстер, произошедшая в Персии много веков назад и изложенная в Свитке Эстер, который ежегодно публично читается в синагогах в праздник Пурим.

Еще никогда и нигде евреи не жили так хорошо, как в свободной и славной Персии при царях Дарии и Ахашвероше. Почти не чувствуя никакого притеснения, почти равные в правах с коренными имперскими гражданами, персидские евреи жили в богатстве и почете, достигнув многих важных постов. Были еврей-царедворцы и еврей-торговцы, были еврей-военачальники и еврей-врачи, были еврей-ремесленники, евреи всех сословий, званий, состояний. И лучшие из них получили приглашение на пир, устроенный царем Ахашверошем по случаю 70-й годовщины разрушения некогда грозного Храма в Иерусалиме. И они пришли, гордые оказанной честью, они делали "лехаим" и пили "здоровье царя", они ели странную непривычную пищу, которая еще не появилась в их домах, они присутствовали при осквернении сосудов Храма, и ни один не покинул пиршественный зал в слезах, разорвав свои одежды...

И пришел Амалек воевать с Израилем... Возвеличен был нечестивый Аман, потомок амалекского царя Агага, и задумал этот Аман истребить всех евреев Персии. Под действие злодейского декрета всемогущего министра подпали все евреи без разбора: богатые и бедные, родовитые и безродные, ученые и невежды, ассимиляторы и ревнители веры... Но, как всегда, в минуту величайшей опасности послал Г-сподь своих вестников принять бой и победить. Такова была миссия Мордехая и Эстер. Но посмотрите, как странно начинает действовать Мордехай, услышав о людоедском замысле Амана: казалось бы, Мордехай, царский судья, высокопоставленный вельможа, должен был бы сразу нажать на дворцовые рычаги, бывшие в его распоряжении, привести в действие могущественный механизм царского кабинета, чтобы спасти своих соплеменников. Да и все евреи персидской столицы с надеждой смотрели на дворец царя, который находился в руках красавицы Эстер, племянницы и воспитанницы Мордехая. Царица Эстер своей красотой может пленить слабовольного царя и склонить его к отмене грозного указа.

Но Мордехай и Эстер поступают вопреки "логике", поступают совсем не так, как диктуют им властные материальные силы. Мордехай надевает вретиче и посылает голову пеплом (в таком виде его попросту не пустят во дворец), а затем обращается к Б-гу с молитвой, полной раскаяния. Что делает Эстер, узнав от преданного слуги о случившемся? Наверное,

она надевает свои лучшие одежды, украшается отборными драгоценностями и спешит, спешит к царю во всеоружии своего обаяния, чтобы отразить козни злодея Амана? Ничуть! Она просит передать Мордехаю, чтобы и он, и все евреи столицы постились три дня. Эстер добавляет, что и она со своими служанками поступит так же. Значит, все пропало, и евреям Персии уже не на кого надеяться, раз самые могущественные из их племени оказались не в состоянии отразить готовящийся удар? Да, по законам материального мира это было бы так. Но Мордехай и Эстер знали, что "судьба Израиля не зависит от звезд", что грандиозная напасть, вызванная тяжелым грехом идолослужения, может быть отвращена только искренним раскаянием всего народа. Они направляют все усилия на достижение именно этой цели и они добиваются блистательной победы. И для того, чтобы евреи всегда помнили о том, какими путями приходят в мир благословение и проклятие, и читают в синагогах каждый год Свиток Эстер.

В Иерусалимском Талмуде (Пеа) есть одна странная фраза: "Он сеет и верит, что посеянное взойдет". Но позвольте, при чем же здесь вера, если и у язычников всходит зерно, и вообще все это подчиняется законам природы?!

И сказали наши мудрецы: "Да, у язычника посеянное всходит в силу законов природы, а у еврея — в силу его веры!".

* * *

Вот такое осознание жизни как служения, такое полное подчинение всего человеческого существа служению, источником и одновременно целью которого является Б-г — Творец Мира и его Царь, придает облику еврея уникальнейшие черты, делает его совершеннейшей загадкой для ума, мыслящего ортодоксально. Это великое служение сплавляет время и пространство в Единое. Оно делает бедного сапожника, живущего где-нибудь в Польше или России, современником праотца Авраама и в то же время — Царя Машиаха, оно заставляет нас переживать как свои горести евреев древней Иудеи, средне-

векового Толедо, гитлеровского райха и Дамаска или Тегерана наших дней. Это служение придает надъисторический смысл покаянию и слезам оплакивающих Храм в скорбный день 9-го Ава, оно делает само это разрушение еврейской Святыни событием, происшедшим только что, вчера, минуту назад. Совсем непросто нееврею понять, что вот этого невзрачного и уже немолодого разносчика, колесника или водоноса в заношенном кафтане по-настоящему заботит и не только и не столько сытость его многочисленной голодной семьи, сколько то, что Храм разрушен, Шехина — Б-жественное Присутствие — разделяет с нами тесноту и ужас изгнания и что все наши попытки привести Избавителя в мир терпят пока неудачу.

Эта бесподобная ориентация сознания порождает множество специфических черт, составляющих вместе особую еврейскую ментальность. Остановимся вкратце на двух таких чертах.

Человека, начавшего знакомство с еврейской историей, обязательно поражает грандиозное явление еврейского мученичества, не имеющего даже приблизительных аналогий по своему масштабу, интенсивности и регулярной повторяемости на протяжении тысяч лет. Эту страшную многотысячелетнюю и многомиллионную кровавую резню, кажется, нельзя объяснить смятенной душой. Далеко не всегда притеснителями евреев были злодеи, подобные Гитлеру и Хмельницкому, не оставлявшие своим жертвам ни малейшей надежды на спасение. Нет, обычно евреям предлагался "свободный" выбор: одной из возможностей всегда была смерть, а другой — благородный пантеон вавилонских богов, или сильные могучего Рима покровители,... или крест,... или чалма,... или феска...

И вот представьте себе картину: палачи начинают убивать, убивать всех без разбора, или начиная с детей, и двор оглашается смертными криками, а ты читаешь "Шма" и готовишься к смерти, и до последней секунды остается возможность спастись, которую ты так и не выберешь. Такой простой шаг — только поцеловать крест или восславить Аллаха — и кошмар сразу кончится, вся семья будет спасена, а эти люди скоро уйдут, и ты сможешь молиться так же, как это делали твои предки, и быть может на этот раз вам улыбнется удача...

И все же почти никто не делал этого шага: огромное большинство принимало жестокую смерть. Почему? Потому что жизнь сама по себе, жизнь — биологическое существование

в глазах еврея не имеет никакого собственного значения. Она обретает смысл только тогда, когда еврей посвящает ее тому Высокому Служению, о котором мы говорили вначале. Поклониться Юноне или поцеловать крест — значило полностью обесмыслить свое пребывание на земле, сделать ничтожной миссию своей души, посланной Б-гом в этот мир, чтобы помочь ему подняться. Отступничество перечеркивало все, и еврей, поставленный перед жестоким выбором, хорошо это сознавал. Он решал вернуть Б-жественную душу, дарованную ему при рождении, ее действительному Отцу, и молил Его даровать силы для исполнения этого тяжелого решения. Лишенный возможности служить Б-гу жизнью, он служил Ему своей смертью. Он освящал Имя Всевышнего.

Варшавские хасиды хорошо понимали смысл событий, в результате которых Польша оказалась захваченной гитлеровскими войсками. Пришла беда, честно "заработанная" многими поколениями евреев, и им выпало платить по этому счету. Они понимали, что дни их сочтены и что если не произойдет Великого Чуда, все они погибнут. И их тоже волновал вопрос: каков их путь служения? Как именно им суждено своей смертью освятить, превознести и возвеличить Святое Имя?

И они сплясали хасидский танец под дулами автоматов, радостными движениями своими принимая и признавая справедливость Б-жественного приговора. Они были настоящими евреями, они приблизили приход Машиаха...

Другая специфическая черта еврейского мировоззрения — это стремление воспринимать мир в его единстве, как творение Единого. И эту особенность еврейского ума очень непросто охарактеризовать нашим эллинским сознанием, привыкшим *понимать анализируя*. Еврей не пытается разложить явления мира на составляющие, он рассматривает их в принципиальной нерасчлененности. Это приводит к некоторым не вполне очевидным следствиям. Вот, для примера, проблема предопределения и свободы воли, о которую сломано столько копий, разбито множество голов. Целый спектр мнений высказали мудрецы многих народов, а страсти все не утихают. Наследник эллинского мировоззрения мыслит антиномично: либо свобода воли есть, либо ее нет. Ответ еврея кажется ему странной уловкой: и предопределение, и свобода воли суще-

ствуют одновременно. К такому выводу приводит анализ Торы. (Я сознательно не говорю здесь о деталях этого анализа, чтобы не привлечь наше внимание к интересному, но немагистральному для данной лекции вопросу.)

Другой пример целостного восприятия: сосуществование понятий о личной и коллективной ответственности за грехи. Широко распространено представление, согласно которому в древних примитивных обществах было развито представление о коллективной вине (родовые проклятия древних греков), которое сменилось "прогрессивной" идеей личной ответственности за свои поступки чуть ли не во времена христианства. Причем проблема и здесь ставится антиномично: "либо – либо". Еврейское учение о грехе и воздаянии и здесь поражает нашего современника: существует одновременно и личная, и коллективная (семейная, общинная, народная) ответственность, которые сочетаются отнюдь не примитивным механическим способом.

Талмудическая логика вольно обращается с законом "исключенного третьего", довольно часто игнорируя его. Этот закон классической формальной логики утверждает, что относительно логических высказываний мы можем делать только два рода заключений: они либо истинны, либо ложны, и третьего не дано. Еврейское же сознание утверждает, что возможно и третье, и десятое, и восемнадцатое, что таков созданный Б-гом мир. "Молот нашего сознания, – говорит один древний комментарий, – ударяет по скале явления, разбивая ее на тысячи непохожих друг на друга кусков. Но понять это явление мы можем только соединив разрушенное с помощью этого же сознания". А другое не менее почтенное толкование прибавляет: "Мы глядим на явления сотворенного мира через призму Торы. И не удивляйся, если на одной грани этой призмы ты прочтешь 'Да', в то время как на другой будет значиться 'Нет'".

Мы приходим в этот несовершенный мир, чтобы возвысить его, чтобы исправить его несовершенства. Почти 3300 лет прошли с момента Синайского Откровения, сотни поколений наших предков бились над этой задачей, но нам, евреям, так и не удалось привести в мир Спасителя. "Каждое поколение, во время которого Храм не был восстановлен, должно рассматривать себя как поколение разрушения Храма".

Работа не была выполнена нашими предшественниками, но ее никто не отменил, и для ее выполнения еврейские женщины продолжают рожать все новых и новых сынов Завета. Она, тяжеленная, легла теперь на нас. Осознать себя евреями и значит принять на себя этот невероятный груз и вместе с ним необходимость подняться.

Михаил БЕЙЗЕР

ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Экскурсия 1-я (окончание)

От редакции еженедельника "Рассвет" пройдем немного назад по Торговой улице и, повернув налево, подойдем к зданию Ленинградской хоральной синагоги на Лермонтовском проспекте д. № 4 (бывшая Большая Мастерская улица).

Когда несколько евреев живут в одном городе — это еще не община. Даже когда их становится несколько тысяч, сами по себе они все равно не образуют общину. Еврейская община подразумевает существование целого ряда учреждений и форм общинной жизни. Это, безусловно, хедер и похоронное общество, пупкас (летопись общины), кладбище, миква (ритуальная баня) и шейхет (резник) и, конечно, раввин и синагога (или хотя бы молельный дом).

Синагога — слово греческое и означает — место собраний — буквальный перевод еврейского слова "бейт га-кнессет". Синагога как место собраний для молитв появилась, вероятно, еще в VI веке до н. э. во время Вавилонского пленения. В книге Иезекииля есть следующий отрывок (15):

— И было ко мне слово Господа. Сын человеческий, твоим братьям, твоим единокровным и всему дому Израилеву, всем им говорят живущие в Иерусалиме: "Живите вдаль от Господа, нам во владение отдана эта земля".

На это скажи: так говорит Господь Б-г: "Хотя Я и удалил их к народам, хотя рассеял их по землям, но Я буду для них некоторым святилищем в тех землях, куда пошли они".

Эта цитата, как предполагают, отражает появление синагог в изгнании, то есть на утверждение Палестинских евреев, что Вавилонские евреи, удаленные от Храма, потеряли связь с Б-гом и его защиту, пророк отвечает, что Б-г сам обещал им быть "некоторым святилищем" (микдаш-мзат) в изгнании.

Когда заметные группы богатых и образованных евреев появились в Петербурге в царствование Ал-дра II, они не хотели смешиваться с проживавшими здесь до них нижними чинами,

у которых раввином был рядовой из полицейской команды. Купцы основали свою молельню у Львиного мостика и добились назначения раввином образованного человека. В 1868 г. по инициативе Д. Фейнберга начались хлопоты о постройке хоральной синагоги. В 1869 г. было получено высочайшее разрешение. Непросто было выбрать место. Надо было учесть, чтобы вблизи не было общинной или домово́й церкви.

1 апреля 1870 года было образовано общее правление общины. Председателем был избран барон Евзель Гинцбург (впоследствии этот пост занимали его потомки Гораций и Давид Гинцбурги). Секретарем стал известный поэт-маскил Л. Гордон. Духовным раввином — доктор богословия Каценельбоген, казенным раввином — Драбкин.

В 1874 г. удалось добиться участка под Преображенское кладбище. До этого с 1802 г. хоронили на купленном у лютеран участке Волкова кладбища, платя за каждого покойника по 10 руб. Этим сообщением, кстати, открывается первый петербургский "Пинкас".

Место для строительства хоральной синагоги по Б. Мастерской одобрили только в 1874 г. Местные власти возражали, боясь, что округа заполнится евреями, и цены на квартиры упадут.

Знаменитый критик Стасов принял горячее участие в обсуждении проекта синагоги. В своей статье в "Евр. библиотеке" (т. 2) он предложил построить ее в арабо-мавританском стиле, считая, что доля евреев в искусстве арабского возрождения очень велика и что поэтому арабо-мавританская архитектура должна быть ближе всего к еврейским национальным эстетическим представлениям.

К совету Стасова прислушались, и проект, разработанный профессором Академии Художеств Шапошниковым, был решен в мавританском стиле. Художественное оформление синагоги выполнил Бахман — первый еврей, поступивший в Академию Художеств. Первый вариант проекта оказался настолько роскошным, что его пришлось переделать по указанию правительства, так как боялись, что внешний вид синагоги будет конкурировать с находившимся неподалеку Никольским собором. Строительство затянулось. Лишь в 1886 г. состоялось освящение хоральной молельни во дворе, а в 1893 г. была открыта и сама синагога. Строительство обошлось в 500 тыс.

руб. золотом. Большую часть денег на него дал барон Гинцбург и некоторые другие богачи (С. Поляков и др.).

Синагога построена в соответствии с традицией, она ориентирована на восток, есть галерея для женщин. У восточной стены расположен ковчег со свитками Торы. Перед ним горит "вечный огонь" — напоминание о семисвечнике, заживавшемся верховным священником в Храме. Синагога рассчитана на 1200 мест. Имеется специальный зал для венчаний. Ажурная решетка перед синагогой создана архитектором Я. Г. Говирцем — автором проекта синагоги на Преображенском кладбище.

Община установила ежегодный взнос для своих членов — 25 р. Те, кто уплачивал эту сумму, имели право выбирать правление и ревизионную комиссию. Однако этих лиц никогда не набиралось более 300—350 человек.

Объяснялось это, главным образом, не величиной взноса, а общей индифферентностью многих евреев, жителей П.³, к религии. Действительно, в 1881 г., например, в П. только купцов 1-ой гильдии было 166 человек, имеющих ученую степень — 82, высшее образование — 115. Все это были люди не нищие. Около тысячи человек платило сумму меньше членских взносов.

Соседний дом № 2 по Б. Мастерской тоже принадлежал общине. С 1893 г. здесь размещалась общественная библиотека, содержащая множество книг по гебраике и иудаике. В формировании библиотеки принял горячее участие крупный ученый-историк, член комитета "Общества по распространению просвещения среди евреев в России" и староста синагоги Абрам Яковлевич Гаркави.

Здесь же находились мужское и женское профессиональные училища для еврейской молодежи. Мальчиков обучали слесарно-механическому и столярно-резному ремеслу. Девочек — дамско-портняжному и белошвейному мастерству. Плата за обучение была незначительна: от 9 до 36 руб. в год. Бедные обучались бесплатно.

Напротив синагоги в доме № 5 находилась редакция журнала "Еврейская семейная библиотека", выходившего под редакцией М. Д. Рывкина.

Оставим синагогу и, выйдя на улицу Декабристов, вернемся по ней до Крюкова канала. Обратите внимание на группу

домов, стоящих вдоль канала между рекой Мойкой и улицей Декабристов (бывшая Офицерская ул.). Все они явно построены за последние 60 лет. Хотя большинство зданий этого района гораздо старше. И действительно, с исторической точки зрения здесь приходится смотреть на пустое место. А когда-то на этом участке располагалась следственная тюрьма — Литовский замок. Тюремный комплекс был построен в царствование Ал-дра II в соответствии с принятыми тогда в Европе нормами для тюремных сооружений. Выполненный из красного кирпича и обращенный главными воротами к Мойке, замок составлял даже архитектурный ансамбль с расположенными напротив постройками Голландской гавани. В народе его называли "Петербуржской бастилией" за то, что в нем успело побывать немало крупных политических заключенных. По примеру Бастилии, Литовский замок был разрушен народом после Февральской революции, как, впрочем, и здание Окружного суда на Литейном.

Нам интересно все это вспомнить, так как именно здесь находился в шестинедельном заключении неоднократно уже в тексте упоминавшийся поэт и маскил, секретарь П. общины и "Общества по распространению просвещения среди евреев России", Лейб-Иегуда Гордон. Гордон попал в тюрьму по ложному доносу, написанному на него интриганам в связи с выборами нового раввина в 1879 г. Отделался он сравнительно легко — один год ссылки в Олонецкую губернию, а затем вернулся в П. в результате хлопот своих родных и друзей. Интересны воспоминания поэта об этой отсидке. Его с сыном поместили в камеру, где был еще один заключенный-студент. Так как времена были еще относительно либеральные, это неизбежно отразилось на тюремных порядках. Днем, пока камеру убирали, заключенные выходили в коридор и имели возможность общаться друг с другом. Раз в день полагалась прогулка в тюремном двореке. Во время утреннего чая надзиратель обходил комнаты и записывал, что кому купить в соседней лавке. К ужину купленные продукты доставлялись заключенным. Л. Гордон вспоминает, как уже на второй день заключения брат сумел передать ему апельсины. Что касается обеда, то его Льву Осиповичу приносили из соседнего кошерного ресторана, так как он отказывался есть котлеты, приготовленные тюремным поваром. Конечно, такие послабления

могли позволить себе лишь те, у кого были деньги. К счастью, у поэта они были. В момент ареста (арестовали всю семью), боясь, что в опустевшем доме могут что-либо украсть, Гордон прихватил с собой все наличные деньги и драгоценности. В результате не только ничего не пропало, но и его быт в тюрьме и по дороге в ссылку был сильно облегчен.

Следующий экскурсионный объект — дом № 50 по ул. Декабристов. Здесь находились две евр. организации — редакция журнала "Гакедем" (Восток) и "Общество любителей древнееврейского языка".

Мы уже знаем, какой большой вклад внесла Гаскала в развитие евр. истории и иврита. Иврит стал кастовым разговорным и литературным языком маскилов. До этого он был почти единственно языком богослужения. За полвека светская литература на иврите прошла путь от подражательного беспомощного романтизма Абрахама Ману до блестящих стихов Х.-Н. Бялика. Появились газеты и журналы на иврите, а главное, люди, говорившие на нем в повседневной жизни. "Общество любителей древнееврейского языка" имело своей целью способствовать расширению среди евреев знания древнееврейского языка и развитию евр. литературы. Председателем Общества был Д. Г. Гинцбург, вице-председателем — Каценельсон. В деятельности общества активно участвовали И. Ю. Маркон, А. Д. Идельсон, И. И. Марголин.

Трехмесячный журнал "Гакедем", публиковавший статьи по евр. науке и семитологии, начал выходить с 1907 г. под редакцией И. Маркона и А. Зарзевского. В нем печатались статьи не только на иврите, но и на европейских языках. В журнале публиковались исследования старинных евр. текстов, встречались статьи по древней еврейской истории и т. п. Вообще же деятельность "Гакедема" и "Общества любителей древнееврейского языка" была взаимно близка, и неудивительно, что часто одни и те же люди участвовали и там, и тут.

Если мы пройдем дальше по ул. Декабристов до ее пересечения с пр. Маклина, то увидим, что на месте интересующего нас объекта — *дома № 60 по ул. Декабристов* — стоит новое здание. Но так как организация, располагавшаяся по этому адресу, имела большое значение для евреев на рубеже веков, тут все же стоит задержаться.

Здесь находилось ЕКО — евр. колониционное общество.

Мы уже знаем, что в 80-х годах прошлого века русскому еврейству приходилось заново (уже в который раз в своей истории) решать — что же делать. Обстановка в стране непрерывно ухудшалась, и многие не предвидели перспектив на нормальную человеческую жизнь в обозримом будущем там, где они родились. Для таких оставалось одно — эмиграция. Но куда ехать и как это реально осуществить? Небольшой поток молодежи, воодушевленный сионистскими идеями, направлялся в Палестину. Большая же часть беженцев ехала туда, где, как считалось, можно было скорей всего устроиться и добыть средства к существованию — в Америку. Один только 1891 г. выбросил в США 118 тыс. эмигрантов. Раздавленные погромами, новыми антиеврейскими законами и инструкциями, которые после 1882 г. стали сыпаться как из рога изобилия, после ужаса массового выселения из Москвы и других городов, русские евреи заполнили пограничные города Р. и толпами переправлялись в столицы Западной Европы. Следуя талмудической поговорке "перемена мест — перемена счастья", люди надеялись, что хоть где-нибудь им будет позволено зарабатывать свой кусок хлеба без страха за завтрашний день.

Надо сказать, что для многих тогда эмиграция была делом непростым. Добраться до Америки для местечкового еврея было столь же трудно, как до луны. Мешали крайняя бедность, огромные семьи, отсутствие профессиональной подготовки и образования, вековая привычка бояться всего на свете. Да и никто на Западе их не ждал с распростертыми объятиями.

Однако политика правительства явно поощряла эмиграцию как путь решения еврейского вопроса. На отчете Подольского губернатора за 1888 г., где указывалось, что "выселение из государства евр. пролетариата было бы весьма желательно", царь сделал пометку "и даже очень полезно".

В этой ситуации как нельзя более кстати оказалось образование Еврейского колонизационного общества в Лондоне в 1891 г. ЕКО было детищем немецко-еврейского филантропа и миллиардера барона Гирша, разбогатевшего на строительстве железной дороги в Турции. Будучи всегда неглубок к вопросам благотворительности, барон стал особенно щедр после смерти своего единственного сына. Пытаясь улучшить положение восточно-европейских евреев, он скоро понял, что, по крайней мере, в России, это невозможно.

По поручению Гирша, его эксперты подобрали страну, где большие группы евреев могли бы жить в безопасности и без ущемления в правах, занимаясь производительным трудом, желательно, с/х. Такой страной оказалась Аргентина. ЕКО выпустило 20 тыс. акций на 2 млн. фунтов стерлингов. Из них 19990 взял Гирш. В П. отделение общества открылось в 1893 г. По просьбе Гирша его возглавил Гораций Гинцбург, сам не сочувствовавший идее эмиграции, но не считавший возможным оставаться в стороне от этого массового движения.

Комитет министров поддержал инициативу ЕКО, предлагавшего за 25 лет вывезти из Р. 3,25 млн. эмигрантов. Была разрешена бесплатная выдача переселенцам выездных документов и освобождение их от воинской повинности при условии невозвращения. Впоследствии был установлен льготный тариф на железных дорогах для отъезжающих, а морской министр предложил даже приплачивать ЕКО по несколько рублей за каждого эмигранта с тем, чтобы выезд евреев шел быстрее.

Слухи о благодеяниях барона Гирша срывали с мест десятки тысяч людей. Все же, хотя денег на переселение тратилось немало, эффект от деятельности общества был гораздо ниже ожидаемого. За первые три года в Аргентину попало только 6 тыс. человек, половина которых осела в Буэнос-Айресе. Что касается сельскохозяйственных поселений, то вот какое впечатление они произвели на корреспондента "Восхода" в 1894 г. (цитата приводится с сокращением):

"Много трудностей (саранча, засуха и пр.). Администрация общества ничего не понимает в с/х, как и колонисты. Колонисты предполагают себя готовыми ко всякой работе, считая излишней всякую подготовку, не берегут материальные ценности, т. к. им неясны экономико-правовые отношения с ЕКО. Хуже всех работают хасиды, лучше — выходцы из Литвы. Трудно бывшим "интеллигентам" (купцам, арендаторам, комиссионерам). Отец — бывший купец — пашет, сын — бывший гимназист — пасет скот, дочь, игравшая на рояле, доит корову, мать — полусветская дама — варит обед; все оборваны, живут в ранчо, т. е. в избе с глинобитными стенами, соломенной крышей, без пола и потолка".

Все же, несмотря на трудности, существование ЕКО облегчило муки эмиграции для десятков тысяч людей. Только в

1906 году услугами ЕКО воспользовались 19 тыс. эмигрантов; в 1909 — 33 тыс. Впоследствии ЕКО расширило сферу своей деятельности, стало помогать выезду во все страны (в том числе в Америку и Палестину), занималось профессиональной подготовкой и образованием евреев и многим другим.

Если вам не надоело, посетим еще два памятных места, имеющих отношение к экскурсии. Если пройти по проспекту Маклина до канала Грибоедова, перейти через мост и повернуть налево, то мы увидим дом из красного кирпича, в два этажа. Здесь, на *набережной канала Грибоедова 140* располагалось "Общество пособия бедным евреям" и дешевая еврейская столовая, где можно было приобрести обед за 1/3 его стоимости.

Благотворительность (гемилут хасидим) с древнейших времен была важнейшим элементом еврейской жизни. Различали следующие формы благотворительности:

1. Гостеприимство и прокормление голодных
2. Снабжение бедных платьем и обувью
3. Посещение больных и уход за ними
4. Погребение мертвых и присутствие на их похоронах
5. Утешение скорбящих по усопшему
6. Выкуп пленных
7. Выдача замуж бедных девиц

Благотворительность рассматривается евр. законом не как акт проявления доброй воли, а как религиозный долг каждого имущего по отношению к неимущему.

Мы знаем, что по Моисееву законодательству благотворительность была обязательна: край поля недожинался, оставлялся для бедных, упавшие колосья нельзя было поднимать, раз в семь лет земля не обрабатывалась, и то, что на ней выросло само, предназначалось для всеобщего пользования.

Еще громче тема благотворительности звучит у пророков: "Вот пост, угодный мне (говорит Б-г)... отделить из твоего хлеба голодному, привести в твой дом бедного бесприютного; когда ты увидишь нагого, ты покроешь его..." (книга Исайи).

Иов, указывая на безупречность своей прежней жизни, восклицает: "Уклонялся ли я от желания бедного? Глаза вдовы томил ли я? Ел ли я свой хлеб одиноко? И не ел ли от него сирота?"

В Библии и Талмуде постоянно указывается, что важно еще

и внутреннее чувство человека в момент благотворительности. Требуется помогать нуждающемуся охотно и не задевая его самолюбия. Вообще акт благотворительности считался столь же полезным для дающего, сколь необходимым для берущего. Римский вельможа однажды спросил у рабби Акивы: "Если ваш Б-г любит бедных, отчего же сам не обеспечивает их?" Рабби Акива ответил: "Чтобы оказать милость творящим благотворительность". Нам сейчас трудно представить себе форму существования наших предков, связанную с ощущением постоянной обязанности прийти на помощь своему ближнему.

В начале XX в. число евр. благотворительных учреждений в Р. достигает нескольких тысяч, т. к. в каждом населенном пункте черты оседлости (их было 1300—1400) существовало по несколько б. у. Благотворительность охватывала все стороны жизни человека, обеспечивая бедному еду, одежду, жилье, образование и пр. В одном только П. таких учреждений были десятки: "Общество пособия бедным евреям", "Общество по распределению дешевых гигиенических квартир для бедных евреев", Сиротский дом, "Общество поощрения высших знаний", ЕКО и др. Осуществлялась помощь пострадавшим от пожара, засух, погромов. Существовала бесплатная медицинская помощь, койки в больницах, ночлежные дома, богадельни для стариков. Выдавались пособия бедным невестам, маца на Песах. Известно, например, что еврейским солдатам, воевавшим с Японией в 1904 г., посылалась из П. кошерная пища и маца.

Значение благотворительности возросло в эпоху революции, эмиграции, погромов. Все еврейское население, по существу, разделилось на две почти равные группы: благотворителей и призреваемых. В 1909 г. в Одессе из 150 тыс. жителей 60 тыс. жило благотворительностью; в Харькове — 4 тыс.; в Могилеве 43%, в Минске — еще больше.

Председателем правления Петербургского "Общества пособия..." был барон Д. Г. Гинцбург, который, как и его отец, тратил на благотворительность немалые суммы.

Средства на благотворительность поступали из членских взносов, случайных пожертвований, доходов от лотерей, спектаклей, вечеров, а иногда и от коробочного сбора (налог на кошерное мясо).

Если теперь вернуться по каналу до пр. Маклина, повернуть

налево, дойти до пл. Тургенева и еще немного пройти направо по пересекающей площадь Садовой улице, то мы увидим последний объект нашей первой экскурсии — *дом № 123 по Садовой улице*. Здесь в конце прошлого века жил выдающийся юрист, общественный деятель и публицист, в те годы еще помощник присяжного поверенного, Оскар Осипович (Израиль Иосифович) Грузенберг.

Грузенберг родился в 1866 г. в г. Екатеринославе (Днепропетровск). По окончании в 1889 г. курса юридических наук в университете св. Владимира ему предложили остаться в университете для подготовки к профессорскому экзамену на кафедре уголовного права. Молодой человек, однако, отказался, т. к. этот факт требовал перемены религии, а он не хотел начинать свою карьеру с по меньшей мере неэтичного поступка.

Грузенберг переезжает в П. и в скором времени выделяется как талантливый защитник и знаток уголовного права. Однако из-за процентной нормы для евреев в адвокатуре министерство юстиции до 1905 г. не утверждало его в качестве присяжного поверенного. Кроме чисто уголовных дел, адвокат завоевал себе громкое имя, успешно выступая защитником видных писателей и общественных деятелей, например, Горького, Короленко, Анненского, Пошехонова, Милюкова, Петрежицкого, Чуковского и др. Времена были такие, когда судили часто, и работы у лучших юристов Р. было сколько угодно. Начиная с конца 90-х годов Грузенберг провел много процессов по фабричным и аграрным делам. Он стоял во главе защиты по делу "Союза депутатов Петербурга", защищал дело о "Выборгском воззвании", выступал в Сенате. К нему обращалась армянская интеллигенция по наиболее жгучим национальным вопросам. Борясь с мнением общины, что евреям-адвокатам не стоит заниматься еврейскими делами, Оскар Осипович, начиная с дела о Минском погроме, принимает активное участие во всех крупных еврейских делах (дело о Кишиневском погроме, дело Дашевского, дело Блондеева и др.).

Наибольшую известность принесло Грузенбергу знаменитое "Дело Бейлиса", в котором он возглавил защиту. Вот на этом деле, на традиционном обвинении евреев в "ритуальном убийстве", пожалуй, стоит остановиться подробнее. О ритуальных

убийствах так много написано в антисемитской литературе, что, просматривая ее, невольно хочется спросить себя: а может, и правда, где-нибудь в обширных недрах Талмуда или хотя бы в апокрифах сказано все же, что евреи должны запекать в мацу кровь христианских младенцев? И если мы сами ничего об этом не слышали, то, может, хоть секта какая-то тайная есть среди евреев?

В "кровавый навет" верили Лютер, Николай I, Державин и другие знаменитые люди. Дела о ритуальных убийствах появились в Англии в средние века, и с тех пор эта жуткая басня постоянно преследует еврейские общины Европы, превращаясь в реальные юридические процессы над живыми людьми. В одной только России можно, не задумываясь, вспомнить Велижское, Саратовское, Кутаисское и проч. дела, ну и, конечно, дело Бейлиса.

20 марта 1911 года тело мертвого мальчика Андрея Юшинского было найдено на окраине Киева. Все улики указывали на то, что ребенок был убит бандой воров во главе с Верой Чеберяк за то, что грозил разоблачить их преступную деятельность. Почти мгновенно киевская организация Союза русского народа организовала массовую демонстрацию против "еврейского ритуального убийства". Случай был использован правительством как отличная возможность отвлечь революционные волнения и свалить все на евреев, что делалось уже не раз. Киевскому прокурору было приказано собрать поболее улик, что виноваты евреи. Одновременно поступило тайное распоряжение найти истинных убийц, что и было сделано. Но результаты этого второго расследования хранились полицией под замком вплоть до 1917 г. Официально же дело закрутилось по сценарию средневекового кошмара. Два профессора медицины были подкуплены и показали, что у ребенка была выкачана кровь еще при жизни. Затем был арестован еврей-управляющий кирпичной фабрикой Мендель Бейлис и обвинен в "ритуальном убийстве". Все доступные следствию методы допросов были использованы, чтобы добиться его признания. Когда Бейлис все же не признался, то соседи по камере показали, что он признался им. Не побрезговали даже показаниями самой Веры Чеберяк — дамы с длинным списком преступлений.

К середине 1912 г. явная дикость следствия и обвинения ста-

ла очевидна для любого нормального человека. Дело вызвало мощный протест на Западе, а затем и внутри страны. Даже дело Дрейфуса сперва опиралось на более правдоподобную улику.

К концу 1912 г. либеральный журналист Бразуль-Брушковский начал собственное расследование. Он сам нашел истинных убийц, т. е. выяснил то, что к тому времени было уже хорошо известно в министерстве внутренних дел. Когда журналист опубликовал результаты своего частного расследования, ведущие адвокаты Киева и Петербурга публично заявили, что не верят в виновность Бейлиса. Некоторые из них предложили добровольно его защищать. В их числе был и О. О. Грузенберг. В 1913 г. Мендель Бейлис был наконец оправдан. Показательно, что правительство вело себя так, как будто вина Бейлиса была доказана. После суда Николай II сам распределял ордена, титулы, повышения и подарки тем, кто участвовал в следствии и обвинении. Таким образом, в начале века "кровавый навет" был сделан одним из главных пунктов политики Р.

Что касается Грузенберга, то его популярность после этого процесса выросла еще больше. Состоя в партии кадетов, он после Февральской революции назначается первоприсутствующим в один из 2 департаментов Сената (почетнейшая должность), а затем, не приняв Октябрьскую революцию, эмигрирует за границу.

Вот этой классической для евр. истории темой — "кровавым наветом" и борьбой с ним — мы и завершим нашу 1-ю экскурсию.

**Выступления раввина А. ЛУБАНОВА
в Ленинградской синагоге (1962–1963)**

Я не был знаком с раввином А. Лубановым З'Л; но от многих слышал о нем благодарные слова. Он принадлежал к поколению, которому суждено было пережить духовную и физическую катастрофы еврейского народа, трагедию разрушения и саморазрушения традиционных национальных институтов и ценностей, ВИДЕТЬ и не иметь возможности СКАЗАТЬ. Он был из числа людей, сумевших через сталинские лагеря и ссылки пронести Веру в Высший Закон и Высшую Справедливость, пронести – и вручить ее нам, идущим за ними. Со связанными руками и зажатым ртом все-таки ПЕРЕДАТЬ: жестом, позой, молчанием... иногда обрывком фразы и интонацией. Роль этих людей, молчаливых хранителей Сути народной, часто недооценивают. О них мало говорят, мало вспоминают, а ведь именно они дали нам возможность воочию УВИДЕТЬ, что значит БЫТЬ евреем, и, если бы им не удалось сохранить наши древние книги, наши законы, наш еврейский образ жизни, мы бы не смогли почувствовать себя частью великого древнего народа, никогда не узнали бы, что наше наследство ждет нас на берегу Великого моря.

Раввин А. Лубанов З'Л несколько лет был руководителем еврейской религиозной общины Ленинграда. Сохранились тексты нескольких его выступлений в дни праздников. Для слушателей эти выступления были редкой возможностью услышать слова Торы из уст знатока, и, быть может, именно с них началось для кого-нибудь "возвращение в еврей"?

**СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ РАВВИНОМ ЛУБАНОВЫМ А. Р.
С АМВОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ХОРАЛЬНОЙ СИНАГОГИ
В ДЕНЬ "ЙОМ-КИПУР" 8.10.1962 г.**

Пророк Иоиль взывает (2.15): "Вострубите рогом... назначьте пост...". Что общего между трубным гласом и постом? Маймонид в главе "О покаянии" говорит: "Вострубите рогом" хотя и без мотива предписано нам Святым Писанием, все же имеет и символическое значение: Да проснутся забывшиеся во сне и да восстанут от спячки увязшие на весь год в суете мирской, забывшие истину и губящие свое время без пользы и цели. "Что ты спишь? Встань, воззови к Б-гу твоему..." (Иона, 1.6). "Запаситесь добрыми делами и обратитесь к Г-споду. Говорите Ему: Прости всякие прегрешения и прими содеянное добро..." (Осия, 14.3).

Но нельзя забывать и сказанное нашими Учителями (Трактат Юмо): "Йом-Кипур очищает только от прегрешений перед Б-гом, как сказано: "От всех грехов ваших перед лицом Г-сподним вы должны быть чистыми" (Левит, 16.30). К таким прегрешениям относится несоблюдение святости субботней, пропуски в наложении тфилин и т. п. Что касается проступков как в отношениях со своими близкими, их-то Йом-Кипур не снимает, пока не будет прощена обиженным нанесенная ему обида и не искуплена совершенная по отношению к кому-либо несправедливость.

Пророк восклицает: "Разве это пост, угодный Мне, когда человек мучит себя самого, склоняет голову свою как тростник... Это ли назовешь постом? Вот ведь пост, который Мне угоден — чтобы расторг свои неправды, разрешил оковы рабства..., чтобы ты разделил свой хлеб с голодным, ввел в дом покинутых бедных, если ты увидишь нагого, одень его!" (Исайя, 58,5—7). Нужно оставить злобу, дразги и беспричинную ненависть, тогда только сможем мы надеяться заслужить новый счастливый год и мир без границ.

После Йом-Кипур начинаются праздники Суккот и Симхат-Тора, дни радости и веселья с нашей Торой. И есть нам чему радоваться. Мы видим, что и по прошествии почти трех с половиной тысяч лет мы по сей день находим в Торе такие

идеалы, в которых мир для своего прогресса нуждался в течение тысячелетий и за осуществление которых лучшие человеческие умы и сердца, особенно в нашей стране, борются сейчас — за мир и дружбу между народами всего мира, за тот всеобщий мир, который еще пророком Исайей (2.4) был громогласно провозглашен: *”И будет он судить между народами, и обличит многие племена, и перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы, не поднимет меча народ на народ, и не будут упражняться в войне”*.

Но сказано ведь: *”И радуйтесь с трепетом”* (Псалмы, 2.11). *”Там, где радость, там должен быть и трепет”* (Берехот, 30.2), чтобы не было пустого легкомыслия и распушенности. В прошлом году собрались такие лица и превратили синагогальный двор в клуб, принесли с собой музыкальные инструменты и устроили концерт, вопреки существующему у нас категорическому запрету употреблять музыкальные инструменты в праздничные дни. Это доставило нам много неприятностей. Кое-кто вздумал даже приписать нам такой вздор, как будто этот оркестр был специально приглашен с тем, чтобы привлечь молодежь. Общеизвестно, и мы здесь заявляем это во всеуслышание, что мы никого не привлекаем и не приглашаем в синагогу. Кто же сюда приходит по своему собственному, внутреннему зову, тот у нас, естественно, гость почетный. И мы обращаемся к вам и просим всех, чтобы молодежь не причиняла нам беспокойства и не выставяла нас на посмешище. Тем более, что могут иметь ведь место и провокации со стороны преступных элементов в среде такой большой неорганизованной толпы. А вся ответственность за возможные последствия упадет потом на нас. Прошу также не забывать, что на территории синагогального двора размещена детская больница, которой вреден излишний шум.

Будем надеяться, что каждый из нас постарается веселиться в меру, и что наступающий год будет для всех нас радостным и веселым.

Да будет мир во всем мире! Аминь.

**СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ РАВВИНОМ ЛУБАНОВЫМ А. Р.
С АМВОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ХОРАЛЬНОЙ СИНАГОГИ
В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА "СИМХАТ-ТОРА" 23.10.1962 г.**

В книге Левит (гл. 23, 33) мы читаем: "И сказал Г-сподь Моисею, говоря: "Так объяви сынам Израилевым: с пятнадцатого дня того же месяца седьмого праздник кушей...". Мидраш Раба (Эмор, 29.7) комментирует это место: "месяц седьмой — шевии — означает также насыщенный, ибо месяц этот будет насыщен всеми благостями — на этот месяц приходится Судный день, в этом месяце празднуем мы праздник кушей, месяц этот освящен лулавом и вербой, наконец в нем завершаются все праздники "Симхат-Тора", что означает праздник веселья Торой. В этом дне мы завершаем годовое чтение Торы, состоящей из 54 разделов — седрот, поочередно читаемых в синагоге по субботам. Сегодня мы читаем последнюю, завершающую главу Торы. И тут же начинаем читать Тору сначала.

У нас принято торжественно отмечать завершение чтения не только Пятикнижия, но и любого раздела Торы, каждого трактата Гемары, и это большой праздник. Известный кодификатор Магаршал, например, считает, что в молитве за торжественной трапезой по случаю завершения изучения трактата Гемары следует возгласить: "Да восславим Того, в чертогах Которого радость обитает... как это принято на свадебных торжествах". И так оно и должно быть. Ибо что может быть радостнее, чем изучение святой Торы. Тем более, когда завершается годовой цикл чтения всей Торы.

День завершения чтения Торы является праздником не только для тех, которые сами занимались изучением Торы в течение всего года, но и для тех, которые лишены возможности делать это по малограмотности или по другой причине. В Гемаре (Шабат, 119) читаем: "Абайя говорит: "Да зачтется мне, что когда встречаю ученого мужа, завершающего какой-либо трактат, то устраиваю праздник для изучающих Тору", хотя сам он (Абайя) и не участвовал в изучении этого трактата. Достаточно, что принимающий участие в празднике является верующим, что верит он в то, что Тора дана нам свыше, и придерживается ее заповедей и указаний. Известный афоризм

Гилеля старшего (Шабат, 31.1): в ответ на требование прозелита научить его Торе "стоя на одной ноге", т. е. основам Торы, выражающим всю ее сущность: *"Что противно тебе – не делай своему ближнему – в этом вся Тора"*. Иными словами Гилель выразил здесь в негативной форме то, что в Пятикнижии (Левит, 18.19 и в др. местах) сказано положительно: "Люби ближнего своего как самого себя". А рабби Акива акцентирует: "Это великий принцип Торы. С начала и до конца Тора построена только на мире и дружбе". "Пути ее – пути приятные, и все стези ее – мир" (Притчи, 3.18). Тора, записано в Гемаре (Сота, 14.1) – начало ее – добродетель и конец – добродетель. В самом начале Пятикнижия читаем мы (Бытие, 3.21): "И сделал Б-г Адаму и жене его одежды кожаные и одел их", отсюда мораль – покрой наготу нуждающихся, как сказано у Исаяи (58.7) "Если ты увидишь нагого, одень его". В конце Торы мы читаем (Второзаконие 34.6) "И похоронил он его (Моисея) в долине...". Опять-таки – неоплатная добродетель. Маймонид в конце главы "Времена" пишет: "Не дана Тора Израилю иначе, как для того, чтобы принести ему мир". Таким образом, верующий еврей, придерживающийся этого девиза Торы, несмотря на то, что изучением Торы он занимался мало, а возможно, и совсем не занимался, имеет все основания веселиться Торой наравне с тем, кто ее изучает.

Это подобно тому, что мы видим у традиционных "четырёх видов растений" – этрога (плод дерева гадар), лулава (пальмовая ветвь), мирта (ветвь дерева ябол) и вербы речной. О них говорится в Мидраше, что им подобны четыре категории людей: этрог обладает вкусом и запахом, ему подобны те, которые совершенны в своем поведении, как в Б-жеских делах, так и в людских, как сказано в Талмуде (Суккот, 35); этрог – плод круглогодичный, ему не страшны ни зной, ни стужа, и ему подобны те, которые могут выстоять в беде и в радостях. Лулав обладает вкусом (т. е. плод пальмы), но не запахом, а мирт – запахом, но не вкусом. Им подобны те, которые грешат или перед Б-гом или перед людьми. А вот в вербе нет ни вкуса, ни запаха. Есть и такие, которые Тору не изучали и не отличаются своей благочестивостью, но если они все же не выключают себя из общества и приходят в синагогу, как в сегодняшний день, то вместе с нами они составляют одно целое, как верба при этроге.

Мишна говорит (Менахот, 27.2): "Все четыре вида растений обязательны, отсутствие одного из них, будь то этрог, лулав или хотя бы верба, делают остальной набор непригодным к благословию". Так что Торой могут и должны радоваться и веселиться все без исключения, как ее изучающие, так и не изучавшие и не изучающие ее.

Однако, не следует забывать святость места, где мы с вами находимся. Мы ведь с вами сейчас в "Малом Храме" и потому должны быть полны благоговения и уважения к нему. Веселье должно быть в определенных рамках, "с мерой и весом", как в Писании сказано: "И радуйтесь с трепетом" (Псалмы, 2.11). Гемара (Берахот 30.2) уточняет: "Там, где радость, там должен быть и трепет". Нужно следить за тем, чтобы веселье было свободно от легкомыслия и разнузданности. Чтобы, Б-же упаси, в синагоге не пьянствовали. Праздничное благословение вина — кидуш — нужно совершать у себя дома. Нельзя допустить нарушения святости Б-жьего храма. "Как страшно это место! Это не что иное, как Дом Б-жий" (Бытие 28, 17). В прошлом году кое-кто принес сюда на двор музыкальные инструменты, устроили концерт, что совершенно недопустимо в праздничный день, да еще в синагоге. Мы справедливо были за это осмеяны и осуждены.

Дай нам, Б-же, счастливый новый год, год благословения и преуспеяния, чтобы во всем мире господствовали Мир, как сказано: "Да будет мир окрест стен Твоих, благоденствие в чертогах Твоих" (Псалмы 122.7), чтобы осуществились все пожелания и заверения наших святых пророков о мире. Аминь.

СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ С АМВОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ХОРАЛЬНОЙ СИНАГОГИ В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА ШЕВУОТ 29 МАЯ 1963 г. РАВВИНОМ ЛУБАНОВЫМ А. Р.

Нашему прародителю Аврааму было слово Г-сподне в видении: "Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но над народом, у которого они будут в порабощении, Я произведу суд, после чего они выйдут с великим имуществом" (Бытие, 15,13–14). Как известно, имелось в виду четырехсотлетнее пребывание наших предков в Египте (XVIII–XIII в. до н. э.).

Непонятно, однако, чем можно было компенсировать четырехсотлетнее рабство целого народа? Каким таким "великим имуществом" можно было оплатить порабощение и унижение этого народа? Кто бы не отказался и от предсказанного порабощения и от любого за это вознаграждения? "Не нужны страдания, не нужна и оплата за них". Тем более, что хорошо известен ведь взгляд Торы на ценность земных приобретений. Наши мудрецы пренебрежительно называют материальные ценности в личном владении "низкими".

В Ерусалимском Талмуде (Трактат Пейа, 1–10) находим мы: "Артабан прислал Рабену Гакодем (составителю Мишна, Наси) в дар драгоценный камень "антиминтон" и хотел получить взамен что-нибудь равноценное. Рабену Гакодем прислал ему "мезузу" (пергаментный свиток с текстом из Пятикнижия). Артабан был удивлен: "Я послал тебе бесценную вещь, а ты прислал мне какую-то мелочь". На это Рабену Гакодем ответил: "Мой подарок не окупят ни все твое, ни все мое достояние. И не только это. Ты прислал мне такую ценность, которую придется сторожить от воров и грабителей мне, а я тебе прислал то, что само будет охранять твой покой. Как сказано: "Когда пойдешь, будет руководить тебя, когда заснешь, будет охранять тебя" (Притчи, 6:22).

Конечно же, это надо понимать несколько глубже, чем оно нам кажется. Тут имел место диспут двух мыслителей, как мы часто находим в Талмуде. Такого рода диспуты проводились иногда в талмудическое время мимически, без слов. Согласно философской концепции Артабана, деньгами, матери-

альными ценностями можно было достичь личного совершенства, если их употребить как должно. И действительно, много хорошего можно делать своими деньгами, если употреблять их в благотворительных целях, для поощрения наук и т. п. Артабан добивался от нашего великого мудреца и ученого Рабену Гакодем, чтобы он согласился с этой концепцией, так как сам был очень состоятельным и тратил свои огромные средства на содержание духовной академии и другие благородные цели. Артабан рассчитывал, что Рабену Гакодем поддержит его в этом. Однако Рабену Гакодем придерживался совершенно иных взглядов в этом вопросе. Он считал, что личное совершенство можно приобрести только Торой и мудростью. В знак этого он послал Артабану записанную в мезузе одну из глав Торы и показал ему разницу между обеими философскими системами — материальные ценности нужно оберегать, подвергаясь при этом риску быть убитым или стать самому убийцей, охраняя свои богатства от злоумышленников. Мы и сейчас являемся свидетелями, как миллионеры и мультимиллионеры ради умножения своих богатств готовы довести до атомной войны и погубить весь мир. Но в наше время все ведет к тому, что человечество в конце концов должно будет отказаться от возможностей личного накопления богатств, нажитых, как правило, нечестным путем и ведущих к разжиганию низменных инстинктов и страстей у каждого отдельного стяжателя, так и во всем мире, где деньги — это все в целом. "Чтобы, пресытившись, я не отверг истины и не сказал: "Кто Г-сподь?" (Притчи 30:9).

Зато премудрость Торы не требует охраны ее от кого-либо, как и другим не грозит опасность от идущего по ее стопам. Так что любое приобретение, помимо премудрости и истины, приобретением не является. Это приобретение относительное, условное, его легко потерять или самому быть оторванному от него болезнью, смертью и т. д. Премудрость же Торы — это приобретение истинное, вечное. Ее усвоившему нечего опасаться кого-либо, как никому не грозит какой-либо опасности со стороны познавшего премудрость Торы, которая сдерживает от совершения всего неблагоприятного. "Прелюбодеяние — удел сердца пустого, в котором отсутствует истинная мудрость" (Маймонида).

Короче говоря, точка зрения Торы такова, что истинное со-

вершенство можно приобрести только Б-жественной мудростью, а не материальными ценностями, деньгами. Таким образом, само собой понятно, что сказанное Аврааму "после чего они выйдут с великим имуществом", имеет в виду не золото, драгоценности и т. п. материальные ценности, что совсем не является имуществом в понятии Торы, презрительно отзывающейся о таких ценностях как о чем-то "низком". Имелась же в виду под словом "имущество" сама Тора святая, которая и есть истинное имущество наше. А чтобы овладеть этим имуществом, этой Торой, которая дана нам 40 веков назад, в то время, когда, по выражению пророка, "темнота покрывала землю", погрязшую в те далекие времена в идолопоклонстве и сопутствующем ему разврате и разбое, где сильный побивал слабого и т. д., чтобы в то темное время могла блеснуть всей своей красотой полная высоких идеалов и величия человеческого наша святая Тора, потомкам Авраама необходимо было предварительно пройти искус мук и страданий: "и поработят их и будут утнетать 400 лет". Страдания очищают и облагораживают человека. На себе будущие адепты должны были испытать все ужасы и кошмар жизни в неволе, под ярмом тиранов, после чего они могли постичь все величие провозглашенных на горе Синай заповедей: "Не делай себе кумира, не убивай, не прелюбодействуй".

Наши мудрецы говорят: "Три хороших дара преподнес Г-сподь Израилю, и все эти три дара должны быть выстраданы. В числе этих даров и Тора" (Брехот, 5). Вот это и имелось в виду в сказанном Моисею: "Когда ты выведешь народ из Египта, вы совершите служение Б-гу при этой горе", ибо порабощение в Египте и освобождение из этого рабства были подготовкой к этому великому имуществу — Торе.

В тех широтах на нашей земле, где почти круглый год ночь, большим праздником отмечается появление первого луча солнца. Великую радость людям доставляет свет, электричество, освещающая ночь электрическая лампочка. Таким же днем впервые появившегося великого света является для нас сегодняшний день праздника Шавуот, тот день, в который мы были удостоены великой Торы нашей.

С этого дня начинается эра полного исчезновения с лица земли идолопоклонства со всеми связанными с ним мерзостями и гнусностями. Великие заветы "не убивай", "не прелюбо-

действуй” давно уже стали нормой поведения культурного человечества.

Можно быть уверенным, что такой же всеобщей нормой жизни станет в скором будущем и лозунг нашей Торы: ”Пути ее (Торы) пути приятные, и все стези ее – МИР”. Мир и покой во всем мире, инициатором которых является в наше время наше советское государство, в конце концов станут уделом всего мира, всего человечества.

Завет ”не убивай” будет всюду соблюден в полном смысле слова в мировом масштабе, и будут осуществлены предсказания нашего великого пророка Исаяи: ”Не поднимет меча народ на народ, и не будут больше упражняться в войне”.

Аминь, и да будет так!

Рабби Юсеф СОЛОВЕЙЧИК

Синагога как институт и как идея

Рабби Иосеф Соловейчик (род. 1903 г., Пружаны) — одна из ведущих современных фигур в алахе и еврейской мысли, лидер ортодоксального иудаизма в США. Он внук р. Хаима Соловейчика. До 22 лет он изучал Тору у своего отца, под чьим сильным влиянием находился. В 1925 г. он поступил в Берлинский университет, где изучал философию, логику и математику, получив звание доктора за диссертацию о Германе Коэне. В том же году он эмигрировал в США, где становится рабби в Бостоне, месте его теперешнего пребывания. После смерти своего отца он наследовал ему как Рош ешива в теологической семинарии Рабби Ицхака Эльханана, на этом посту он воспитал значительную часть сегодняшнего актива Ортодоксального Раввината в США. Его влияние на ортодоксальную общину усилилось в 1952 г., когда он стал Председателем алахической комиссии Совета раввинов Америки. Его активность среди религиозных сионистов Америки, чьим Почетным Президентом он является, его комментарии, лекции и уроки расширили его влияние. С 1950 г. он является доминирующей духовной личностью среди современных американских ортодоксов, изгоняя запутанность с современной сцены и проявляя готовность решать проблемы, связанные с современностью. Его индивидуальность дает ему возможность сохранить отношения и оказывать влияние как на раввинистические круги ешивы справа, так и на нетрадиционные элементы слева.

Публикуемая статья взята из сборника "Шиурей арав"⁴.

СИНАГОГА КАК ИНСТИТУТ И КАК ИДЕЯ

Синагога — не самый популярный институт в американской еврейской жизни даже среди религиозной общины. Конечно, агностик не нуждается в синагоге. Однако, логически, религиозные евреи должны стекаться к ней в большом количестве и с энтузиазмом. Несмотря на это, остается фактом, что "ищущая община" стоит в стороне от синагоги.

Причины непопулярности синагоги

Имеется несколько причин неуспеха синагоги как вдохновляющей силы даже среди религиозной общины наших дней. Первая и, наверно, основная причина — это отрицательное отношение к официальной религии в наши дни. Синагога представляет собой официальное учреждение и, следовательно, она вызывает сопротивление, особенно среди молодежи.

Вторая причина — это обязательство, которое соперничает со всеми другими обязательствами еврейской жизни. Это, конечно, верность Израилю, которая затмевает всякую другую преданность. В нашем благотворительном списке Израиль занимает первое место. Когда ни просматриваем газету, мы вначале читаем новости об Израиле. В наших дискуссионных собраниях и программах Израиль занимает первое место. Когда-то синагога была центром еврейской жизни, теперь Израиль занял это место.

Имеется третья, решающая причина непопулярности синагоги. Она слишком медленно приспосабливается к тем глубоким психологическим переменам, которые произошли за последние три десятилетия. Двадцать, тридцать лет тому назад американский еврей был озабочен обрядами и правилами, внешними приличиями и достоинством. Он был честный и добродетельный, он был наивен и прост в своей вере и в своих обрядах, он не интересовался тем, может ли он допустить какие-либо изме-

нения, искажения или изгибы в религиозном служении. Ему нравились церемонии, и он чувствовал себя удовлетворенным, соблюдая формальности.

Изменение религиозных требований

Однако, современная община, особенно молодая, отличается от старой. Современная молодежь более сложна в религии, более динамична в своих религиозных поисках. Кроме того, она заражена изрядной долей "хуцпа" (наглость — ивр.). Она хочет служения более произвольного и менее постоянного, более пылкого, чем закрепленного, более гибкого, чем жесткого. Ее более интересует дом для изучения, чем дом для молитвы. Ей чужда скрупулезная, официальная и строго организованная служба.

Синагога не приспособилась к изменению отношения к религии. Результатом этого является серьезное ослабление синагоги и публичных молитв, ослабление явное не только среди молодежи, но и среди людей среднего возраста. Существует тенденция подсмеиваться над синагогой и рабби как идущими не в ногу со временем. Община часто нетерпеливо относится к трудностям, которые окружают синагогу и ее руководство.

Такова картина синагогальной жизни сегодняшней американской общины. Легко нарисовать эту картину, хотя гораздо труднее наметить перемены. Факты вполне очевидны, объяснить их намного труднее.

Стоит, однако, попытаться понять синагогу не как социальный и общественный институт, но скорее в ее глубочайшей роли как идею, как религиозное переживание, как мечту, если хотите. Если мы ошибались в нашей жесткой организации синагогальной жизни, то частично эта ошибка заключалась в слишком большом значении, которое придавалось синагоге как институту, в то время как мы игнорировали основную идею синагоги.

Существуют две фундаментальные идеи, которые лежат в основе института Бейт Хакнессет в частности и еврейской молитвы вообще.

Вот эти идеи:

1. Человек в изгнании ведет бездомное, кочующее существование.

2. Изгнанный или бездомный человек должен молиться.

Опыт галута: галут, или изгнание, является сущностью еврейского народа. Объединение получается крепким и бесповоротным. Кроме того, он уникален только для еврейского народа.

Другие нации никогда не существовали в изгнании. Имели место перемещения людей с родной земли, но вследствие этого люди не становились изменниками. Первое поколение страдало от отчуждения и разлуки среди нового окружения. Это справедливо для любого иммигранта в новой стране, независимо от того, был ли его приезд добровольным или принудительным.

Однако, со временем отчуждение уменьшается. Чувство разлуки становится слабее. Даже ностальгия по старой земле проходит в двух или трех поколениях. Внук иммигранта знает только новый дом. Не существует обязательств к прежней родине. Изгнание является недолгим переживанием.

В то время как другие люди, изгнанные из родной страны, теряют чувство отчуждения в двух или трех поколениях, еврейский народ вечно живет в изгнании. Девятнадцать столетий не затуманили образ нашего дома и не ослабили приверженности к нему.

Восстановление Израиля в наши дни — живое доказательство наших сегодняшних изгнаннических переживаний. Это событие не было бы возможно, не будь у нас ощущения, что где бы мы не находились, за исключением Израиля, — мы не у себя дома.

Ощущение изгнанности подчеркивается в шести из 18 благословений, читаемых в ежедневном Шмоне Эсре. Оно подчеркивается формулой утешения оплакивающего: "Ты можешь утешиться среди нас, которые оплакивают Сион и Иерусалим". Оно подчеркивается разбиванием стакана на свадьбе, когда мы "ставим Иерусалим над нашей главной радостью". Наши посты и наши праздничные дни — все имеют отношение к нашему чувству бездомности.

Универсальная бездомность человека

Иудаизм говорит нам, что в то время, как исторически еврей уникален в своем изгнанническом переживании, все люди

в метафизическом смысле находятся в изгнании. Фактически на современный философский вопрос: "Что такое человек?" иудаизм отвечает: "Человек — изгнанник". Изгнание начинается с высылки Адама из Рая. Оно продолжается у беспокойного бездомного человека наших дней. "Я чужестранец на земле, временный житель, подобно всем моим предкам", — говорит Псалмопевец.

"Чем больше мудрости, тем больше боли", — говорил Экклезиаст. Самым боязливым человеком в мире был мудрейший из людей царь Шломо. Просвещенный человек обладает большим чувством предвидения и следовательно, большим ощущением небезопасности. Он знает опасности, которые скрываются в темноте жизни.

"Вот ложе Шломо, шестьдесят воинов окружают его. Все они с обнаженными мечами, опытни в бою. Каждый держит свой меч у бедра против страха ночного" (Песнь Песней 3:7–8). Величайший, мудрейший, всемогущий, защищенный Шломо боялся ночи, несмотря на все свои предосторожности. Ученый человек может смело встретить вызов луны, но не угрозу одной злокачественной клетки. Философ может исследовать тайны жизни и мышления, но не может вынести суматохи и ужаса эмоционально истерзанного ума.

Мы беспомощны, и в нашей беспомощности мы бездомны — особенно перед лицом ночного страха.

Утренние благословения

Когда мы просыпаемся утром и читаем благословения, которые относятся к нашей дневной жизни, мы находим элемент неожиданности в их формулировке. Предыдущим вечером, когда мы ложились спать, мы не были уверены в том, что мы проснемся. Утро пришло, и к нашему восхищению мы находим, что все движется, что снова все в порядке. Изгнанническое переживание реально существует, но оно терпимо. Чем старше и слабее мы становимся, тем более интенсивным становится сознание. Но бездомность — общепризнанный факт жизни. Даже великий человек — человек, который по словам Псалмопевца "лишь немногим ниже ангелов" — бездомен. Но его бездомность происходит не от страха. Она вырастает из бес-

покойства и скуки. Экклезиаст, который добился всего, чего можно пожелать в жизни, не был спокоен. Он скучал, он искал и не находил, он стремился и не достигал, он просил и не был удовлетворен. Он также переживал изгнание и бездомность.

Человек бездомен, напуган, непрочен и уязвим. Человек даже в своем величии является бездомным из-за беспокойства и скуки. В этом состоянии бездомный человек должен молиться, он должен возвращаться домой, к Дому Молитвы.

”Когда ты страдаешь и беспокоен, и когда все эти трудности действуют на тебя.. тогда ты обратишься к Г-споду, Б-гу твоему” (Второзаконие 4:30). В изгнании мы ищем Б-га, который является домом. В этих поисках маленький напуганный человек находит безопасность, в то время как великий и беспокойный человек находит мир. К сожалению, современный человек не знает, как молиться, поэтому он не чувствует себя дома, находясь в синагоге. Он не знает переживания близости к Б-гу и зависимости от Него, которые представляют сущность молитвы. Естественно, поэтому он не находит безопасности и тепла в синагоге.

Западноевропейский еврей два поколения назад знал, что приход в синагогу означает приход домой. Он входил в свой штибл в пятницу вечером, удовлетворенно потирал руки и читал ”Йеи рацон” — молитву Б-гу, который привел его домой. ”...Да подаришь Ты мне субботу святости... ..и да отсутствуют забота, беспокойство и печаль в день нашего отдыха...”. В течение недели я был в изгнании. Вечером я дома.

Характер синагоги

Зачем нам вообще нужна синагога? Почему не молиться в поле? Еврею не нужно здание для молитвы. Ему даже не нужен миньян для молитвы. Нам нужно здание не из-за его архитектурной ценности, а для психологического эффекта. Нам не нужно здание, нам нужен дом. Синагога. Синагога должна была называться не Дом для Б-га, а скорее Дом Б-га или более точно — дом человека. ”Б-г не бездомен, человек бездомен. Б-г придумал бездомность, чтобы побудить человека создать дом”.

Синагога существует как институт и как идея. Как инсти-

гут она исполняет много функций. Как идея, как идеальный образ еврейской религии, синагога является домом для человека, убежищем человека от небезопасности и уязвимости изгнания.

Это изображение характера синагоги очень старо. Оно приходит от первой синагоги в еврейской жизни, от Храма Шломо. Синагога как идея ясно определена царем Шломо в его молитве при освящении Храма (Царств, 8:22–53).

”Воистину Б-гу ли обитать на земле? Смотри, Небо и Небо Небес не вмещает Тебя, тем менее Храм, который я построил. Услышь молитву слуги Твоего и просьбу его... и пусть глаза Твои будут открыты на этот дом ночью и днем... и Ты услышишь молитву, которой будет молиться слуга Твой на этом месте...”

”Когда человек согрешит против соседа... он придет и будет клясться перед Твоим алтарем в этом доме; и Ты будешь слушать..., когда Твой народ Израиля будет разбит врагами..., если они повернутся снова к Тебе и узнают Твое Имя и будут молиться... в этом доме, тогда Ты услышишь в небесах... и приведи их обратно в страну, которую Ты дал их отцам”

”Когда небеса закрыты, и нет дождя в силу их грехов, тогда они придут молиться на это место... и Ты услышишь их в небесах, и Ты заставишь дождь падать на землю, которую Ты дал своему народу. Если будет голод в стране или чума, уничтожение урожая от гусениц или саранчи; если враг окружит их страну или если будет сыпь или болезнь, Твой народ будет молиться... и простирать руки к этому дому. Тогда Ты услышишь в своей обители на небесах...”

”Когда Твой народ пойдет воевать против своих врагов..., тогда они будут молиться Б-гу в городе, который Ты избрал, и в доме, который я построил в честь Твоего имени. И Ты услышишь их молитву на небесах”

Синагога как идея представляет дом человека на земле. ”И они построят для Меня святилище, и Я буду обитать среди них” (Исход 25:8). Синагога – это дом Б-гу, потому что она – дом человека.

Исследовав синагогу как идею, представляющую дом человека, убежище в изгнании, возвратимся к роли конгрегации – цибура – в молитве.

Талмуд в трактате ”Шабат” сообщает: ”Два греха невеже-

ственного человека влекут за собой наиболее ужасные последствия: название Священного Ковчега ковчегом, и название Бейт Ха-Кнессет Бейт Ам (буквально дом собрания называется домом народа)”.

Легко понять первый грех. Обращение к Священному Ковчегу просто как к ковчегу — это секуляризация (превращение в мирское) не только вместилища, но и его содержимого, а именно Торы. Это тяжелое нарушение.

Но что влечет за собой второй грех? Каково различие между Домом Кнессет (буквально — ”собрание”) и Домом для Народа? От ответа на этот вопрос зависит наше понимание значения публичной молитвы в еврейской жизни.

Что такое агент?

Для того, чтобы понять различие между домом Кнессет и домом Народа, мы должны вначале исследовать шлахут, или посланничество, в еврейском законе.

Шлахут — это наделение другого человека своими полномочиями доверенного лица или представителя. Это юридическая форма, которая необходима на расстоянии. Я не могу достичь определенного места, следовательно, мой уполномоченный действует за меня в этом месте.

Однако, в иудаизме шлахут является не только утилитарным, юридическим и формальным; он является также персональным и метафизическим. Шалиах (агент) не просто действует вместо меня, но имеет место личная идентификация агента с тем, кто посылает его.

Талмуд говорит, что агент человека подобен самому человеку. Более того, агент — это сам человек. Личности посылающего и агента соединяются в институте шлахут. Барьеры, которые отделяют эгоцентрического человека, убираются, и две личности сливаются в одну. Поэтому по еврейскому закону агент также должен быть членом соглашения. Метафизическая пропасть, которая отделяет еврейское общество от нееврейского, слишком широка, чтобы быть перекрытой институтом, требующим слияния двух личностей. Обе личности должны быть преданы одним и тем же идеалам и будущему.

По этой причине институт шлахут не ограничивается исклю-

чительно гражданскими делами. Он существует также в религиозной жизни. Шалиах может выполнить мицву для посылающего. Он может принести жертву. И когда шалиах выполняет эту функцию, считается, что действительным исполнителем мицвы является посылающий.

Публичная молитва и шлихут

Публичная молитва и институт синагоги покоятся на принципе шлихут. Термин *цибур* (община) в техническом смысле означает кворум из десяти. На деле же, однако, *цибур* действительно равен всей общине Израиля. Публичное жертвоприношение (*корбан цибур*) – это жертвоприношение всего Израиля. Подобно этому публичная служба, которая является неотъемлемой частью жертвоприношения, также включает всю общину.

Источник идеи *миньяна* находится в словах: "И Я буду освящен в среде детей Израиля" (Левит 22:32). Слово "в среде" подразумевает присутствие всего Израиля. Почему же достаточно десяти?

Ответ, конечно, таков: десять членов *миньяна* являются представителями всего Израиля. Но в соответствии с институтом уполномоченных, они не просто представители народа, они сам народ. Такая же связь, как у посылающего, который говорит своему агенту: "Твоя рука пусть будет моей рукой, твой рот – моим ртом, твое слово – моим словом", у десяти членов *миньяна*, олицетворяющих весь Кнессет Исраэль, являющихся не только его агентами, но скорее самой общиной.

Кнессет Исраэль не просто коллектив, толпа, стадо или масса. Это отдельное существо, живая индивидуальность. Оно включает не только современных евреев, но также всю историю этого народа, который жил и умирал с молитвой *Шма Исраэль* на устах. Оно включает героев и трусов, великих и малых, хорошо известных исторических фигур, так же как и анонимных людей, похороненных в неизвестных местах.

Все являются частью Кнессет Исраэль. Они воплощаются в десяти обычных евреях, которые собираются вместе молиться как *цибур*. Евреи прошлого, настоящего и еще нерожденные, соединяются вместе в этом *цибуре*, который, возможно, собирается в дождливый зимний полдень для *Минхи* и *Маари-*

ва. Есть только один Кнессет Израэль, и он молится с каждым миньяном, состоящим из десяти.

Теперь ясно, почему неправильно называть синагогу домом Народа вместо Бейт Кнессет. Народ — это просто коллектив современников; Бейт Ха-Кнессет — дом великого, невидимого, вечного Кнессет Израэль.

Святость Бейт Ха-Кнессет и значение публичной молитвы покоится на этой вечной общине. Прошое еще не ушло; будущее уже пришло. Мы, молящиеся как цибур, являемся мостом, который сводит вместе весь Израиль.

С О О Б Щ Е Н И Е

В предыдущем номере были помещены материалы, рассказывающие об инициативе группы ленинградцев по созданию Ленинградского общества по изучению еврейской культуры.

8 сентября председатель Оргкомитета ЛОЕК Городецкий Я. И. был вызван на беседу в Леноблисполком. Там ему, в частности, было заявлено, что документы по ЛОЕКу следовало послать (по их принадлежности) в Ленгорисполком.

24 сентября эти документы с расширенным до шестидесяти человек списком членов-учредителей были получены Ленгорисполкомом. Тремя днями позже на имя Первого секретаря Ленинградского Обкома КПСС тов. Г. В. Романова было направлено письмо с конкретными предложениями по организации и осуществлению деятельности Ленинградского Общества по изучению еврейской культуры. Они были основаны на использовании ценного опыта в работе национально-культурных учреждений СССР (Грузия, Литва) и социалистических стран — в настоящее время, а также Ленинграда в конце 50-х годов, учитывали большой научный и культурный потенциал Ленинграда. В письме выражалась уверенность, что "открытие ЛОЕК будет ценным вкладом нашего города и области, носящих имя великого интернационалиста В. И. Ленина, в дело укрепления дружбы между народами СССР, празднования 60-летия СССР, упрочения и расширения связей со всей прогрессивной мировой общественностью".

В настоящее время около восьмидесяти человек изъявили желание стать членами-учредителями Общества.

ETIAM IN TENEBRIS

XXXXXXXXXX		XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XX	XX XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XX XX

XXXXXXXXXX
 XX XX
 XX
 XXXX
 XX
 XX XX
 XXXXXXXXXXXX

XX
 X

XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XX	XX
XX	XX XX	XX XX	XX	XX
XX	XX XX	XX XX	XX	XX
XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	
XX		XX XX		XX
XX		XX XX		XX
XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX		XX

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 3

Февраль 1984

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил ИДЕЛЬСОН:	
Царица Эстер (сцены из пуримшпиля).	
Перевод с иврита Л. Б. Яффе	139
Михаил БЕЙЗЕР:	
Евреи в Петербурге	154
Ицхак КАЦЕНЕЛЬСОН:	
Родина. Стихотворение.	
Перевод с иврита В. Ф. Ходасевича	181
Л. СЕГАЛ:	
”Херут – свободу означающее”	185
Стихи современных ленинградских поэтов:	
Леонид АРОНЗОН (1939–1970)	206
Владимир ХАНАН	212
Юрий КОЛКЕР	217
Л. О. ГОРДОН:	
Протест бердичевских евреев (1878)	223
Г. Р-Н:	
Немного статистики.	225

-----ooO Ooo-----

Михаил ИДЕЛЬСОН¹

ЦАРИЦА ЭСТЕР

(Сцены из пуримшпиля)

Перевод Л. Б. Яффе

/Приближается Пурим — самый веселый, самый жизнерадостный из еврейских праздников. Нашим читателям не нужно напоминать давнюю историю персидского царя Артаксеркса (Ахашвероша) и царицы Эстер, еврейки, ставшей его первой женой, но не порвавшей со своим народом и в критическую минуту избавившей его от поголовного уничтожения. Известна им и многовековая ашкеназийская традиция пуримшпилей — народных сатир-буффонад, где эта история разыгрывается в лицах. Но немногие знают, что пуримшпили издавна писались и по-русски. Между тем это так. Вот русскоязычная книга: *Сборник Пурим-Шпилей*. Сост. Л.Б. Яффе. Кн-во *Сафрут*, М., 1916. Она была одобрена Цензурным комитетом и допущена к печати для нужд национальных школ и училищ. Вышла она тиражом 256 экземпляров в типографии Вл. Венгерова (Мясницкая 20). Две из шести содержащихся в ней пьес написаны по-русски. В художественном отношении они, впрочем, незначительны и уступают переводным. Мы предлагаем вашему вниманию отрывки из двух-актной комедии Михаила Идельсона *Царица Эстер*, опубликованной в *Сборнике Пурим-Шпилей*, в переводе Л.Б. Яффе, известного в те годы литератора и издателя. Язык оригинала — иврит. ПРИМ. РЕД.² /

Действующие лица

Мордехай, дворцовый привратник

Эстер, его воспитанница

Ахашверош, царь Персии

Аман, его фаворит-министр

Гегай, евнух

1-ый заговорщик

2-ой заговорщик

Стражник

Почтальон

Хор, возглавляемый корифеем (он же — глашатай);
народ.

Действие происходит в Шушанах (Сузах), столице Персии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет центральную площадь Шушан.

На заднем плане — дворец Ахашвероша.

Явление первое

Хор.

Хор

Строфа 1

Персидская держава широка.
Великий кесарь мощною десницей
Ее воздвиг на долгие века.
Она внушает ужас за границей.
Народ молчит, вкушая вечный мир.
Спокойствие, порядок, процветанье,
Довольства и достатка возрастанье
Повсюду насадил отец наш Кир.
Подобного блаженства и свободы
Не видывали отродясь народы.

Антистрофа 1

Вождя сменяет вождь в порядке строгом.
Был Кир велик, и Дарий был хорош.
И в свой черед на троне их высоком
Воссел сегодняшний — Ахашверош.
Немолод он, не чужд литературы,
Порою любит долгие пиры
И смотры, фестивали и дары,
И лесть. А вид всегда имеет хмурый:
Чуть сдвинет брови — набегаёт дождь.
Могуц! И то сказать: ядреный вождь.

Строфа 2

Прекрасен белокаменный Шушан,
Первопрестольный град, богам угодный.
Сокровища неисчислимых стран
Сюда текут рекою полноводной.
Имперского величия оплот
Как вечную святыню чтит народ.

Антистрофа 2

В кругу своих сатрапов именитых
Пирует царь который день подряд.
Играют блики на дворцовых плитах —
Там тысячи светильников горят.
С ним армия, верна своей присяге.
Но помнит царь и о народном благе.

К о р и ф е й
(выступая вперед)

Эй, шушане, сей же час
Слушайте царев указ.

(читает)

Выкатить из погребов
Бочку траченных грибов!
Двести бочек водки
Для народной сходки!
Ничего не поносить,
Слишком слабых — выносить,
Если будет мало —
Пива дам и сала.
Чтобы к вечеру Шушан
Весел был, и сыт, и пьян!
Можно драться и орать —
Но носы не задирать!
Буде станут пить по чину,

Быть и новому почину:
Завтрашней порою
Выпивку утрою.

Х о р

Персу жизнь — одна отрада:
Пиво есть — ума не надо!

(Явл. 2—4 написаны прозой. Мордехай и Эстер обсуждают новость: изгнание Ахашверошем царицы Вашти. "Боюсь, предстоит очередной набор в гарем!" — говорит Мордехай. Входит почтальон с повесткой для Эсфири Абихайловны. В ней значится: прибыть на призывной пункт по адресу Гаремная улица дом 10, с вещмешком. Эстер плачет, Мордехай утешает ее: от судьбы не уйдешь.)

Явление пятое

Мордехай, Эстер в слезах. Входит К о р и ф е й

К о р и ф е й

Увы, дитя! Таков твой жребий. Ты
Должна отринуть прежние влеченья.
Господь взалкал душевной красоты —
И высоко твое предназначенье.
Тебя в тысячелетьях назовет
Великий и несчастный твой народ.

Явление шестое

Царские покои. Ахашверош на троне. Хор.

Х о р

От Индии до Куша
Лежит большая суша.
И всех прекрасных дев
Той суши проглядев,
Собрали их в столице.

Два года конкурс длится.
Но ни одну из них
Их царственный жених,
Не утоливший жажды, —
Не звал на ложе дважды.

И есть меж них одна:
Не обликом, не станом,
Но неким светом странным
Отмечена она.
Когда ж ее черед?
Уж год, как тучный евнух
В занятиях ежедневных
Уроки ей дает.

Явление седьмое
Те же. Входит Г е г а й.

А х а ш в е р о ш

Гегай, не даром ли ты ешь мой хлеб?

Г е г а й

Мой государь...

А х а ш в е р о ш

Ты к старости ослеп!
Твои красотки вышколены дивно,
И так стараются — смотреть противно!
Но почему у всех у них, скажи,
В здоровом теле — дефицит души?
Ведь я уже не мальчик...

Г е г а й

Государь,
Не гневайся, работаю на совесть.

А х а ш в е р о ш

Что ж, Персия девицами бедна?
Та — хнычет, та — жеманна, та — смешна,
И все потеют, к выходу готовясь.
Царю нужна царица и жена,
А не кривляка...

Г е г а й

Есть еще одна...

А х а ш в е р о ш

Смотри, Гегай, не промахнись же снова,
И знай, веревка для тебя готова.

(отсылает его. Гегай уходит и возвращается с Эстер)

Явление восьмое
Те же и Э с т е р.

К о р и ф е й

Посланницей небесных сфер
Пред ним является Эстер.
Испытанный ценитель жен
Ее явленьем поражен.

А х а ш в е р о ш
(встает)

Откуда родом ты?

Э с т е р

Отца и мать
В младенчестве не довелось мне знать.
Всегда ли, царь, своих мы предков знаем?

Привратником дворцовым, Мордехаем,
Я выращена как родная дочь.

А х а ш в е р о ш
(в сторону)

Ну, не царица ли она?

Г е г а й

Точь-в-точь!
Нет равных этим глазкам, этим губкам...

А х а ш в е р о ш

Какая мощь в создании этом хрупком!
Спокойного достоинства полна
И будто изнутри озарена,
И сам я будто приобщаюсь свету...
Кружится голова... Девицу эту,
Мою избранницу... зовут...

Г е г а й

Эсфирь!

А х а ш в е р о ш

Я падаю... Подайте нашатырь...

(опускается на стул. Гегай обмахивает его носовым платком)

К о р и ф е й

Вот так быть! Скрипите, перья.
Как в романе — все сошлось.
Укротить цепного зверя
Иудейке удалось.

Расцветя во тьме кромешной
Азиатских деспотий,
Ты взошла, цветок нездешний,
Нас от гибели спасти!

(Явл. 9—10. Сцена у царских покоев. Мордехай читает газету. Появляются заговорщики, их двое. В пьесе они пародируют современных автору радикалов, возможно, террористов-народовольцев или социал-революционеров. Они не видят Мордехая и произносят свободолобивые монологи — ”Лежи под одеялом, презренный паразит! Во славу идеалам кинжал тебя сразит!”, и т.п. Мордехай свистит в полицейский свисток, входит стражник в форме городского и уводит покорно сдающихся ему заговорщиков.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление одиннадцатое

К о р и ф е й и А м а н, стоящий неподвижно, в позе манекена.

К о р и ф е й
(указывая на Амана)

Вот эта примечательная рожа —
Аман, слуга и льстец Ахашвероша,
Его сиюминутный фаворит.
О нем довольно внешность говорит.
Не за исход кровавого сраженья
Он получил по службе продвиженье,
Не меч и правду — подкуп и донос
Он на алтарь тщеславия принес.
Царь верит прихвостню, и в нем души не чаёт,
И чуть ли не как равного встречает.

(отступает на второй план)

А м а н
(оживая)

Мой помысел чист и светел:
Отдай, брат, и не греши.
Я с детства себе наметил
Высокие грабежи.
Но есть и еще идея,
И с первой она в ладу:
Презренного иудея
Повсюду я изведу.
Я честно служу отчизне!
О персах душа болит!
Противен народной жизни
Презренный космополит.

К о р и ф е й

Аман, твоя идея не нова —
Ищи для травли новые слова!

А м а н

О чем печаль? Слова всегда найдутся
И, как пароль, в народе разойдутся.
Я почвенник. Я знаю свой народ.
Лишь намекни — он сам их подберет.

(поет)

Я перс душой! В народных кликах
Родное, давнее слышно.
Антисемит! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

(Явл. 12. Ахашверош награждает Мордехая за бдительность, проявленную при отлове заговорщиков, — солдатским георгиевским крестом.)

Явление тринадцатое

Царские покои. А х а ш в е р о ш и А м а н. Царь навеселе
и благодушествует.

А х а ш в е р о ш

Наконец-то я вижу Амана!
Расскажи мне, земляк, без обмана,
Что в глубинке ты видел, что слышал.
Знаю, весь из народа ты вышел!

А м а н

Не за ласку, не за взятку —
Буду резать правду-матку.
В свете — мерзостное чудо:
Слишком расплодилось юдо!
Современный иудей —
Кровопийца и злодей:
Он не пахарь и не сеятель —
Он научный иудеятель!
Населили города —
И плодятся без стыда!
Все искусства, все науки
Угодили в эти руки.
Персу — сеять и пахать,
Пейсам — мыслить и порхать?!
Над крестьянской хатой
Отпорхал пархатый.
Невозможно с ними жить —
Нужно разом порешить.
Вот что пишут:

(открывает Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона,
читает:)

”Иудеи
Дерзкие таят идеи,

Все они головорезы
И в штанах у них – обрезы...”.
Есть такая версия:
Погибает Персия!
Не от лени и гульбы
И дурацкой похвальбы,
Не от бюрократии –
От жидовской братии!
Словом, мочи нет у нас.
Подпиши, отец, указ!

(В течение монолога Амана царь разглядывает себя в зеркало, чистит ногти, прихорашивается.)

А х а ш в е р о ш
(рассеянно)

Отчего не подписать? Сегодня я всех награждаю и поощряю. Ты человек проверенный: и тебя не обижу. Правда, слушал я тебя в пол-уха и мало что понял...

(подписывает)

...ну да не суть важно... О чем указец-то?

А м а н

О награждениях и поощрениях!

А х а ш в е р о ш

Тогда все в порядке... Ну, мне пора. Сегодня я ужинаю у царицы. Кстати, ты тоже приглашен. Так что нам по пути...

(уходят)

Явление четырнадцатое

Пир в покоях Эстер. А х а ш в е р о ш, Э с т е р и А м а н.

А х а ш в е р о ш

С тех пор как ты, Эсфирь, вошла в мой дом,
Весь ход вещей преобразился в нем:
Народы перестали бунтовать,
Министры перестали воровать,
На край земли я простираю руки,
А главное — не стало больше скуки.
Мне без тебя не обойтись и дня.
Я царь! Проси что хочешь у меня.
Ты прямодушна. Нет в тебе коварства.
Проси — и дам, хотя б до полуцарства!

Э с т е р

Мой господин, из всех твоих даров
Искала прежде я лишь милостивых слов.
Но черные теперь настали дни.
Царь! Жизнь своей Эсфири сохрани!

(встает)

Еврейка я! Несчастный мой народ
В твоей стране уничтоженья ждет! —
Но и под сенью царского венца —
Его судьбу делю я до конца,
И в намечаемой резне, клянусь,
От общей участи не уклонюсь.
Что видел ты дурного от евреев?
Что выиграешь ты, погром затеяв?
Ты злобным вором вовлечен в обман...

А х а ш в е р о ш
(вставая, в гневе)

Скажи мне, кто сей негодяй?

Эстер

Аман!

(Аман падает на колени и закрывает лицо руками)

Твой царедворец, льстец, очковтиратель —
Указа изуверского издатель!
Смотри, как пред тобою он дрожит!
Реши меж нами: одному — не жить!

Аман

(ползет к царю на коленях, пытается обнять его ноги)

Царь, на меня напало ослепленье!
Прости, верни свое благоволение!

Ахашверош

Прочь, жалкое отродье! Вой не вой —
Уже, Аман, ты знаешь жребий свой.

(хлопает в ладоши, входит стражник)

Повесить негодяя на виду
У всех — в его же собственном саду!

(стражник уводит воющего Амана. На сцену вступает хор)

Явление пятнадцатое

Ахашверош, Эстер, хор

Корифей

А как нам быть с вакансией?

А х а ш в е р о ш

Пускай

Ее займет достойный Мордехай:
Спасением обязан я ему.

Э с т е р

Да будет, царь, по слову твоему!

Х о р

Итак, Аман повешен —
И поделом, злодей!
Надолго ли утешен
Персидский иудей?

Надолго ль радость людям?
Не знаю... А пока —
Царицу славить будем
Отныне — на века.

Продажного министра,
Исчадь вечной тьмы,
Забудут персы быстро —
Запомним только мы.

И ярче год от года
Неслыханный пример,
Который для народа
Оставила Эстер...

-----0-----

(ПУРИМ — это время...

... ДАРИТЬ — *мишлоах манот*, дар из
как минимум двух ви-
дов съестного — хотя

бы одному человеку. В подарке должно быть не менее 28 граммов печенья, сладостей, фруктов и т.п., или 86 граммов напитков.

- ... ДАВАТЬ — *цадаку*, пожертвования хотя бы двум нуждающимся (а также — опустить деньги в копилку).
- ... СЛУШАТЬ — *Мегилат Эстер*, Книгу Эстер, — вечером, накануне Пурима, и утром, в день праздника.
- ... СПРАВЛЯТЬ — в день Пурима, после полудня, праздничную трапезу — с вкусной едой, крепкими напитками и традиционными треугольными сдобными булочками — Гоменташами, или Ушами Амана.
- ... И РАДОВАТЬСЯ — чуду спасения народа, вместе с евреями всего мира.

РЕД.)

Михаил БЕЙЗЕР

ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Экскурсия вторая

Раби бар Земина говорил: – Если прежние наши ангелам подобны были, мы простым смертным подобны; если же они простыми смертными были, то мы недалеко от ослов ушли, и не от таких, каким был осел р. Ханины бен Досы или р. Пинхаса бен Яира, а от самых обыкновенных.

Агада, перевод С. Г. Фруга

Наша вторая экскурсия пройдет, в основном, по самому центру города: по Адмиралтейской части. Жить в центре во все времена было дорого, цены на квартиры превышали 100 рублей в год, поэтому и селились здесь наиболее состоятельные члены еврейской общины. Они жили в этих местах издавна: Адмиралтейская часть – один из старейших районов Петербурга, и временной диапазон настоящей экскурсии – около двух столетий.

Начнем экскурсию у дома №4 по набережной Мойки. Его сегодняшний фасад мало примечателен (дом многократно перестраивался), и лишь во дворе, по остаткам оформления одного из подъездов, ведущего в детский сад, можно предположить, что некогда здесь было нечто любопытное. И действительно, в течение столетия, с 1820-х годов по НЭП включительно, здесь располагался один из самых фешенебельных ресторанов Петербурга *Донон*. О связи важных для русских евреев событий с этим совсем не еврейским местом сообщает нам рассказ *Таинственный кабинет* известного в начале века журналиста конституционно-демократической газеты *Речь* Льва Клячко, которого мы и будем придерживаться.

Ресторан *Донон* посещала, в основном, аристократическая публика. В уютном дворике можно было увидеть министров, генералов, великих князей. Вина и коньяки подавались только редчайших сортов. Кухня была образцовая, а официанты вышколены, как в парижском *Максима*. Всех посетителей знали

здесь по имени и отчеству. На втором этаже, сплошь занятом отдельными кабинетами, был особенный изолированный кабинет, который открывали не для всех. В нем нередко происходили исторические свидания. Стены кабинета видели и Распутина, и Азефа, и Гапона. Когда в 1906 казалось реальным, что к власти придет конституционно-демократическая партия, известный усмиритель, генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов, чья власть еще недавно приближалась к диктаторской, тайно встречался здесь с лидерами этой партии.

Интересующие нас события происходили у стен этого кабинета и в нем самом, в самом начале 1880-х. Привыкшие ничему не удивляться официанты нередко бывали здесь свидетелями таких вот загадочных сцен. В кабинете, в кресле, за столом с остатками роскошного ужина, одиноко дремал полный генерал в распахнутом мундире. По коридору, мимо чуть приоткрытой двери, прогуливались трое мужчин. Двое из них, очевидно, были евреями: "один — высокий, дородный, осанистый, с орлиным носом; другой — небольшого роста, с седенькой бородкой, с необычайно подвижным лицом, умными, не по годам блестящими глазами". Третий — высокий, худой, бесцветный мужчина — имел явно чиновничью внешность. Маленький по временам отделялся от группы и осторожно, на цыпочках, заходил в кабинет. Подойдя к генералу, он одной рукой тихонько приподнимал полу мундира спящего, а другой — лез в собственный карман. Двое других *заговорщиков* подсматривали в щелку двери. Можно было ожидать, что сейчас его превосходительство будут тихо закалывать, подсыпать ему в вино яд, или, на худой конец, украдут у него что-нибудь. Но этого не происходило. Наоборот, маленький седой еврей вынимал из своего кармана конверт и опускал его во внутренний карман генеральского мундира. Затем он так же тихо покидал комнату и присоединялся к остальной компании. Через несколько минут все трое с любопытством заглядывали в комнату. Генерал продолжал спать. Тогда только что описанная сцена повторялась, и еще один конверт исчезал во вместительном кармане спящего толстяка. После очередного действия важная особа, наконец, просыпалась и звонила в колокольчик. Тут все трое *заговорщиков*, вместе и намеренно шумно, входили, приветствуя генерала. Тот улыбался им, произнося что-нибудь вроде: "Да, соснул малость. Пора и по домам. Весьма доволен.

Все, что возможно, будет сделано...”, после чего удалялся в обществе худого и подобострастного чиновника. Все, казалось, оставались довольны происшедшим.

Что же это было? Антиправительственный заговор? продажа тайн генерального штаба иностранной державе? или, может быть, в этом чисто мужском предприятии была замешана женщина? И кто участники этого таинственного сюжета? — Каждый из них оставил свое имя истории. Спящий генерал — министр внутренних дел Александра III, граф Н.П. Игнатьев. Чиновник — его секретарь. Высокий дородный мужчина — знаменитый благотворитель, председатель правления еврейской общины Петербурга, единственный еврейско-русский барон Гораций Евзелевич Гинцбург. Маленький седовласый — видный еврейский общественный деятель, один из организаторов строительства петербургской синагоги и личный секретарь Гинцбурга, Давид Фадеевич Файнберг. Весь разыгранный спектакль неоднократно повторялся по разработанному самим Игнатьевым сценарию — для получения взяток от евреев. В конвертах, опускавшихся Файнбергом в министерский карман, были обыкновенные кредитные билеты. После каждого *опускания* граф *просыпался* и пересчитывал содержимое. Если он находил сумму недостаточной — *сон* продолжался. Если сумма удовлетворяла его вполне, он окончательно *просыпался* и звонил в колокольчик.

Удовлетворить министра было необходимо: от него непосредственно зависело, продолжатся или будут приостановлены репрессии против евреев. Игнатьев был инициатором нового антиеврейского законодательства, вошедшего в историю как *Майские правила* (были приняты 3 мая 1882). Предыстория их такова. В 1881, после убийства Александра II, по черте оседлости прокатилась волна еврейских погромов. Многие тогда полагали, что погромы намеренно инспирировались правительством с целью отвлечь население от революционного движения. Однако погромов было так много, что сам Александр III предложил Игнатьеву заняться расследованием их причин и выработать предложения по их предупреждению в будущем. Граф представил доклад, из которого следовало, что в погромах виноваты... ”сами евреи”, беспощадно эксплуатирующие сельское православное население. Он предлагал выселить всех евреев из сельской местности — идея, надо сказать, весьма традиционная.

Игнатъев не любил евреев, но любил деньги, которых ему всегда не хватало. Поэтому прежде чем нести проект царю, он показал его Гинцбургу и намекнул, что за 2 миллиона рублей (по другим источникам — за 1 млн), если бы таковые были переведены на его счет, проект был бы совершенно переделан. Барон не сумел достать суммы, по тем временам неслыханной, но все же за частичные взятки (в общей сложности около 100 тысяч рублей), проект был несколько смягчен.

Майские правила, в их окончательном виде, запрещали евреям *вновь* селиться в сельской местности черты оседлости и приобретать там недвижимость, запрещали производство питейной торговли. Сельским сходам предоставлялось право простым большинством голосов выселять из данной местности любого уже жившего там еврея. Чтобы "привлечь евреев к полезной деятельности", вводились строгие процентные нормы на обучение еврейской молодежи в гимназиях и университетах, а также и другие ограничения. Ожидаемое действие правил было столь бедственно, смысл их — столь вопиющ, что царь не решился даже вынести их, как все прочие законы, на обсуждение и утверждение Государственного Совета, состоявшего, между прочим, отнюдь не из либералов. Эти репрессивные меры были проведены под именем "временных правил". Но, как известно, нет ничего постоянного временных мер. *Майские правила* просуществовали до самого падения самодержавия в 1917.

Пройдем теперь по набережной Мойки до ее пересечения с Невским проспектом. Здесь, на Народном (бывшем Полицейском) мосту, 4 июня 1903 года, произошло событие, о котором заговорил весь Петербург. Оно вошло в историю как дело Дашевского и было отголоском другого, недавнего и страшного, события: Кишиневского погрома. Вспомним на минуту об этом жутком деле. Погром разразился в Пасхальное воскресенье, 6 апреля 1903, после секретных переговоров специально для них приехавших в Кишинев эмиссаров правительства с местными властями и главарями черной сотни. Поводом к нему явился кровавый навет: в начале 1903, на окраине Кишинева, крестьяне нашли изувеченное тело русского мальчика. Убийца был тут же

обнаружен и сознался, но общественное мнение, изо дня в день подогревавшееся черносотенной газетой *Бессарабец*, искало другого виновника. После консультаций с эмиссарами министерства, издатель *Бессарабца* черносотенец Крушеван напечатал листовки с призывом "кровью отплатить евреям". В публичных местах открыто заговорили о погроме... На Пасху группа молодых хулиганов, явно по условленному сигналу, начала громить еврейские лавки и дома. Толпа поддержала их. Все большее число людей вовлекалось в разбой. Полиция бездействовала. К вечеру грабеж перешел в убийства. Чернь неистовствовала более суток, и лишь 7-го апреля, в 5 часов вечера, телеграммой министра внутренних дел фон Плеве, были приведены в движение войска, рассеявшие негодяев. Полторы тысячи разгромленных лавок и жилищ, 45 убитых, 86 раненых и искалеченных – таков итог погрома. Убийства совершались с неслыханной жестокостью. Русские очевидцы сообщают о людях, разорванных надвое, о детях с разбитыми черепами, вспоротыми животами, выколотыми глазами, отрезанными языками, о женщинах с отрезанными грудями, о варварски оскопленных мужчинах, о повешенных и забитых насмерть... Х.Н. Бялик откликнулся на эти зверства своим известным *Сказанием о погроме*.

Двумя главными виновниками погрома справедливо считают Крушевана и Плеве. *Бессарабец*, единственная во всей губернии газета, занималась почти исключительно черносотенной пропагандой. В одном из рассказов Шолом Алейхема евреи покупают *Бессарабец*, чтобы знать, какие беды их ожидают. Не разрешая других изданий в губернии, Плеве активно субсидировал газету Крушевана. Именно она обвинила евреев в ритуальном убийстве.

Новость о погроме быстро распространилась в России, вызвав негодование многих представителей русской интеллигенции. Проникла она и на Запад. Массовые митинги протеста прошли во всех главных столицах Европы и Америки. Протест был столь мощным, что русское правительство вынуждено было сделать несколько робких шагов, долженствовавших успокоить общественное мнение. Сместили генерал-губернатора Бессарабии; судили нескольких головорезов, получивших, впрочем, очень мягкие приговоры.

Попустительство властей и безнаказанность организаторов погрома привели к появлению народного мстителя. Им оказался

студент Киевского политехнического института Пинхус Дашевский (род. 1879). В июне 1903 Крушеван жил уже в Петербурге, на Большой Морской (теперь ул. Герцена), а обедать ходил в ресторан *Медведь* (бывший Демутов трактир на Большой Конюшенной; сейчас в этом здании на ул. Желябова находится Театр Эстрады). На полпути к ресторану, на Народном мосту, Крушеван был остановлен Дашевским, ударившим его ножом в шею. Удар был нанесен крайне неумело: нож попал в накрахмаленный воротничок и лишь слегка оцарапал шею. Рана оказалась настолько незначительной, что, будучи отведен в ближайшую аптеку (где сейчас филиал редакции Известий) и узнав в аптекаре еврея, Крушеван вовсе отказался от первой помощи.

Дашевский предстал перед окружным судом, заседавшим при закрытых дверях, и был признан виновным в покушении с заранее обдуманной намерениями, но заслуживающими снисхождения, причем истец от Крушевана Шмаков произнес речь против евреев, обвинив их в ритуальных убийствах. Приговор: 5 лет арестантской роты и лишение всех прав и преимуществ. Кассации в Сенат адвокатов Миронова и О.О.Грузенберга ничего не дали. Лишь в 1906, в результате ходатайства Грузенберга, Пинхус Дашевский был, по Высочайшему повелению, освобожден, но без восстановления в правах...

Второй из *героев* Кишинева, фон Плеве, оказался менее удачлив. В 1904 году он погиб от руки молодого террориста Каляева, именем которого названа теперь одна из улиц Ленинграда.

В доме 15 по Невскому проспекту сейчас находится кинотеатр *Баррикада*. В 1755 на этом участке архитектор В.В. Растрелли построил временный деревянный Зимний дворец для императрицы Елизаветы. Ныне существующее здание возведено в 1768–71 для генерал-полицмейстера Н.И. Чичерина архитектором Ж.Б. Валлен-Делатомом в стиле раннего классицизма. Тут жил издатель *Сына Отечества* и *Северной Пчелы* Н.И. Греч. Находившийся здесь ресторан *Талон* посещали Пушкин, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.Г. Помяловский. В конце XIX века здесь было Благородное собрание, на литературных вечерах которого выступали И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский. Здесь же

находилась потом огромная, в три этажа, квартира известного гастрономического торговца Елисеева, в которой после Октябрьской революции и до 1922 располагался главный центр Дома Искусств, писательского клуба с общежитием при нем. В голубой гостиной Елисеева вел свою стихотворную студию *Звучащая Раковина* Н.С. Гумилев, а переводческую — Корней Чуковский, комнаты в общежитии занимали О. Мандельштам, В. Ходасевич, М.И. Лозинский, М. Шагинян, О. Форш, Б. Шкловский, Г. Иванов и И. Одоевцева, здесь собирались члены молодежного писательского кружка *Сератионовы Братья* (М. Зощенко, М. Слонимский, К. Федин, В. Каверин, Л. Лунц и др.), жили А. Грин и Вс. Рождественский, бывали почти все известные писатели той поры...

Но в начале XVIII века ничто не предвещало культурного расцвета на этой земле. В 1719—30 здесь находился Новый, каменный, Гостиный Двор (к слову сказать: первый в Петербурге гостиный двор, деревянный, был выстроен при самом основании города на Троицкой площади, где сейчас пл. Революции). В 1735 он сгорел, освободив место для страшного, поистине варварского, представления. 15 мая 1738, "на Адмиралтейском острове близ Нового Гостиного двора", петербуржцы стали свидетелями жуткой средневековой казни: публичного сожжения откупщика из Шклова Бороха Лейбова и отставного капитан-поручика Александра Возницына. История их дружбы и гибели более чем примечательна.

До раздела Польши евреев в России почти не было. Борох Лейбов, откупщик из Шклова, тогда богатого польского города, расположенного близ Могилева в Белоруссии, ездил по торговым делам в Москву. Там он познакомился и близко сошелся с Возницыным. Они неоднократно вместе путешествовали, а затем капитан-поручик вдруг поехал вместе с Лейбовым в Польшу, где и обрезался, тайно перейдя в иудаизм. На Возницына донесла жена. Она заметила, что муж ее стал молиться обратясь к стене, а не к образам, ест не что попало, а потом вдруг и вовсе выбросил из домашней часовни (Возницын был дворянин и помещик) иконы в реку. К доносу отнеслись очень серьезно. В памяти русских государственных деятелей встало и величие хазарского каганата, и новгородская жидовская ересь XVI века, когда к еврейству склонялись даже члены царской семьи Васи-

лия III, и различные близкие к иудаизму секты. Лейбов и Возницын были арестованы и привезены в Петербург. По личному распоряжению Анны Иоановны следствие было произведено со всей строгостью. Возницына пытали. Были допрошены дворовые в его имении, владельцы постоянных дворов, где останавливались *подельники*, возившие их кучера. В результате вина была установлена. Возницына приговорили к костру за переход "в жидовскую веру", а Лейбова — за его совращение. На казнь согнали народ. Сообщают, что Возницын подбадривал упавшего духом товарища по несчастью... В европейской столице — Санкт-Петербурге — стояло просвещенное XVIII столетие.

Имение Возницына не было конфисковано: оно отошло к его жене — в качестве вознаграждения за донос. Дело Возницына и Лейбова опубликовано И.Ю. Марконом в сборнике *Пережитое* (Брокгауз и Ефрон, 6 т., М., 1913).

Четырехугольник, образованный Невским проспектом, Кирпичным переулком и улицами Герцена и Гоголя, застроен сейчас относительно новыми домами. Прежде, в XVIII веке, здесь был деревянный дворец цесаревны Елизаветы, а еще раньше — дворец вице-канцлера Петра I, Петра Павловича Шафирова. Он был фактическим министром иностранных дел Российской империи. С него и открывается история еврейского присутствия в Санкт-Петербурге.

Брокгауз и Ефрон сообщают: "Шафи́ровы — угасший баронский род, происходивший от крестившегося в 1654 г. с именем Павла еврея Шафирова. Сын его Павел Павлович был переводчиком посольского приказа, а внук Петр Павлович — известным государственным деятелем XVIII в., которому в 1710 г. было пожаловано Петром Великим баронское достоинство, снятое им же в 1723 г. и возвращенное Екатериной I в 1726 г. Внуки Петра Павловича умерли, не оставив потомства...". Несколько отлично от этого более раннее свидетельство В.О. Ключевского (*Курс русской истории*, IV, М., 1958), который пишет, что барон Шафиров был сыном "пленного и крестившегося еврея, служившего во дворе боярина Хитрова, а потом бывшего сидельцем в лавке московского купца". Возможно, Ключевский смешивает сы-

на с внуком. Чрезвычайно любопытно, что такая *деталь* биографии барона как еврейство в *третьем поколении* была известна решительно всем придворным и возмущала их. Раздражала невежественных дворян петровского времени и образованность вице-канцлера. У того же Ключевского находим следующую оценку: "...люди образованные и заслуженные, как Брюс, Шафиров, Остерман, не были расположены порывать связей своего нового отечества с западно-европейским миром, а своим образованием и заслугами кололи глаза невежественному и дармоедному большинству русской знати..."

Перейдем теперь к большому серому внушительному дому из финского гранита, напоминающему флорентийский палаццо Медичи. Он стоит на углу Невского проспекта и улицы Гоголя (бывшей Малой Морской). Сейчас по адресу Невский 7/9 расположено агентство Аэрофлота. Дом был построен в 1911–1912 архитектором М.М. Перетятковичем для банкирского дома Гуне-Муссен-Вавельберг. До этого банк располагался рядом с Казанским собором по адресу Невский 25, где сейчас мастерская по ремонту часов. Основателем фирмы был Ипполит Андреевич (Гуне-Муссен) Вавельберг (1843–1901), один из богатейших банкиров Царства Польского. Становление Вавельберга, как и многих других евреев-банкиров, было тесно связано с либерализацией внутренней политики во времена Александра II и вовлечением еврейских капиталов в экономическое развитие России. Он вырос в Варшаве, окончил там гимназию, учился в Ново-Александрийском политехническом институте, а затем в коммерческой академии. В 1869 Вавельберг переезжает в Петербург и основывает здесь собственный банкирский дом. В результате успешных финансовых операций он в короткое время делается обладателем крупного состояния.

Вавельберг жил в эпоху, когда большая часть еврейской интеллигенции и деловых кругов видела единственный путь к еврейскому равноправию в отказе от еврейской обособленности и даже от самосознания евреев как народа. Считалось, что евреи — религиозная корпорация, а потому и не может быть просто еврея, но может быть, скажем, немец-иудей, поляк-иудей — как

есть немец-католик и немец-протестант. Эти взгляды произошли от гиперболизации значения государства и преувеличения роли материальных атрибутов в формировании нации. Государство представлялось состоящим из лоскутков отдельных национальных групп, неизбежно рано или поздно сливающихся в единую нацию. Процесс этот считали прогрессивным и старались ему всемерно содействовать. Духовные истоки формирования национального самосознания полагали вторичными. При этом игнорировали тот элементарный факт, что еврейский народ на протяжении двух тысячелетий сохранил свое национальное самосознание, не имея таких *основных* национальных признаков, как единство территории, государственный суверенитет и внутренние торгово-экономические связи.

Воспитанный на идеях мендельсоновского просвещения, Вавельберг стремился к слиянию польских евреев с поляками и значительную часть своего состояния пожертвовал на польские филантропические цели. В Польше не было такой области благотворительности, где бы ни принял участия Ипполит Андреевич. На его деньги выходили дешевые издания Мицкевича, Сенкевича, Ожешко и других писателей. Он учредил премию при Львовском университете за сочинение по истории евреев в Польше. Времена, однако, быстро менялись к худшему, число антисемитских выступлений росло быстрее числа евреев-ассимиляторов, и не только в России, но и в Польше. Поэтому не удивительно, что к концу жизни Вавельберг отступил от первоначально выбранной линии поведения и начал проявлять все больший интерес к национальным делам своего народа. В Петербурге он становится членом правления Общества по распространению просвещения между евреями России, а затем казначеем и активным участником Еврейского колонизационного общества (см. нашу первую экскурсию).

Здание банка Вавельберга было выстроено уже после смерти Ипполита Андреевича, потомками основоположника этого банкирского дома.

Пройдем по Адмиралтейскому острову от Невского до улицы Держинского (бывшей Гороховой). Угловой дом (Гороховая 2)

построен в конце XIX века по проекту архитектора Дж. Кваренги. До революции здесь располагалось Управление петербургского градоначальства, а с декабря 1917 по март 1918 — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК), о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде...

В нашей экскурсии мы мало уделяем внимания участию евреев в революционном движении. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, подавляющее большинство революционеров, от самых правых до самых левых, в своих воззрениях и судьбах сознательно порвало с еврейской культурной традицией, для них самих принадлежность к еврейству по крови значила очень мало или ничего; поэтому и факт их еврейского происхождения вряд ли является достаточным основанием для упоминания о них в еврейской истории. Во-вторых, в Петербурге почти не было еврейского пролетариата; не случайно и Бунд действовал исключительно в черте оседлости. С другой стороны, хорошо известно, что именно революционная деятельность была наиболее характерной чертой политически активной части еврейского населения России, что участие евреев в социальной борьбе и русских революциях было непропорционально большим и что во всех революционных партиях евреи обязательно входили в группу лидеров. Поэтому было бы неправильным вовсе обойти молчанием это знамение времени — хотя бы уже потому, что политические деятели, порвавшие с еврейством и включившиеся в историю другого народа, существенно повлияли на судьбы прочих евреев России. Перечислим некоторых из них, и рассмотрим судьбу одного из самых ярких представителей этой группы. Вот имена известных меньшевиков: Ф.И. Дан, А. Аксельрод, Мартов (Цедербаум), Либер (Гольдман), Суханов (Гример); среди социал-революционеров (эсэров) выделялись А.Р. Гоц, Бобров (Натансон), И.З. Штейнберг, среди трудовиков — Брамсон. Влиятельными лидерами Бунда были Г.М. Эрлих, Рафес и Абрамович. Даже партия конституционных демократов (кадетов) имела в I-й Государственной Думе около десяти депутатов-евреев; наиболее известные из них — М. Винавер и Гессен. Было несколько политических деятелей евреев и в РСДРП(б).

Невозможно, оказавшись перед зданием ВЧК, не вспомнить имени одного из ее руководителей, Моисея Соломоновича Урицкого. Он родился в 1873, в Черкассах, в семье купца; в 1897 за-

кончил юридический факультет Киевского университета. В революционном движении Урицкий участвует уже в начале 1890-х годов. Первый раз его арестовывают и ссылают на пять лет в Якутскую область в 1897 — за организацию тайной социал-демократической типографии в Бердичеве. В 1898 образуется РСДРП, и он становится ее членом. После 2-го съезда РСДРП (1903) Урицкий примыкает к меньшевикам. За активную революционную деятельность и участие в революции 1905—07 годов его неоднократно ссылают на Север и в Сибирь. После Февральской революции М.С. Урицкий возвращается из эмиграции в Петроград и, вместе с группой межрайонцев, переходит на 6-м съезде РСДРП(б) в большевистскую партию. Тогда же он избирается в ЦК РСДРП(б). В октябрьские дни и после них Урицкий — член Петроградского Военно-революционного комитета, затем он становится комиссаром Всероссийской комиссии по делам Учредительного собрания, занимает и другие ответственные посты. Урицкий был противником Брестского мира и, вместе с другими *левыми*, сотрудничал в журнале *Коммунист*. С марта 1918 он — председатель Петроградской ЧК.

Здесь, в здании ЧК на Гороховой, произошла встреча Урицкого со знаменитым русско-еврейским писателем Исааком Бабелем, о которой последний пишет в автобиографическом рассказе *Дорога*. Под пером блестящего стилиста оживает Петроград зимы 1917—18 годов. Бабель приехал из армии, замерзший, двое суток не евший. На улице 24 градуса мороза. В вестибюле бывшего градоначальства, где теперь стоят два пулемета, он предъявляет письма своего друга, следователя ЧК Калугина. Его направляют в Аничков дворец. Он идет по мертвому, заиндевевшему Невскому, не надеясь дойти до цели. "Так отпадает необходимость завоевывать Петроград", думает герой-рассказчик, двойник писателя в *Дороге*, и тщетно пытается вспомнить имя Иегуды Галеви, погибшего, по предположению, под копытом арабского скакуна на своем пути в Палестину. В Аничковом дворце герой падает в обморок буквально на руки своему другу Калугину. Когда он приходит в себя, его моют, дают ему халат, рубаху, кальсоны и носки из витого шелка, некогда принадлежавшие Александру III... Чуть позже они с Калугиным курят папиросы и сигареты, полученные императором в подарок от султана Абу-Гамеда. Остаток вечера проходит за разбором игру-

шек Николая II, его барабанов и паровозов, тетрадок и крестильных рубашек. Герой читает дневник датской принцессы Дагмары, еще не ставшей императрицей Марией Федоровной, рассматривает снимки великих князей, умерших в детстве, перебирает пряди их волос. Утром Калугин ведет приятеля в ЧК, к Урицкому.

”Комиссар внутренних дел коммун Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессоницей, разрыхленные, запухшие веки.

Меня сделали переводчиком при Иностранном отделе. Я получил солдатское обмундирование и талоны на обед. В отведенном мне углу зала бывшего Петербургского градоначальства я принялся за перевод показаний, данных дипломатами, поджигателями и шпионами.

Не прошло и дня, как все у меня было, — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нигде нет в мире, кроме как в нашей стране.

Так началась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья...” (И. Бабель, *Дорога*).

Жизнь, ”полная мысли и веселья”, кончилась для Исаака Бабея в 1939, когда он снова попал в ту же организацию, но уже не как сотрудник, а как жертва террора 1930-х годов. Он погиб в 1941. В описанный им момент ”комиссару внутренних дел Северной области” оставалось жить не более полугода: в августе 1918 Моисей Соломонович был застрелен другим евреем, талантливым молодым поэтом Леонидом Каннегисером, тоже ассимилятором. БСЭ (первое издание) связывает это убийство с заговором социал-революционеров, ”вдохновителями и организаторами которого являлись члены ЦК партии правых с.-р. А. Гоц и Д. Донской”. Урицкого похоронили на Марсовом поле, а Дворцовой площади присвоили его имя, которое она носила до 1945.

Теперь, мимо зданий Сената и Синода, выйдем на Неву, на набережную Красного флота (бывшую Английскую). Второй дом от угла — Английская наб. 3 — знают все, кто интересуется историей и архитектурой города. Когда-то здесь находился один из

дворцов графа Строганова, построенный при участии архитектора А.Н. Воронихина. Затем он был перестроен, по заказу графини Лаваль, архитектором Тома де Томоном, и в современные путеводители вошел под именем дома Лавалья. Об этом доме можно было бы рассказать многое. Например, как он был обставлен. Госпожа Лаваль обладала большими деньгами и изысканным вкусом. Из своего свадебного путешествия по Европе она привезла множество картин прославленных мастеров, античные статуи и другие художественные ценности, включая мозаичный пол с виллы Нерона на Капри. Все эти сокровища находились здесь, на Английской набережной... Интересна история замужества графини, точнее, связанный с ним придворный анекдот. Лаваль, незнатный французский дворянин, бежавший от революции, добился в своем новом отечестве расположения императора Павла I, и последний лично способствовал его свадьбе. Родители невесты не хотели этого союза, говоря о женихе, что "веры он не нашей (католик), большого чину не имеет и вообще не знает его никто". На это Павел возразил: "Веры он нашей, христианской, знаю его я, а чины у него будут...". Брак был, таким образом, решен.

В начале XIX века у графини Лаваль был популярный салон, посетить который почитал за честь любой иностранный посланник. Здесь бывали Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Крылов, И.С. Тургенев и многие другие поэты и писатели, а также известные музыканты и художники. Здесь 19 мая 1828 Пушкин читал А. Мицкевичу и А.С. Грибоедову *Бориса Годунова*. Отсюда 14 декабря 1825 князь С.Н. Трубецкой, зять Лавалей, не решился выйти на Сенатскую площадь, чтобы возглавить восстание и принять на себя диктаторские полномочия. И отсюда его жена последовала за ним в сибирскую ссылку.

К середине XIX века семья Лавалей обеднела. Большая часть художественных ценностей особняка была продана, а он сам перешел в руки Самуила Соломоновича Полякова и принадлежал ему и его семье с 1870 по 1911 год. С.С. Поляков родился в 1836, в местечке Дубровне, в семье мелкого торговца, — и умер в 1888 в Петербурге, в чине тайного советника. Свою карьеру он начал десятником на строительстве железной дороги где-то в Белоруссии. Благодаря только своим личным качествам он в короткий срок сделался крупнейшим в России подрядчиком по строительству железных дорог, банкиром-миллионером. Самуил

Соломонович построил Козлово-Воронежско-Ростовскую, Орловско-Грязскую, Курско-Харьково-Азовскую и другие железные дороги. Он много писал по железнодорожной политике, основал первое в России, Елецкое, железнодорожное училище и целый ряд банков: Московский земельный, Донской земельный, Азово-Донской коммерческий и другие. В последние годы жизни Поляков стал принимать участие в жизни Петербургской еврейской общины. При его содействии была построена Петербургская синагога. За большие пожертвования на русские благотворительные учреждения он был пожалован в русское дворянство и стал тайным советником, т.е. получил чин, соответствующий должности министра. У С.С. Полякова было два брата, Лазарь в Москве и Яков в Петербурге, оба – тайные советники и дворяне.

К чести банкира-нувориша следует заметить, что, въехав во дворец Лавалей, он не стал там ничего менять и перестраивать, пожившись на вкус потомственной русской аристократии. После смерти С. Полякова дом перешел к его сыну Даниилу, надворному советнику, владельцу С.-Петербургского коммерческого банка и председателю Общества ремесленного и земледельческого гурда среди евреев России. Затем особняк был куплен казной и передан расширившемуся Правительствующему Сенату.

Хотя в своей массе евреи России жили очень бедно, все же такие люди, как Поляков, составляли пусть редкое, но характерное исключение. В результате либерализации в царствование Александра II, в центральных городах России в короткий срок появилось несколько очень богатых евреев промышленников и банкиров. Чаще всего их первоначальные накопления образовывались от винного промысла или от торговли с Западом. Используя атмосферу промышленного оживления, появление в стране выкупных денег (в результате отмены крепостного права), разрешение купцам первой гильдии проживать вне черты оседлости, а также финансовые связи в еврейских банках Европы, энергичные евреи с головой ушли в деловую активность. Многие сумели составить себе значительные состояния. Так, большинство железных дорог России строилось подрядчиками-евреями: Поляковым, Кроненбергами, Рафайловичами, Натансонами, Ефрози. Вавельберг имел банк не только в Петербурге, но и в Варшаве. Банк Ефрози занимался крупными операциями по экспорту зерна из Одессы. Банк Майер и С^о был одно время вторым по зна-

чению петербургским банком после банка И.Е. Гинцбурга. В чайной торговле выдвинулся Высоцкий, чья фирма существует на Западе и по сей день, пользуясь мировой известностью. Сахарная промышленность перед революцией была на треть монополизирована евреями.

Нетрудно представить себе, как выглядели такие люди в первые годы своего пребывания в столице. Богатые, но с провинциальными манерами, по-русски говорящие неправильно, с акцентом, одетые отнюдь не с аристократическим вкусом, они неловко чувствовали себя в гостиных, в среде родовой знати и потомственной интеллигенции, где с детства столько внимания уделялось воспитанию, — и, конечно, часто раздражали представителей и того, и другого слоя. К сожалению, далеко не все в России допускали, что их внезапное обогащение явилось результатом честного труда и незаурядной предприимчивости, зависть и уязвленная национальная гордость подсказывали другой ответ; мало кто помнил, что миллионная масса евреев по-прежнему живет в устрашающей бедности, из которой лишь вчера выбились сегодняшние банкиры. Многие в России не пожелали задуматься над происходящим, не сумели понять и должным образом оценить его, но унизились до бездумного и всегда дремлющего в патриоте пренебрежения к другим народам и вероисповеданиям. Для многих слова еврей и пройдоха стали самоочевидными синонимами. При этом антисемитизмом запятнали себя не только вельможи, но и писатели.

/.../ Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены.
Сотни тысяч рублей что ни грудь,
В этих ложах мужчины — евреи...

/.../ Доблесть, молодость, сила пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее.
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

(Н.А. Некрасов, *Балет.*)

Еще дальше идет Ф.М. Достоевский. В своем *Дневнике писателя* (1877) он вполне серьезно заявляет, что Бисмарки, Биконфильды, Французская революция и Гамбетта, все это — мираж перед истинным владыкой Европы: "жидом и его банком". Хорошо известны и другие его высказывания того же толка.

Чем бы ни были вызваны подобного рода реплики, как бы ни заслонял их от нас талант и в другом месте проявленный гуманизм авторов, все же, в конечном счете, были они со стороны русских людей проявлением не только близорукости, но и простой неблагодарности. Гораздо достойнее было бы признать и отметить, как много сил и средств вложили евреи в развитие российской деловой жизни второй половины XIX века, уяснить себе, чем Россия и русские обязаны национальным качествам этого столь откровенно угнетаемого народа.

Еще одно обстоятельство связывает дом Лавалея с еврейской историей. В феврале 1919 здесь был открыт Еврейский народный университет. Он имел два факультета: литературно-филологический и историко-социальный; обучение в нем продолжалось три года; ректором стал С.Г. Лозинский, ученым секретарем — С.Л. Цинберг. К концу того же 1919 года Университет переехал в другой реквизируемый дом — на Троицкую (ул. Рубинштейна 14 кв. 1) — и был переименован в Институт высших еврейских знаний.

Мы находимся перед зданием Правительствующего Сената на площади Декабристов (бывшей Сенатской). Как ни парадоксально, это — одно из памятных мест еврейской истории. С момента раздела Польши на территории царской России жило более половины всех евреев, и решения, принятые в этом здании, непосредственно определяли их судьбу, а еще в большей степени — судьбу их потомков. Не будет преувеличением сказать, что сегодняшнее положение евреев в мире во многом является следствием событий, происходивших в этих стенах.

К концу века еврейское (т.е., в собственном смысле слова, антиеврейское) законодательство в России разрослось настолько, что даже при самом добросовестном отношении, уверенно пользоваться им стало почти невозможно. Кому и где жить — это

был далеко не праздный вопрос. Например, фармацевты имели право жительства, если занимались своей профессией, и теряли его, становясь торговцами. Наоборот, другие обладали видом на жительство лишь при условии занятия торговлей. Сохранился характерный анекдот. В вагоне отходящего из Петербурга поезда встречаются два еврея. Разговорились. Выяснилось, что оба — Хаимы Рабиновичи. — Вас за что высылают? — Я фармацевт, надоело служить, занялся торговлей. А вас за что? — Я приказчик, мне надоело торговать, я поступил в контору. — Знаете, есть комбинация. — Какая? — Давайте поменяемся документами. Не все ли равно русскому правительству, какой Хаим Рабинович торгует, а какой — служит...

Многослойное, запутанное, часто противоречивое законодательство открывало широчайший простор бюрократическому крючкотворству, злоупотреблениям, взяточничеству. Евреев, заподозренных в тех или иных нарушениях, высылали, — они жаловались в Сенат. Жалоб было так много, что в 1908 Сенат вынужден был вдвое увеличить состав своего 1-го департамента. Канцелярский аппарат расширялся, чиновники делали карьеру на еврейском вопросе... Некоторые жалобы рассматривались даже в Государственном Совете, решения которого утверждались царем.

Сенат, например, рассматривал курьезное дело "о правах еврейских покойников". Еврейское кладбище в Витебске заполнилось, но евреи, не считаясь с этим, продолжали умирать. Община приобрела участок под новое кладбище, но губернатор не утвердил купчей: по Майским правилам евреям нельзя было приобретать землю вне городской черты. Но, по другому закону, хоронить в городе запрещалось... Сенат долго обсуждал жалобу из Витебска. *Либералы* вспоминали, что Майские правила вызваны желанием оградить крестьян от еврейской эксплуатации, и склонялись к мысли, что еврей-покойник в этом смысле православным не опасен. Консерваторы вовсе отказывались допустить распространительное толкование законов. При голосовании требуемых 2/3 голосов не получилось... Дело тянулось много лет. Евреи Витебска хоронили покойника на покойнике. Наконец, в 1-м департаменте Государственного Совета *либералы* взяли верх, и покупку земли под кладбище — разрешили.

Пройдем под арку, соединяющую здание Правительствующего Сената и Святейшего Синода. Арка является входом в тихую, узкую улицу — Красную, бывшую Галерную. Она — одна из старейших в Петербурге. Как бы подчеркивая это, ее обходят стороной шум и лязг сегодняшней городской жизни. Улица застроена старинными домами и особняками, и гулять здесь очень приятно. К тому же человек, не вовсе равнодушный к еврейской истории, найдет здесь много интересного для себя.

Вот дом 20, с единственным балконом на фасаде. На аттике хорошо виден картуш — место, где некогда располагался герб владельца. Дом этот, имеющий сразу три адреса — Красная 22, переулок Леонова (бывший Замятин) 4 и бульвар Профсоюзов (Конногвардейский проспект) 17, — принадлежал самому, пожалуй, богатому и известному еврею Петербурга — барону Горацию Евзелевичу Гинцбургу. Расскажем теперь подробнее о нем и его семье.

Г.Е. Гинцбург родился в 1833, в Звенигородке Киевской губернии, и умер здесь, в Петербурге, в 1909. Родители его большую часть жизни провели в Париже. В детстве Гораций получил хорошее домашнее образование, древнееврейскому языку и Талмуду его обучал известный ученый Сухоставер. Двадцати лет Гинцбург женился на своей двоюродной сестре, Анне Гесселевне Розенберг, имевшей впоследствии огромный авторитет в семье и большое влияние на своего тестя Евзеля. Еще будучи молодым человеком, Гораций становится главным помощником своего отца в коммерции, финансовых операциях и общественной деятельности. В 1859 он, вместе с отцом, основывает в Петербурге Банкирский дом И.Е. Гинцбург, первый в России банк современного типа. Банк находился здесь же, по адресу Замятин 4. Молодой финансист, бывший фактическим главой банка, быстро преуспевал и вскоре сумел добиться для своей фирмы исключительного положения в Петербурге, а затем и в Европе. Он вкладывал деньги в золотодобывающую промышленность, им основаны Ленское, Забайкальское, Березовское, Алтайское и другие товарищества. Среди прочих его предприятий отметим Акционерное общество *Платина* и компанию речного пароходства на Шексне.

С начала 1860-х Гинцбург выдвинулся как меценат и крупный благотворитель. В его доме собирались многие видные представители науки, литературы и искусства Петербурга. Здесь бывали М.М. Стасюлевич, К.Д. Каверин, В.Д. Спасович, профессора, оставившие университет после польского восстания 1833-го года. Близки с Гинцбургом были известный литературный и музыкальный критик В.В. Стасов, знаменитые писатели И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.Н. Крамской, Владимир Соловьев. Его знакомство с музыкантом А.Г. Рубинштейном привело к появлению в Петербургской консерватории стипендиатов Гинцбурга. Скульптор М.М. Антокольский получил академическое образование благодаря поддержке барона. Вообще, следуя еврейской традиции, Гинцбург щедро жертвовал молодым талантам — как евреям, так и русским. Он основал ряд научных учреждений, в частности, Институт археологии и Институт экспериментальной медицины (совместно с принцем Ольденбургским). Единственным условием его благотворительной деятельности было ее распространение на представителей всех без исключения вероисповеданий.

Гинцбург не сторонился государственной жизни Российской империи. До 1892 он состоял гласным Петербургской думы, был членом совета фондовой биржи, имел титул действительного статского советника (генерала) и ряд важных орденов.

Что касается еврейской жизни Петербурга и России, то ее история заставляет нас вспоминать имя Гинцбурга беспрерывно. Он присутствует всюду: то как основной финансист, то как неутомимый ходатай, то как энергичный участник. Неудивительно, что в нашей прогулке по Петербургу мы говорим об этом замечательном человеке так часто. В течение последних сорока лет своей жизни Гораций Евзелевич оставался признанным и бесспорным главой еврейской общины Петербурга и России. Он внес основной пай в постройку Петербургской синагоги. На его деньги издавались книги в защиту евреев. Не одобряя еврейской эмиграции, он, тем не менее, был председателем Еврейского колонизационного общества. Он же возглавлял Общество распространения просвещения среди евреев. Его жена, Анна Гесселена, учредила на Васильевском острове Сиротский дом. Потерпевшие от ежегодных пожаров и неурожаев, а затем и жертвы погромов в местечках черты оседлости — неизменно находи-

ли материальную помощь и поддержку у барона Гинцбурга.

Г.Е. Гинцбург завещал похоронить себя в Париже, рядом с отцом. Можно предположить, что это решение в значительной степени определилось ухудшением положения евреев в России к концу его жизни. Церемония переноса праха барона была обставлена с чрезвычайной торжественностью. Присутствовали делегации многих городов, до Парижа гроб везли специально выделенные представители общественности...

Подводя итог деятельности этого выдающегося человека, невозможно обойти следующий вопрос: почему на выборах в 1-ю Государственную Думу Гораций Гинцбург не только не стал депутатом от евреев, но не был и выдвинут на эту роль, не был даже привлечен в качестве советчика по столь важному для всех евреев делу? К апрелю 1906, когда собралась Дума, в России установился новый политический климат, изменились — по сравнению с 1880—90-ми годами — цвета времени, и Гинцбург, всегда бывший еврейским традиционалистом, консерватором, отошел на второй план, уступив лидерство радикалам. В строгом соответствии Талмуду, Гинцбург считал обязательным для евреев соблюдение законов страны проживания. Лояльность правительству и царю была для него священным принципом. Такая позиция не находила уже поддержки почти ни у кого в России; вспомним, что даже 1-я Дума выразила недоверие правительству. Просить, жертвовать, ходатайствовать, задабривать — было вчерашним днем, сегодняшним — кричать, требовать, стрелять. Эти настроения захватили и евреев, в особенности — после упомянутой нами волны погромов. Сами евреи не были уже монолитной общиной, а боролись друг с другом, каждый за свое. Государство не хотело оградить их от произвола черни и само таковой провоцировало — приходилось брать в руки оружие. Поднявшие голову евреи вызывали недоумение и бешенство правящей верхушки, увидевшей в них теперь не только удобного козла отпущения, но и носителей революции. Николай II (недавно канонизированный зарубежным православием как святой мученик), в телеграмме одному из руководителей Союза русского народа в июне 1903 заявил: "...да будет же мне Союз русского народа надежной опорой служа для всех и во всем примером законности и порядка...". Лояльность императору, для которого погромщики были примером законности,

не способствовала популярности барона. Спасение евреев видели тогда либо в эмиграции, либо в революционной борьбе. В озлобленном, находящемся в кризисном состоянии обществе не было места компромиссам. Евреи, как и другие народы России, уже не желали унижаться до просьб. Время таких лидеров, как Гораций Евзелевич Гинцбург, безвозвратно кануло в прошлое.

По адресу Галерная (теперь Красная) 25 располагалось некогда старейшее в стране общество современного типа: Общество распространения просвещения среди евреев России, известное в народе под аббревиатурой ОПЕ. Оно было основано в 1854, обладало солидными средствами и солидной репутацией, о нем знали во многих городах и местечках Российской империи. Среди руководителей ОПЕ мы встречаем и имена очень богатых людей (Г.Е. Гинцбург, Д.Г. Гинцбург, И.А. Вавельберг, Д.Н. Поляков, М.А. Варшавский), и, одновременно, имена интеллигентов-просветителей (Л. И. Каценельсон, Я. М. Гальперн, Л. О. Гордон, А. Я. Гаркави, М. И. Кулишер...): такой симбиоз был необходимым условием осуществления просветительной миссии общества. Когда мы говорим о гаскале, о ее значении в истории евреев России XIX века, мы неизбежно вспоминаем и ОПЕ, бывшее организованным выразителем этого культурного движения.

ОПЕ содействовало изданию книг (в основном по-русски) по вопросам еврейской культуры и истории, оказывало помощь бедным студентам, способствовало распространению светских знаний среди евреев, разрабатывало программы для еврейских школ, и т.п. Оно оставило нам в наследство немало драгоценной социологической статистики, показывающей положение еврейского народа в те времена. (К слову сказать, сбором статистических данных занималось и ЕКО.) В помещении ОПЕ часто устраивались лекции, выступления и семинары на всевозможные темы. Возникшие позже Общество любителей древнееврейского языка, Общество поощрения высших знаний, Еврейское историко-этнографическое общество и ряд других подобных им учреждений, — своим появлением во многом обязаны ОПЕ, сохранили с ним деловые и культурные связи. Общество имело де-

сятки отделений в других городах: Одессе, Москве, Екатеринославе, Ковне... Позиция реформатора еврейского быта, культуры, а отчасти и религии, занятая обществом, не могла не способствовать развитию ассимиляторских тенденций у его членов (Оршанский, Л. Леванда) и adeptов. Надо ли напоминать, что немалая часть молодежи, получив образование на средства ОПЕ, впоследствии вообще уходила из еврейства?

Погромы и Майские правила 1881–82 годов отрезвили многих маскилим. Стало ясно, что просвещение и образованность не решают всех проблем. Борьбу с ассимиляцией возглавил журнал *Гамахар* Переца Смоленскина. Требования времени проникли и в ОПЕ. В открытом письме казначея ОПЕ Л.М. Розенталя (журнал *Восход*, 1884) автор указывает на пропагандистскую деятельность Общества (в том числе, на распространение русского языка) как на основную причину упадка литературы на иврите (теперь мы знаем, что тогда и чуть позже она переживала подъем) и исчезновение у образованной молодежи интереса к религии и национальным делам. Полагая, что от просвещения отказаться нельзя, Розенталь предлагает за плату: обучать "новых евреев основам религиозных знаний". Есть в его письме и другая мысль, платящая дань эпохе. Автор склоняет членов ОПЕ не ограничиваться культурно-просветительной деятельностью, поступиться безупречной лояльностью правительству — и бороться, разумеется, в самом умеренном смысле, за еврейские права. Например, предлагалось обратиться в Высшую комиссию по пересмотру законов об евреях — с ходатайством о внимании к ученым, об отмене черты оседлости для людей со средним образованием, о пособии старым учителям.

Главной заслугой ОПЕ является, вероятно, то, что Общество много сделало для образования и воспитания целого слоя еврейской интеллигенции нового типа. И хотя часть (возможно, даже большая) этой интеллигенции покинула свой народ, зато оставшиеся "отработали за них", заложив основы культурного протуберанца последующих десятилетий — бурного развития еврейской истории, этнографии, языка, литературы, искусства, музыки. Не забудем, что большинство из этих подвижников зарабатывали себе на жизнь отнюдь не культурной деятельностью, во всяком случае — не еврейской: это были врачи, адвокаты, инженеры, банковские служащие. Как удалось относительно неболь-

шой группе столь разных, не связанных уставной дисциплиной, людей, на добровольных началах, "в свободное от основной работы время", поддерживать жизнь стольких культурных предприятий и начинаний, издавать книги, журналы, газеты, проводить и публиковать академические исследования по еврейским проблемам, словом, осуществлять всю эту огромную и многостороннюю культурно-просветительную деятельность, — для нас, пожалуй, так и останется неразрешимой загадкой.

Впоследствии здание ОПЕ располагалось по адресу: Загородный проспект 23.

В доме сына Г.Е. Гинцбурга, директора-распорядителя Ленского золотопромышленного товарищества, барона Альфреда Горациевича Гинцбурга (Красная 61), располагалось Общество гигиенических дешевых квартир для еврейского населения. Владелец дома был председателем Общества. Учрежденное в 1900 (при ближайшем содействии Еврейского колонизационного общества ЕКО), оно являлось акционерным и носило полублаготворительный полукommerческий характер. Основным районом деятельности общества был не Петербург, а городки и местечки западных губерний, где оно содействовало обеспечению небогатых евреев, преимущественно ремесленников, дешевыми квартирами, помещениями под мастерские, мелкими участками под сады и огороды. Общество стремилось уменьшить число лиц, не имеющих постоянного жилья (черта, увы, столь характерная для еврейских местечек), а также и лиц без постоянных доходов, без определенных занятий и профессии. Проблемы эти требовали неизменных усилий и становились все более актуальными в условиях непрекращающихся погромов, бесправия, ограничений на образование и выбор места жительства. Вместе с Обществом дешевых квартир облегчению положения беднейших слоев евреев содействовало и Общество ремесленного и земледельческого труда, а косвенно — и ЕКО, от которого Квартирное общество отпочковалось.

Дома нечетного ряда по Красной улице имеют, как правило,

своих двойников на набережной Красного флота. Так они строились: парадное, дворцовое здание выходило на набережную, дом с более скромным фасадом — на Галерную, между ними — внутренний двор. Так они обычно и продавались: парами. Две такие пары принадлежали братьям уже известного нам владельца дома Лавалья, Самуила Полякова: Лазарю (Английская набережная 12 — Галерная 11) и Якову (62—63, соответственно). Яков Соломонович (1832—1909) был старшим в знаменитой тройке. Свою деятельность он начал традиционно — с откупа, позже, вместе с братьями, занимался железнодорожным строительством и банковским делом, состоял и на государственной службе: был русским генеральным консулом в Персии. Мы уже упоминали, что все три финансиста были дворянами, каждый с титулом тайного советника. Дольше других прожил Лазарь Соломонович Поляков. Он родился в 1842 — и был еще жив в 1913. Его деятельность разворачивалась в основном в Москве (во всяком случае, после 1870), где он учредил несколько банков, основал свой собственный банкирский дом и ряд промышленных предприятий. Он был председателем еврейской общины Москвы и принимал в ее делах живейшее участие, в частности, финансировал строительство Московской синагоги (на улице Архипова, частично) и способствовал ее скорейшему возведению. Была у него и собственная синагога. В Петербурге Лазарь Поляков почти не жил, и дом на Английской набережной существовал скорее для представительства.

Настоящая экскурсия, в еще большей мере, чем прошлая, рисует нам картину расслоения некогда монолитного еврейского общества в России к началу XX века. Сохранились люди с традиционным талмудическим мировоззрением и пониманием отношений между еврейским народом и государственной властью в галуте (рассеянии). В государстве они видели неизбежное зло, к которому нужно приспособиться, но от которого следует, насколько это возможно, оградить и защитить народную жизнь с ее традиционной религиозной и культурной автономией. В пользу такой позиции говорили не только страницы Талмуда, но и многовековой опыт жизни (точнее: выживания) евреев в галу-

те. Типичным представителем этой уходящей в прошлое точки зрения был барон Г.Е. Гинцбург, его семья и окружение. Другая еще не умершая к этому времени идея — это гаскала: просвещение, приобщение к прагматическим и эстетическим ценностям европейской цивилизации, преодоление исключительности евреев, — как средство устранения антисемитизма, и, одновременно, возрождение национальной жизни через реформацию иудаизма в духе рационализма. Маскилим видели евреев народом среди народов: надеялись сломить взаимное отчуждение между евреями и неевреями, уравнивать евреев в правах с коренным населением, покончить с их уродливой профессиональной структурой и нищетой. С государственной властью предполагалось сотрудничество или хотя бы взаимная терпимость. Подобных взглядов придерживались Л. Гордон, Л. Каценельсон, Л. Леванда, а с ними и все те, кто группировался вокруг ОПЕ и родственных организаций. Но и в этой среде ход русской истории посеял некоторый скептицизм, а неуспех гаскалы начал осознаваться как факт. Третью группу образуют ассимиляторы (О. Мандельштам, Н. Нотович, В.Г. Богораз, Б. Пастернак, Ю. Тынянов и многие другие). Они выбрали наилегчайший путь: спланировали в господствующую культуру, в те годы охотно их принимавшую — под условием отказа от всего еврейского, часто вплоть до самого этого имени, под условием жить по обычаям чужого народа. Многие ассимиляторы были вполне искренне свободны от национального чувства и молчаливо тяготели к интернационализму, понятому как смешение всех наций; некоторые, уходя в другой народ, в другую веру, — страдали, но не видели иного пути решения еврейского вопроса кроме национального самоуничтожения евреев; некоторые, в своем служении другой культуре, перенимали у нее неприязнь к евреям, отреклись от всего еврейского, клялись (тоже вполне искренне) в любви к русскому народу и мечтали с ним слиться; худшие вообще скатывались до злобно-антисемитизма. Но так или иначе, сознательно или бессознательно, каждый из них поставил свою личную, человеческую, судьбу выше судьбы своего народа. Самые радикальные из ассимиляторов образовали четвертую группу — группу социальных революционеров (Урицкий, Мартов и т.п.). Эти вообще отказывались видеть какой-либо особенный еврейский национальный вопрос. Революционеры, особенно марксисты, считали, что такие

надстроечные явления как религия и национальность есть порождения вполне определенного экономического *базиса* — капитализма. С изменением социальной структуры общества, с уничтожением частной собственности, — религия и нации исчезнут. На смену национальному самосознанию придет классовое. Незачем бороться с антисемитизмом: он всего лишь один из бесчисленных пороков капитализма и умрет вместе с ним. Не стоит, и даже вредно, удерживать остатки национальной культуры и воспитания, прогресс и история указывают иной путь: интернационализм...

Национализм был чужд прогрессивно настроенной интеллигенции в конце XIX — начале XX веков, но присущий народным массам консерватизм не желал с этим считаться. Идея, казавшаяся безнадежно устаревшей, заявляла о себе как о реальной силе. Мощные национальные движения уже привели к образованию единой Германии, Италии, Балканских государств, недалеко была победа национальных сил в Чехии и Словакии, Венгрии, Ирландии, Польше, Финляндии, Прибалтике. Находились *ретрограды*, не исключавшие подобного пути и для евреев. Они были убеждены, что своя территория и государственность, не сделав всех евреев счастливыми, полностью (и впервые за две тысячи лет) избавят их от национальных притеснений. Многим евреям этот путь казался бесперспективным или преждевременным. Невозможно было поверить в восстановление родины, утраченной двадцать столетий назад, история не знала тому примеров. Палестина начала XX века была пустыней, в ней забыли вкус молока и меда, колонисты гибли там сотнями. На рубеже веков разрабатывались многочисленные проекты решения еврейского вопроса на национальной основе, сейчас известные лишь историкам: от заселения Уганды до народной партии С. Дубнова, от скромной программы национальной автономии Бунда — до Дашевского с ножом на Полицейском мосту в Петербурге. Двадцатому столетию предстояло ответить на вопрос, выживут ли евреи как народ и какие из выбранных ими на рубеже веков путей были гибельны, а какие — спасительны и плодотворны.

-----ooOoo-----

Ицхак КАЦЕНЕЛЬСОН
(1886–1944)

РОДИНА
(в переводе В. Ходасевича)

Поэт и драматург, сын известного в XIX веке поэта Я.Б. Каценельсона, Ицхак Каценельсон родился в 1886, в Минской губернии. Первый же сборник его стихов на иврите (1909) составил ему имя в стремительно набиравшей высоту новой еврейской литературе. Еврейская энциклопедия (1913) пишет о двадцатилетнем поэте: "...среди бодрых и жизнерадостных мотивов уже заметны тоскливые ноты..." (т.9, стр. 395). Это могло быть предчувствием Катастрофы. Вторая мировая война застала поэта в Польше, на его фактической родине. Однако сам он считал своей родиной Палестину: об этом свидетельствует публикуемое нами стихотворение. Мы не знаем, видел ли он когда-нибудь землю своих предков, но умереть ему суждено было вдали от нее. Оказавшись в стенах Варшавского гетто, он становится одной из центральных фигур его общественной жизни, а затем — одним из вождей восстания. Погиб поэт в 1944, в Освенциме. В Израиле, где он почитается национальным героем, выпущена почтовая марка с его портретом. В Ленинграде до сих пор живут его родственники.

Публикуемый нами русский перевод стихотворения И. Каценельсона *Родина* принадлежит Владиславу Ходасевичу. Этот факт долгое время оставался в тени. В *Еврейской Антологии* (М., Сафрут, 1918), редактором которой он являлся, Ходасевич подписал этот перевод одним из своих многочисленных псевдонимов: Ф. Маслов. Сейчас стало известно, что перевод *Родины* упомянут и датирован (январем 1918) в собственноручном перечне стихотворных переводов Ходасевича, хранящемся в ЦГАЛИ, а псевдонимом Ф. Маслов он изредка пользовался и в других изданиях (например, в *Северном Вестнике*). Но внимательный читатель раскроет этот псевдоним и без использования архивных данных. Дело в том, что еще два стихотворения — *Моя страна* Якова Фихмана и *Под звуки мандолины* Залмана Шнеура — подписаны в основном тексте *Еврейской Антологии* тем же безличным именем Ф. Маслов, причем первый из них в оглавлении упо-

мянут как перевод Ходасевича. Последние сомнения исчезают, когда мы находим оба названных перевода в книге: Владислав Ходасевич. *Из Еврейских поэтов* (З.И. Гржебин, Пб., 1921). Стихотворение *Родина* И. Каценельсона в этой книге отсутствует — по причинам, вероятно, чисто техническим: книга готовилась в деревне. Любопытно, что все три перевода, авторство которых Ходасевич первоначально (в *Еврейской Антологии*) пожелал скрыть, носят националистический характер. Возможно, Ходасевич был противником политического сионизма.

Ю.К.

Родина

Положи ты руку на глаза мне,
Семь раз быстро-быстро закружи...
”Где теперь страна твоя?” скажи —
И к Востоку протяну я руку.

Как нежна рука твоя, подруга!
Кружится и никнет голова,
На ногах стою едва-едва, —
Но Восток — вон там! Смотри же: там он!

Ты, сестра, ждала, что ошибусь я,
Что на Запад променяю я
Мой Восток и что рука моя
Юг тебе укажет или Север.

Милая, ты любишь эти страны?
Эти страны нравятся и мне.
Но в ответ на зов к родной стране
Ты зачем мне говоришь о чуждых?

Вот, представь, что ты в моих объятьях,
Что молитвенно душа твоя
Льнет ко мне — но неустанно я
Восхваляю женщину другую.

Я еще страны моей не видел,
Но когда б к моим родным полям
Был я вдруг перенесен — я там
Ничего б неожиданного не встретил.

Знаю я, когда сегодня солнца
Из-за гор проглянет первый луч,
И когда края скалистых круч
Заблестят вечерними огнями.

Знаю я, когда там ливни льются,
И когда прозрачны небеса,
И когда цветы поит роса
В тихой расцветающей долине.

Милая! Спроси — и я отвечу,
Много ль было меда в этот год,
Сколько молока теперь дает
Тучный скот на пастбищах Басана.

Погляди: там пыль столбом клубится.
С Гилеада сходит стадо коз...
Влажный ветер тайну мне принес:
Их пастух один в горах остался.

Слыша в скалах голос: "Милый, милый!" —
Знал пастух: его там дева ждет.
Дойных коз он отослал вперед,
И в горах остался со свирелью:

Ночи там, в стране моей, прохладны.
Если бы не девушки тех гор,
Не огонь их уст, не жгучий взор —
Ночевать в горах пастух не стал бы.

Может быть, я завтра же уеду.
Но, покинув здешние края,
Навсегда про них забуду я —
И забвенью сердце будет радо.

Может быть, расстанемся мы завтра.
Милый друг, чтоб памятной мне быть,
Чтоб не мог я и тебя забыть —
Ты пиши в страну мою родную.

----oOo----

Л. СЕГАЛ³

”...ХЕРУТ – СВОБОДУ ОЗНАЧАЮЩЕЕ...”

(Декабрист Г.А. Перетц)

В исторической науке существует установившийся взгляд на евреев – участников русского революционного движения: считается, что они появились в конце 50-х годов XIX века. Даже признанный авторитет, Еврейская Энциклопедия (1913), утверждает, что в движении декабристов евреи не принимали никакого участия. В пользу этого мнения говорит множество фактов. Да, евреи в те годы жили замкнуто в районах черты оседлости, подавляющее большинство их совершенно не знало русского языка, а пробившихся в российские столицы сынов Израиля можно было пересчитать по пальцам. И все же евреи не остались в стороне от зародившегося в России революционного брожения. Сегодня мы доподлинно знаем имя первого из его участников: Григорий (Гирш) Абрамович Перетц.

Декабрист из местечка

Он родился в 1788, в местечке Дубран Могилевской губернии. Дед со стороны отца – раввин в галицийском городе Левертове, дед со стороны матери – очень известный в то время раввин, ученый и меценат Иешуа Цейтлин, он же – блестящий делец и опытный финансист, – именно эти качества помогли ему заслужить доверие всесильного екатерининского вельможи князя Григория Потемкина, при котором он был чем-то вроде министра финансов и снабжения. Добиться такого положения было совсем не просто, учитывая антисемитизм светлейшего.

Незаурядной фигурой был отец нашего героя, Абрам Израилевич Перетц, видный финансовый деятель эпохи Павла I и первых лет Александра I. Получив прекрасное богословское и светское образование, он уже в юные годы отличился разносторонними способностями, чем и обратил на себя внимание Иешуа Цейтлина, который приблизил его к себе, а затем выдал за него свою дочь Фейгеле. В день свадьбы Абраму Израилевичу было шестнадцать лет. Вскоре после свадьбы Цейтлин представил своего зятя Потемкину, и Абрам Перетц начинает часто бывать в Петер-

бурге по делам Цейтлина и Потемкина. В начале 1790-х годов он окончательно поселяется в столице. Отношения его с женой были плохими, детский брак не принес счастья. После того как родители расстались, Гирш остался в доме деда и воспитывался там до пятнадцати лет.

В какой обстановке рос будущий декабрист? С. Цинберг в своей работе *Предтечи еврейской журналистики* описывает ее так: "В имени известного шкловского мецената Иешуа Цейтина образовалось в конце XVIII столетия нечто вроде вольной академии. Туда стекались пионеры просвещения, где они на досуге предавались научным занятиям. Борух Шкловер устроил там для себя химическую лабораторию. Беньямин Ривельс оставил гербарий для изучения ботаники" (1*). О полученном в доме деда образовании мы знаем от самого Перетца, именно: из его показаний следственной комиссии: "Не в публичном заведении (учился), а первоначально в деревне в Могилевской губернии, где учился еврейскому языку и закону Божьему у еврея Самсона Левина, русскому языку и арифметике у господина Синявского... истории по сочинениям Шрека, геометрии и алгебре у еврея Менделя Становера...**" (2). Последний, видимо, был основным учителем Гирша, так как именно с ним в 1803 году Иешуа Цейтлин послал своего внука в Петербург, к отцу. (По прибытии в столицу Гирш был немедленно крещен.)

"Есть три или четыре еврея в Петербурге с давних пор, — писала Екатерина II своему французскому корреспонденту, — я

* Список литературы приведен в конце статьи.

** Мендель Становер заслуживает специального упоминания. Этот человек владел несколькими иностранными языками и отличался глубочайшими познаниями в философии и математике. Ради заработка он торговал посудой. Еврейская Энциклопедия (1913) сообщает о нем: "Положение его изменилось лишь тогда, когда князь Чарторыйжский встретился с торговцем глиняной посудой в своих владениях и был поражен, увидев в его лице высокообразованного человека, большого знатока Канта. Становер стал близким человеком Адама Чарторыйжского, который его материально обеспечивал. Он же преподавал ему математику и философию. Задавшись целью распространить полезные знания среди евреев, Мендель Становер составил ряд популярных, написанных ясным общедоступным языком (древнееврейским) книг по разным областям науки. В отличие от других образованные евреев того времени, он также пользовался в своей просветительной работе разговорным еврейским, доступным широким массам еврейского населения..."

имела духовника, у которого они помещаются. Их терпят, вопреки закону, делают вид, что их не замечают...” (3). Одним из этих евреев и был Абрам Израилевич Перетц. В конце XVIII века он уже имеет свой дом*, известный всему Петербургу. Граф М.А. Корф, директор императорской Публичной библиотеки, пишет (4), что Перетц принимал у себя весь город. Он становится крупным откупщиком и подрядчиком по кораблестроению. В 1801 Павел I дает ему звание коммерции советника. В записках Н.И. Греча находим следующую его характеристику: ”...откупщик Перетц жид, но человек добрый и истинно благородный...” (5). Выразительное *но* в этой реплике как нельзя лучше показывает, чем представляется русскому обществу еврейское благородство. Нужна была смелость, чтобы дружить с евреем, а тем более – служить у него. Известный в Петербурге Безак, бывший начальник выдвинувшегося впоследствии государственного деятеля графа М.М. Сперанского и его друг, ”зажил в Петербурге барином, который имел хороший достаток, но разорился и боялся умереть с голоду. В это время богатый откупщик Перетц, зная умственные способности и опытность Безака, предложил ему место начальника в конторе с жалованием 20 тысяч рублей в год и сверх того подарил ему каменный дом. Безак решился принять эту должность, поправил свое состояние и испортил карьеру званием жидовского приказчика...” (5). Находились и другие смельчаки. С Перетцом был близок любимец Павла I Кутайсов, начал свою службу у *жида* будущий николаевский министр финансов Канкрин. Но особенно дружеские отношения сложились у Перетца с М.М. Сперанским, причем последнему сильно доставалось за это в высшем обществе.

Абрам Израилевич основательно закрепился в свете, имел связи и влияние, и часто оказывал помощь еврейским просителям. В 1803 его пригласили в качестве консультанта в комитет, созданный для разработки законодательства по еврейским де-

* Любопытная метаморфоза произошла с одним из его многолетних обитателей, другом А. Перетца, первым евреем, который занялся сочинительством на русском языке. Свое первое произведение *Вопль дочери иудейской*, написанное в защиту евреев, он подписал: Лейб бен Ноах. Второе, уже не имевшее к евреям никакого отношения, иначе: Лейб Навахович. К моменту появления третьего сочинения превращение завершилось полностью; там стоит подпись: Лев Навахович.

лам. Участвуя в работе комитета, он старается облегчить положение еврейского населения России. Но, увлекаясь все больше деловыми привязанностями и светскими обязанностями, все дальше отходит он от жизни еврейской общины Петербурга. В 1813 этот отход завершился полным разрывом: А.И. Перетц и его дети переходят в христианство.

Гирш Перетц продолжил образование в отцовском доме. Об этом также говорят его показания следственной комиссии. Швейцарец Лоран, будущий профессор Ришельевского лицея, преподавал ему "французский язык, геометрию и алгебру по сочинениям Лежандра и Лакрона, статистику – по сочинениям Пикертонна, историю – по сочинениям... Гольдсмита и Вольтера, эстетику и словесность – по сочинениям Батта и Лагарца и политэкономии – по сочинениям Смита и Сэя..." (2).

Чиновная карьера Г. Перетца началась рано. Он еще жил в имении деда, а ему уже был присвоен первый чин. В его служебном аттестате читаем, "что он в службу вступил в канцелярию государственного казначея 20 августа 1801 года...". Видно, что отец Гирша, А.И. Перетц, ни в чем не хотел отставать от русской знати и записал сына "в службу" с детства. Г. Перетц быстро получал чины. К началу своей реальной службы, в 1809, он уже титулярный советник. В начале января 1813 его направляют в Новороссийск – "по предмету прекращения чумы, в Новороссийском крае свирепствовавшей, где находился по 30 мая того же года...". Молодой чиновник блестяще справился с поручением.

Решительным моментом в жизни Гирша Перетца явилось его знакомство с Федором Глинкой. Судьба свела их по службе, вероятно, в конце второго десятилетия XIX века. Федор Николаевич Глинка оставил известный след и в русской истории, и в русской литературе – как поэт и беллетрист. Двумя годами старше Перетца, он предстает ему в ореоле светского успеха и вольнодумства: полковник русской армии, чиновник по особым поручениям, любимый адъютант петербургского генерал-губернатора графа М.А. Милорадовича (которому, к слову сказать, предстоит получить смертельное ранение 14 декабря 1825, на Сенатской площади) – и, в то же самое время, один из руководителей Союза Благоденствия, будущий декабрист. Точная дата вступления Перетца в Союз Благоденствия нам не известна. На следствии он сообщает: "...принят в общество в 1819 или в 1820 году полков-

ником Ф. Н. Глинкой с ведома двух других членов – Семенова, служащего в министерстве народного просвещения, и Кутузова, офицера Измайловского полка...” (2, стр. 16). Вот причины, побудившие его вступить в общество: ”Несправедливости и ошибки правительства. Намерения мои клонились единственно к общему благу, если собственное положение имело влияние, то разве лишь для меня не приметное, видов и корысти для честолюбия не было. Именно говорил я однажды с Глинкою, что на случай успеха не искать ничего, а напротив оставаться в том же положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут...” (2, стр. 76).

Союз Благоденствия возник в начале 1818, в Москве. Цель организации определялась так: постепенно овладеть всеми отраслями государственной и народной жизни, исподволь улучшать мнения и учреждения, распространять демократические взгляды, ”а между тем, отыскивая повсюду людей с благородным духом и независимым характером, беспрестанно ими усиливаться...” (6). Через двадцать-тридцать лет декабристы надеялись повсюду распространить свои воззрения и легко, без борьбы, овладеть государственной властью. О повседневных задачах члена общества говорит Глинка, имевший большое влияние на Перетца: ”Порицать 1) Аракчеева и Долгорукова, 2) военные поселения, 3) рабство и палки, 4) леность и вельмож, 5) слепую доверенность к правителям канцелярии (Анненский), 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты, 7) крайнюю небрежность полиции при первоначальных следствиях. Желать: открытых судов и вольной цензуры. Хвалить: ланкастерскую школу и заведения для бедных у Плавильщикова...” (6, стр. 224).

Ко времени вступления Г. Перетца в Союз Благоденствия организация переживала кризис. Многие члены отказывались ждать, пока монархия падет сама. Вести из Испании, Португалии и Неаполя говорили в пользу немедленной революции. Эти настроения необратимо усиливались, и большинство членов Коренной думы (руководящего органа Союза) высказывается за республику. В 1820, на квартире Федора Глинки, происходит совещание ”членов Коренной думы, где после долгих рассуждений о выгодах и невыгодах монархического и республиканского правления положено было, что каждый из членов объяснит, чего он желает, монархии или республики. Вследствие чего каждый из нас объявил

причины своего выбора. Глинка во время прений один говорил в пользу монархического правления...” (2). Перетц – убежденный сторонник Глинки, что засвидетельствовано как в его собственных показаниях на следствии (“О республиканском правлении для России при мне речи никогда не было, я всегда считал сие величайшим сумасбродством...” (2)), так и в показаниях лиц, принятых им в тайное общество, в частности, А.Ф. Искрицкого (“Тогда он, Перетц, открыл мне о существовании какого-то общества, имеющего целью ввести конституцию в России...” (7, стр. 107)).

Перетц не знает никого, кроме лиц, принявших его в общество. Не знаком он и с уставом Союза Благоденствия, *Зеленой Книгой*. Но цели тайного общества и тактические средства для их достижения ему хорошо известны: “Надежды общества основаны были: во-первых, на умножении членов, во-вторых, на возрастающем с годами влиянии каждого из них, в-третьих, на продолжении со стороны правительства решений, недовольство порождающих, которые будучи всемерно оглашаемы, более еще оное усиливали, и, в-четвертых, на постоянном знакомстве публики с политическими правилами и порядками народов конституционных...” (2, стр. 69).

Перетц был принят в особую, примыкавшую к Союзу Благоденствия группу, долженствовавшую, по мысли Глинки, составить новое общество. Функционировать это новое подразделение начинает лишь после вступления в него Перетца, что дало основания некоторым историкам расценить его как общество Перетца–Глинки (8, стр. 30). Перетц всецело отдается новому занятию. Полковник Глинка и секретарь Коренной думы Семенов дают ему право приема новых членов. Четыре человека были привлечены самим Перетцем, два – его помощником А.Ф. Искрицким. Вот как описывает Искрицкий действия своего наставника: “Квартируя в одном доме с Григорием Перетцем, я познакомился с ним. Он первым начал мне рассказывать об образе правления государства, говорил о выгодах представительного правления. Навещая меня часто, он все свое внимание обращал к политическим наукам, давал мне читать конституции разных государств, приводил из Библии какие-то законы Моисея в доказательство, что Бог покровительствует подобным наставлениям...” (7). Показания эти весьма любопытны. Дело в том, что

среди декабристов религиозных людей было очень мало. Лишь позже, в тюрьме и на поселениях, многие из них обратились к религии. Чтобы в своей пропаганде они использовали Библию, да еще Ветхий завет, — об этом в сохранившихся свидетельствах не упоминается.

На каких началах строилась работа нового тайного отделения? Письменного устава не было, Перетц его никогда не видел. "Напротив, говорено было, чтобы не писать ничего письменного, кроме записок об именах кандидатов в члены, и записки сии, по миновании в них надобности, уничтожать. На словах было положено, во-первых, чтобы деятельность членов общества происходила с должной осторожностью, во-вторых, о неприятии никого в члены и неоткрытии никому о существовании общества без согласия старшего члена, который должен был относиться тоже к старшему, и так далее, в-третьих, не объявлять никому о многих членах. Вновь вступивший член давал честное слово об исполнении оных действий к достижению целей общества иногда с присовокуплением слов 'обещаю всем, что для меня дорого и священо'..." (2, стр. 74). Члены общества Перетца часто собирались на совещания, во время которых говорили "о принятии новых членов... о тяготах налогов... об излишке войск и военных поселений, об упадке флота, о разорительных для России займах с 1817 года без существенной нужды сделанных..." (2, стр. 88). Главные язвы страны были отлично известны молодым реформаторам и равнодушными их не оставляли, в своем кругу они не могли молчать — "Об истязательной медлительности правительства в удовлетворении претензий частных лиц, о многих несправедливостях особливо в делах с казенным интересом сопряженных, об отягощении войск учениями, вояжах и строениях покойного государя императора, о малой внимательности гражданской части, о множестве чиновников и скудном жаловании, как главных источников запутанности и злоупотреблений... О весьма недостаточном и несвоевременном пособии в губерниях, в коих был неурожай и голод..." (2, стр. 88). Гневались и скорбели они, кроме того, "о восстановлении Польши, о преимуществах завоеванных поляков и финляндцев перед завоевателями россиянами, о расходах России для царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках со-

стоящих, о причислении Выборгской губернии к великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту...” (2, стр. 88). Все единогласно порицали меры правительства.

Итак, Перетцу не откажешь в прекрасном знании отечественной обстановки. Он дает полную картину злоупотреблений правительства (хотя временами высказывает взгляды правее самых правых). И не случайно в составленный для Николая I Систематический свод показаний декабристов на внутреннее состояние государства, наряду с показаниями ведущих членов общества Г. Батенькова, В. Штейнгеля, А. Бестужева – вошли и показания Г. Перетца.

Самый привилегированный народ

В разговорах, касающихся Польши и Финляндии, мы находим черты страшного, безудержного национализма декабристов. Как видно, и перешедший в христианство Перетц оказался не чужд подобных настроений. Очевидно, он хорошо акклиматизировался в окружающей среде: успешно делает служебную карьеру, становится участником дворянского революционного общества. К чести его можно сказать, что при всем том он не забывал ни своего происхождения и воспитания, ни своего народа. О революционной пропаганде с помощью законов Моисея мы уже упоминали. Дань прошлому выразилась и в пароле, придуманном Григорием Абрамовичем для руководимого им общества: ”Знаком было принято еврейское слово херут, свободу означающее, и в случае нужды для узнавания друг друга члены должны были сообщать оное возможно постепенно, по одной букве...” (7). Но память о корнях уводила помыслы Перетца много дальше этих внешних примет: с помощью тайного общества он надеялся резко улучшить положение соплеменников. Вот крайне интересный отрывок из показаний, сделанных на следствии Федором Глинкой: ”В одно утро он, Перетц, очень много напевал о необходимости общества к высвобождению евреев, рассеянных по России и даже в Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа. Он говорил, что, кажется, отец его, когда был еще богат, имел мысль собрать евреев, но что для этого нужно сообщество капиталистов и содействие уче-

ных людей. Тут распелся он о том, как евреев собрать, и с каким триумфом их вести и прочее, и прочее. Мне кажется, что на все сии говорения я сказал: 'Да видно вы хотите придвинуть представление света? Говорят, что в писании сказано (тогда я еще почти не знал писания), что когда жида выйдут на свободу, то свет кончится'..." (3, стр. 139). Не знаешь, чему здесь больше удивляться: высокомерному антисемитизму Глинки-свободолюбца – или невежеству Глинки-поэта, столько стихов сложившего на библейские темы? Или, может быть, брезгливо-пренебрежительному отзыву о своем товарище, единомышленнике и сообщнике – перед лицом победившего правительства, с которым, кажется, он скорее готов признать общие цели, чем с выкрестом-идеалистом?

Перетц не знает устава Союза Благоденствия, между тем в этом манифесте свободомыслия, принятом атеистически настроенным тайным обществом, нет пункта о веротерпимости. Соответствующий параграф гласит: "Союз не взирает на различие состояний и сословий: все те из российских граждан, дворяне, духовные, купцы, мещане и вообще люди, кои соответствуют вышеизложенному, исповедуют христианскую веру, имеют не менее восемнадцати лет от роду, принимаются в Союз Благоденствия..." (8, стр. 84). Евреи, таким образом, не могли быть членами Союза. Не зная об этом, не приняв в расчет упомянутых высказываний о Польше и Финляндии, Перетц мог допустить, с одной стороны, мысль об участии евреев в Союзе, с другой стороны, – считать, что высокие цели общего освобождения, выдвинутые Союзом, подразумевают и освобождение евреев или хотя бы улучшение их жизни. Были ли основательны такие надежды? Ответ можно поискать в параграфе 8 главы II *Русской Правды*, программного документа Южного общества. Параграф этот так и называется: "Народ еврейский". Он невелик, содержит всего две страницы, и трактует не только о будущем евреев, в случае победы движения, но и об их настоящем, в частности, об иудаизме. Формулы эти говорят сами за себя: "Евреи собственную свою веру имеют, которая их уверяет, что они предопределены все прочие народы покорить и ими обладать, а тем самым она их отделяет от всех прочих народов, заставляет их все прочие народы, так сказать, презирать и всякое смешение с каким бы то ни было другим народом совершенно запрещает и невозможным

делает... (...) Духовные лица, называемые равинами, содержат свой народ в неимоверной от себя зависимости: запрещая именем веры чтение каких бы то ни было книг кроме талмуда и некоторых других, собственных своих духовных книг. (...) Народ, не могущий просветиться, останется всегда под властью предрассудков. (...)”. Евреи ”склоняют русских начальников к лихоимству и ко всякого рода злоупотреблениям для них, евреев, полезным... Ожидая мессию, считают себя евреями временными обывателями края, где находятся, и поэтому не хотят земледелием заниматься, ремесленников даже отчасти презирают и большей частью одной торговлей занимаются. (...) Нет таких обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли, в чем им их рабины еще более способствуют, говоря, что обмануть христианина не есть преступление, и основывая на своем законе право фальшивое даже давать присяги, если только может быть еврею полезным. Другая связь между ними то последствие имеет, что коль скоро они в какое-нибудь место допущены, то непременно сделаются монополистами и всех прочих вытесняют. Сие ясно видеть можно в тех губерниях, где жительство свое они имеют. Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли, отчего и разоряют они край, где жительство...” (10, стр. 146–147). Если правда, что полковник Павел Иванович Пестель, автор этих строк, поборник свободы и враг предрассудков, был ”одним из самых образованных людей своего времени” (11), то тогдашнее положение евреев представляется более чем незавидным, а неприятие ими просвещения, в котором он их обвиняет, – более чем понятным. Цитированные фрагменты – не плод недоумения или близорукости, они продиктованы злобой и нетерпимостью. Никакой правды, кроме своей, Пестель не потерпит, ни с кем не поделится и не посчитается; поэтому и народ, дорожающий своей правдой и другим ее не навязывающий, да к тому же еще и подвластный ”завоевателям россиянам”, – ему невыносим. По пословице, гнев сильного – знак его слабости, подсознательной неправоты. Так это в данном случае или нет, но напраслина, возведенная Пестелем на евреев, позорит не только его одного.

Точный смысл следующих слов П.И. Пестеля таков: евреи – самый привилегированный народ Российской империи; действительно: ”Прежнее правительство даровало много прав и преиму-

ществ, усиливающих зло, которое они делают. В числе главнейших преимуществ можно указать о праве не давать рекрутов, о праве не объявлять об умерших, о праве воспитывать детей в каких правилах хотят... не говоря уже о том, что сверх того они всеми теми же правами пользуются, как и прочие народы христианские. Принимая все сии обстоятельства в полное соображение, ясным образом усмотреть можно, что евреи составляют в государстве, так сказать, отдельное государство и притом ныне в России пользуются большими правами, нежели сами христиане...”.

Каково же было на самом деле положение *привилегированных*? Первой *привилегией*, отличавшей евреев от всех прочих народов Российской империи, был предписанный район проживания, черта оседлости, растянувшееся на сотни километров гетто, покидать которое разрешалось лишь в исключительных случаях наиболее известным и богатым евреям. Бросим взгляд на историю вопроса. Евреи оказались российскими подданными только в конце XVIII века – и не по своей воле, а в результате трех разделов Польши, большая часть территории которой отошла к России. Но даже когда в России не было ни одного еврея, политика ее отличалась ярко выраженным антисемитизмом. Первым ее проявлением был самый запрет евреям проживать в России: запрещены были даже торговые вояжи, хотя бы и на очень короткий срок. Не случаен и погром 1563 года, устроенный войсками Ивана Грозного в Полоцке; и выселение в 1742 году (при Елизавете) 40 тысяч евреев из Малороссии; и известная резолюция Елизаветы на представлении Сената разрешить евреям временно, по торговым делам, приезжать из Риги в Малороссию: ”От врагов христианских не желаем интересной прибыли...” (12, стр. 246). Но реалисты, желавшие экономического усиления России, не упускали из виду ”интересной прибыли”, и уже при Екатерине II Правительствующий Сенат считает благом для страны повсеместное проживание в ней евреев. Сама императрица вспоминает об этом прецеденте в таких словах: ”На пятый или шестой день по восшествии своей на престол Екатерина II прибыла в сенат. Случилось, что в это заседание пришла очередь обсуждать дело о допущении евреев в Россию. Все единогласно признают полезным это допущение. Но Екатерина II по тогдашним обстоятельствам затруднилась изъявить свое согласие. Надо

заметить, что еще не прошло недели по вступлении на престол Екатерины. Она была возведена на оный для обороны православного закона, приходилось иметь дело с народом благочестивым и с духовенством, которому еще не возвращены были его имения, и которое вследствие этой дурно проведенной меры не знало, чем ему пробавляться. Умы, как всегда случается после переворота, столь великого, находились в сильном волнении. Начать свое царствование допущением евреев вовсе не было средством для умирения умов; объявить оное вредным было также невозможным... Екатерина поступила просто, когда генерал-прокурор собрал голоса и подходил к ней за решением, она сказала: 'Я желаю, чтобы дело было отложено до другого времени'..." (12, стр. 246). Время это, можно заметить, так и не наступило. Лишь Февральская революция 1917 года провела в жизнь решение екатерининского сената.

Вторая, не менее важная, привилегия евреев состояла в том, что лишь они из всех народов, населявших Российскую империю, платили казне двойную подать. Полковник П.И. Пестель рассуждает о тонкостях, требующих исследования: об иудаизме и нравах еврейского народа, но умалчивает об этом лежащем на поверхности административном факте.

Затем Пестель пишет об исключительных преимуществах, дарованных евреям правительством Александра I. Что он имеет в виду? В первый период царствования Александра, в эпоху реформ, был создан комитет, которому следовало определить правовое положение евреев. В 1803 году был принят разработанный им законопроект. Действительно, ряд положений нового закона отличался веротерпимостью; восстановлены были кагалы, т.е. органы еврейского самоуправления ("государство в государстве", по Пестелю). Но одновременно в нем присутствуют статьи прямо-таки драконовские. Скажем, все евреи принуждались в течение трех лет переселиться в города. Вот как комментирует это положение И.Г. Оршанский: "Для масс ясно только одно, что 60 тысяч самых бедных еврейских семейств должны были лишиться всякого пропитания, потому что в городах тогда предложение еврейского промышленного труда превышало спрос на него..." (12, стр. 274). Любые попытки провести это мероприятие в жизнь при Александре I заканчивались полным провалом. Местные начальники постоянно указывали на невозможность

осуществить эту меру, ”а сами евреи, по крайней бедности большей части из них, при платеже двойной подати, не могут в настоящее время выселиться и приискать средства для занятий земледелием, ремеслом или фабричной работой...” (12, стр. 275). Вот кому Пестель, не смущаясь, бросает упрек в нежелании заняться производительным трудом.

Положение 1803 года разрешает евреям заводить фабрики и заводы, браться за всякого рода кустарную работу, но право это остается чисто номинальным. Министр внутренних дел князь Куракин доносил Александру: ”Казенных фабрик, где евреи могли бы иметь работу, нет, частных тоже очень мало. Казенных земель для поселения в них евреев нет в тех губерниях, где последние живут. В Гродненской губернии есть всего 200 десятин казенной земли, а в первый год там изъявили желание заниматься земледелием несколько сот семей...” (12, стр. 279). Комитет по еврейским делам в своем докладе в 1812 говорит то же самое: ”Обращать евреев в фабричных рабочих невозможно по следующим причинам: в западном крае нет фабрик ни казенных, ни частных, евреи сами не имеют капиталов...” (12, стр. 281). Не обойдено в Положении 1803 года и просвещение среди евреев: ”Они могут обучать своих детей как во всех общих казенных заведениях, так и в собственных школах, если захотят такие устроить...”. Еврейские депутаты, приглашенные в Комитет по еврейским делам для дачи консультации, совсем не против просвещения, они только просят: ”...еврейских детей до поступления в общие учебные заведения необходимо учить в специальных еврейских училищах еврейским предметам и подготовить по русскому языку, который для них совершенно чужд...” (12, стр. 283). Но Комитет отклонил эту, казалось бы, не задевающую интересов коренного населения поправку... Многие из положений 1803 года носят унижительный характер. Например, евреям, живущим в помещичьих имениях, запрещалось покидать их без согласия помещика, — то же крепостное право. Не будет преувеличением сказать, что положение самого *привилегированного народа* в эпоху декабристов было, в свете вышперечисленного, поистине ужасающим.

Примечательны и рассуждения П.И. Пестеля о разорении края, где проживают евреи, и о тяжелом положении крестьян, евреями эксплуатируемых. Все достоверные источники, причем не только

русские, но и европейские, средневековые и нового времени, свидетельствуют о чем-то прямо противоположном: о процветании страны, допустившей евреев. Мнение Пестеля – спекулятивный вымысел человека, ослепленного антисемитизмом; оно ни в чем не опирается на факты.

Впоследствии, выйдя из рудников на поселения, декабристы любили отмечать мероприятия, проведенные Николаем, как им казалось, под воздействием их преобразовательной программы. К таковым они относили уничтожение военных поселений, кодификацию законов, запрет продавать крестьян поодиночке. Думается, мы можем продолжить этот список, отнеся сюда и насильственное изгнание евреев из деревень; и принятие строгих мер к тому, чтобы навязать им европейского образца одежду; и распространение на них воинской повинности – притом даже в большем, усиленном сравнительно с другими группами населения, размере.

У П.И. Пестеля было два плана окончательного решения еврейского вопроса в России. Первый: после победы освободительного восстания русская армия, не щадя христианской крови, прокладывает коридор в Малую Азию, куда и препровождает *всех* евреев и где они вольны основать свое национальное государство; Израиль, насажденный русскими штыками, без учета международной конъюнктуры и согласия сынов Израиля, – вот политический прожект и авантюра, достойные пехотного полковника. Второй план был много реалистичней: предполагалась насильственная и тоже, конечно, поголовная, ассимиляция евреев. Оба проекта были одинаково категоричны: "временные обыватели края" (кстати, этой роли не искавшие) должны из России исчезнуть. Но, кажется, самому Пестелю, несмотря на всю его природную склонность к аванюре, был милее второй.

"...Все различные оттенки в одну общую массу слить..."

Другие народы Российской империи ждала, по Пестелю, не лучшая участь. Он не признавал никаких национальных прав за украинцами и белорусами. В специальном разделе Русской Правды – О различных оттенках коренного народа русского – читаем: "...никакого различия не существует между разрядами, коренной русский народ составляющими... оттенки замеченные

должны быть слиты в одну форму. А посему и постановляется правилом, чтобы всех жителей, населяющих губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Киевскую, истинными россиянами почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять...” (10, стр. 139). Финляндию ожидала полная ассимиляция. Пестель выделяет ее в состав Чудского края, с русским порядком управления, “что же касается языка, то надлежит ввести в Финляндию российский язык” (10, стр. 140). Но самая страшная участь была уготована горским народам Кавказа. “Разделить все сии кавказские народы на два разряда: Мирные и Буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им Российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренности России, раздробив их малым количеством по всем русским волостям...” (10, стр. 144). Этой политике почти три тысячи лет: ее практиковали ассирийцы. В XIX веке “один из образованнейших русских людей своего времени” (11) предлагает насаждать просвещение, а с ним и наилучшее общественное устройство, – по-ассирийски. Вообще, планы Пестеля разрешить национальные проблемы, по его словам, “просты и удобны”. Он не сомневается, что отыскал самое верное решение. Вот оно: “...при всех мероприятиях Временного Верховного Правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременною целью иметь в виду, чтобы составить из них всех один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить, так, чтобы обитатели всего пространства Российского государства все были русские...” (10, стр. 149). Словом, Россия – новый котел народов.

Справедливости ради отметим, что большинство декабристов не соглашалось с мыслями Пестеля по национальной политике, а у некоторых они вызывали гневный протест. Но очень многие отвергали их – за их излишний интернационализм. Во всяком случае необходимо признать, что цели Союза Благоденствия были целями русского национального освобождения, националистическая их подоплека несомненна, и надежда Григория Абрамовича Перетца, к которому мы возвращаемся после долгого вынужденного отступления, на облегчение участи русских евреев или даже их полное освобождение победившими декабристами – были совершенно напрасны.

”...Вы есть член другого тайного общества...”

Активная революционная деятельность Г.А. Перетца продолжалась около двух лет. Помимо совещаний с членами своей группы и приема в общество новых членов, Григорий Абрамович как истинный деятель Союза Благоденствия делал, где только мог, гласными несправедливости и ошибки правительства. Однако к концу 1821 он отходит от дел и забот тайного общества, — что впоследствии объяснял женитьбой, состоявшейся в январе 1822. В показаниях следственной комиссии сохранился забавный эпизод. Как-то, идя к своей невесте, Перетц встретил Глинку, и полковник, узнав, куда направляется его товарищ, бросил такую реплику: ”У вас в голове любовь, а не дело...” (2, стр. 80). Возможно, и впрямь супружество и связанные с ним заботы охладили Перетца к общественной деятельности, как это произошло с известными декабристами А. Муравьевым, М. Орловым, И. Якушкиным и другими. Но были и другие причины. В том же 1822 полностью отошел от участия в делах Союза сам Ф. Глинка, не умевший найти общий язык с набравшими силу радикалами. Для Перетца он олицетворял все тайное общество, его пример и авторитет также, несомненно, сыграли здесь свою роль. Между тем Союз Благоденствия распался, уступив место новым тайным организациям. Распалась и группа Перетца: Устимовича отправили на службу в Грузию, Перетц дает ему ключ для тайной переписки — но ни тот, ни другой так им и не воспользовались; Данченко умер в 1820; Лаппа и Синявин уходят в поход с гвардией... Возможно, не последнее значение имело и разочарование Перетца в заговоре как средстве добиться облегчения участи малых народов, в том числе, евреев.

Члены группы Перетца—Глинки — А. Искрицкий, М. Лаппа и Дробуш — вступили впоследствии в Северное общество. Искрицкий получил от Рылеева ответственное задание: наблюдать за движением полков, расположенных вдоль Фонтанки; в восстании никакого участия не принял, и на Сенатской площади 14-го декабря был только как сторонний наблюдатель (6, стр. 204). Лаппа находился с батальоном Измаиловского полка в Петергофе и пытался (правда, весьма робко) препятствовать присяге полка Николаю (10-а, стр. 146). Дробуш умер в начале 1825.

Григорий Абрамович Перетц никаких связей с Северным об-

ществом не имел, но предполагал, что тайное общество может воспользоваться междуцарствием и выступить. Весь день 14 декабря он тревожно бродил по городу, пока отец не увел его к себе.

Немедленно после подавления восстания начинаются аресты – в Петербурге и по всей стране. Перетц очень встревожен. Он ищет для себя какой-то выход, неоднократно встречается с Искрицким и просит не называть его имени в случае ареста; хочет бежать за границу, к тому же Искрицкому обращается с просьбой “написать не своим почерком адрес на письме в Лондон к миссионеру Вау, которого упрасивал принять его в свои сотрудники в деле евреев...” (10-а, стр. 146–147). Но некоторая растерянность не лишает его способности ясно мыслить. Ему понятны причины поражения на Сенатской площади: “восставшие весьма глупо сделали, начав дело не быв уверенны в войске и без артиллерии, оружия самого решительного, что вместо дворца пошли на площадь, что не видя со стороны правительства артиллерии, простояли неподвижно, как бы дожидаясь, чтобы ее привезли на их погибель...” (7, стр. 115).

Известно, что многие декабристы не лучшим образом вели себя перед лицом следственной комиссии. Среди причин этому мы отметим лишь одну: огромную деморализующую роль сыграло поведение руководителей тайного общества, среди них – Пестеля и Рыльева. По разным причинам они чересчур откровенно отвечали на вопросы следователей. Многих декабристов ошеломило, что люди, принявшие их в общество, которым они полностью доверяли, – вдруг дают против них самые исчерпывающие показания. Жертвой излишней откровенности лидеров общества стал и А.Ф. Искрицкий. Арестованный 29-го января, он на первых допросах держался очень твердо, утверждая, что “к обществу не принадлежал и о тайном обществе не знал” (7, стр. 118). Но все, что он скрывал, уже было известно дознанию от Кондратия Рыльева и Евгения Оболенского. Искрицкий был сломлен. Он забывает о своем обещании Перетцу и в начале февраля откровенно сообщает: “я был принят в общество, название которого мне не открыли, в 1820 году титулярным советником Григорием Перетцом...” (7, стр. 118). Так выстраивается линия Рылеев–Искрицкий–Перетц. Но следственной комиссии этого мало, для ареста требуются показания как мини-

мум двух свидетелей. 14 и 15 февраля были запрошены виднейшие декабристы – все они ответили отрицательно. Дальше происходит загадочное. Несмотря на неудачу с запросом, 18 февраля следует постановление арестовать Перетца. Пожалуй, это был единственный случай привлечения декабриста к делу после первого же упоминания.

Перетц не составил исключения среди своих товарищей и уже на первом допросе сообщил все, что от него хотели услышать. Это ухудшило его положение, так как ничего, кроме показаний Искрицкого, против него у следствия не было, а лица, принявшие Перетца в тайное общество, Глинка и Семенов, держались очень твердо. Даже после признания Перетца они отказывались называть его участником заговора. Глинка заявил: "...титულярного советника Перетца в числе членов прежде бывшего общества никогда не видел и ни в каком отделении его имени не слышал..." (7, стр. 120). Семенов настаивал: "Перетца видел у полковника Глинка один раз, где с ним познакомился... разговор их тогда касался литературы... он никогда не знал Перетца членом тайного общества..." (7, стр. 119). Следствие пытается запутать декабристов, извратить имеющиеся против них материалы, сгустить краски. 14 марта Перетцу предложили новые вопросы. Его шантажируют: "Из всего вышеизложенного и из других сведений, какие правительство уже имеет у себя, комитет находит, что вы есть член другого тайного общества, уже известного правительству, коего полное открытие и требуется от вас...". Перетц очутился в отчаянном положении. Он полностью во всем признался, но от него требуют еще чего-то. Так появляется его страшное письмо следственному комитету, где он умоляет всем святым верить ему и просит применить пытку к нему и к тем, кто отрицает его показания. На очной ставке Семенов признался, что Перетц был членом тайного общества, но Глинка настаивал на своем (10-а, стр. 64). После этого Перетца оставили в покое и никаких вопросов до приговора ему больше не задавали.

Загадочность делу Перетца, помимо истории его ареста, сообщает и приговор: "Продержав еще два месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции иметь за ним бдительный надзор и ежемесячно доносить о поведении..." (10-а, стр. 147). Приговор удивительно строг. Подавляющее

большинство членов Союза Благоденствия, не примкнувших к тайным обществам и не принимавших участия в разговорах о переустройстве, никак не пострадало. К ним следственный комитет применял стандартную формулировку: "Был членом Союза Благоденствия, но со времени уничтожения оногo в 1821 году не участвовал в тайных обществах... высочайше повелено оставить без внимания..." (10-а, стр. 209). Ближайшие к Перетцу люди отделялись гораздо легче. Ф. Глинка, один из руководителей Союза Благоденствия, высылается в Петрозаводск. "Употребить его в Петрозаводске при гражданской части..." (10-а, стр. 64). Семенов, секретарь Коренной думы Союза, один из руководителей московской управы Северного общества, отправлен на службу в Сибирь, "но без повышения в чине" (10-а, стр. 174). Искрицкий переведен офицером в Оренбург, в армейский полк... Это была служба, пусть на окраине и без повышения. Перетц получает пожизненную ссылку, да еще под бдительным надзором полиции.

В Перми, бывшей тогда глухим заштатным городишком, Г. Перетц остается до 13 августа 1827, когда его переводят в Усть-Каменск, место уже вовсе от всякой цивилизации удаленное. Здесь он остается до 1840. Лишь после этого наказание смягчают, и ему пятидесятилетнему человеку, разрешают переехать в Вологду. Известно, что самая каторга оставила у прошедших ее декабристов более благоприятные воспоминания, чем последующая ссылка: на каторге они были вместе и как-то поддерживали друг друга. Перетц же провел первые четырнадцать лет своей ссылки почти в полном одиночестве. Бог знает, что ему довелось пережить. За это время умирает его жена, оставив трех маленьких детей. Младший родился, когда отец был в тюрьме... Вологда тоже, конечно, не означала полного прощения. Там он пытался поступить на службу – но безуспешно. Тогда он выходит в отставку "по прошению за болезненными припадками" (2). Он болен эпилепсией... Смерть застает его в 1855, в Одессе, где он провел последние годы жизни.

Нельзя утверждать, что единственной причиной необычно тяжелого приговора, вынесенного Г.А. Перетцу, был антисемитизм Николая I и следственного комитета. Но он мог сыграть свою роль. Выкрест, едва только допущенный в высшее общество и тут же предавший правительство, должен был казаться преступ-

ником вдвойне. Его осведомленность в делах и проблемах России, его пронизательность в выявлении болевых точек режима, проявленные в ходе следствия и в специальном письме Николаю, могли раздражать и казаться дерзостью ввиду необычности происхождения виновного. Между прочим Перетц предлагал: "...облегчение участи военных поселений и нераспространение оных далее, назначение комиссии по составлению законов..." (7, стр. 115). Николай I, как известно, внял этим советам. В свод показаний декабристов, ставший как бы настольной книгой Николая I, вошли многие из замечаний Перетца, и некоторые из его конструктивных предложений, вольно или невольно, следовал новый император в своих реформах. Если и впрямь Николай сознавал правоту замечаний Перетца и понимал, что руководствуется ими, это, в силу понятных человеческих свойств, не могло не отразиться пагубным образом на судьбе бывшего титулярного советника.

Григорий Абрамович Перетц не был одним из лидеров декабристского движения, не оказался героем на следствии, не прославился в ссылке. И все же он заслуживает нашего пристального внимания и нашей памяти. Одаренности своеобразной и незаурядной, он явился, несмотря на всю беспрецедентность своей судьбы, характернейшей фигурой эпохи, знамением времени.

Литература

1. С. Цинберг. Предтечи еврейской журналистики.
2. В.Н. и Л.Н. Перетц. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биографический очерк. Документы. Из-во Академии Наук СССР, 1926. 112 с.
3. Ю.И. Гессен. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб. Тип. А.Г. Розена. 1906. 471 с.
4. М.М. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. 1–2. СПб. 1861.
5. Н.И. Греч. Записки о моей жизни. СПб. 1886.
6. М.В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М. 1955.
7. А.Д. Боум. Еврей-декабрист. – Журнал *Каторга и ссылка*, 1926, №25, стр. 107. (Личное дело А.Ф. Искрицкого не было опубликовано в *Документах восстания декабристов*.)
8. Декабристы разыскивают. Сборник. М. 1975.
9. И.В. Порох. Деятельность декабристов в Москве. – В кн.: *Декабристы в Москве*. М. 1963.

10. Восстание декабристов. Сборник, т. 7. М. 1958.
- 10-а. Восстание декабристов. Сборник, т. 8. М. 1958.
11. Энциклопедический словарь. Из-во БСЭ. М. 1955.
12. И.Г. Оршанский. Русское законодательство о евреях. СПб. 1877.

-----oO-----

СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПОЭТОВ

Леонид АРОНЗОН

(1939 – 1970)

Леонид Львович Аронзон родился в Ленинграде 24 марта 1939 года. Писал стихи с детства (самые ранние из сохранившихся датированы 1955). В ранних его стихотворениях слышны отзвуки Маяковского, Лорки, Цветаевой, позже (1960–1964) — Пастернака, "ахматовских сирот"¹ и О. Мандельштама.

Окончив школу, Аронзон поступает на литературное отделение педагогического института им. Герцена и оканчивает его в 1963. Его дипломная работа *Человек и природа в творчестве Заболоцкого* была отмечена как одна из лучших. В студенческие годы Аронзон знакомится с известным в то время поэтом Германом Филипповым, а также с И. Бродским, К. Кузьминским, А. Найманом и Д. Бобышевым². Знакомство с Бродским переходит в недолгую дружбу, кончившуюся разрывом.

После окончания института Аронзон преподает (в вечерних школах) русский язык и литературу, а начиная с 1967 зарабатывает на жизнь сочинением "сценариев" научно-популярных фильмов (забегая вперед, скажем, что все они, — кажется, восемь, — были реализованы).

В эти годы Аронзон тесно общается с художником Ю. Галецким и Л. Богдановым (позже — с Е. Михновым-Войтенко) и поэтами Л. Ентиным³, А. Хвостенко⁴, А. Волохонским⁵ и совсем тогда юным В. Эрлем и другими Хеленуктами⁶. Особо следует

¹ Т.е. Евгения Рейна, Анатолия Наймана, Дмитрия Бобышева и Иосифа Бродского.

² Трое из них (кроме А. Наймана) живут ныне в США.

³ Леонид Ентин (р. 1938) с 1977 живет в Париже. Несколько его стихотворений опубликованы в журнале *Эхо* (Париж, 1978, №2).

⁴ Алексей Хвостенко (р. 1940) — поэт и художник, живет в Париже с 1977. Он — известный автор и исполнитель песен (в 1961 в Лондоне вышла его первая пластинка *Прощание со степью*). Совместно с В. Марамзиным редактирует журнал *Эхо* (издается с 1978).

⁵ Анри Волохонский (р. 1936) — известный русский поэт и эссеист, с 1975 живет в Израиле.

⁶ Хеленукты (1966–1970) — литературная группа ленинградских авангардистов; подробнее о ней см. в журнале *Северная почта* (Л., 1979,

сказать об его отношениях с А. Альтшулером (адресатом и персонажем большинства его дружеских посланий) — это была дружба, глубоко связывавшая обоих поэтов много лет, вплоть до последнего дня жизни Леонида Аронзона...

Начиная с 1964 мы можем говорить об Аронзоне как о поэте, ни на кого не похожем. 1964—1967 годами датированы многие стихотворения, отмеченные страстной тягой к авангарду, — вспомним дипломную работу, в которой Аронзон сумел даже на примере немногих известных тогда *Столбцов*⁷ указать характерные черты поэзии ОБЭРИУ (в частности, "юмор стиля", по его собственному определению); следует также помнить о прошедшей через всю его короткую жизнь постоянной любви к Хлебникову и Красовицкому⁸ ... Тяга к авангарду (графические, "дадаистические" стихотворения, стихотворения-"наборы" и "карты", "бессмысленная" проза, абсурдистская пьеса и т.п.) мирно уживалась с "традиционной" формой; любовь к Красовицкому и раннему Заболоцкому — с преклонением перед Державиным и Пушкиным. Авангард и классика, взаимопроникая, обогащали друг друга, претворяясь в высокую поэзию.

Стихотворения 1967—1969 годов представляют нам третий, самый зрелый период творчества Аронзона. В эти годы им написаны все ставшие наиболее известными стихотворения (*Утро*, стихи к друзьям, сонеты, "Вокруг лежащая природа...", "Несчастно как-то в Петербурге..." и многие другие). В 1969 Аронзон пишет такие циклы как *AVE* и *Запись бесед*. Этими циклами и еще несколькими "пограничными" стихотворениями наметился, на наш взгляд, некоторый перелом, — возможно, начинался еще один, четвертый период творчества поэта.

Аронзон прожил недолгую — слишком недолгую, — но счастливую и богатую удачами жизнь. Мы ни в коем случае не хотим

№3). — (Северная почта — журнал ленинградского самиздата, существовавший в 1979—81, до высылки за рубеж его редактора С.В. Дедюлина.)

⁷ Название первой книги Заболоцкого (Л. 1929). Сбр.: Заболоцкий Н. Избранные произведения, т. 1. М., Худ. лит., 1972, стр. 33—169 и 366—381.

⁸ Станислав Красовицкий (р. 1935) — москвич, один из значительнейших поэтов 50—60 годов, оказавший большое влияние на ленинградскую поэзию. В начале 60-х порвал с литературой. Опубликовано всего пять его стихотворений: в альманахе *Аполлонь-77* (Париж, 1977) и в журнале *Ковчег* (Париж, 1978, №2).

сказать, что как поэт он сделал все, что мог, — наоборот, трудно представить себе, сколько — и каких! — стихотворений могло бы еще быть... Но в октябре 1970, в горах под Ташкентом Аронзон застрелился из охотничьего ружья. 13 октября он скончался.

----o----

Здесь мы говорили об Аронзоне в основном как о поэте. Однако его творческое наследие состоит не только из множества стихотворений, поэм, точной и остроумной прозы, драматических опытов, интереснейших заметок и записных книжек. Аронзон много в последние годы жизни рисовал (размывки в духе Михнова и чудесные карикатуры), написал в 1967 великолепный автопортрет маслом, а за год до смерти собственноручно отснял мастерский 15-минутный фильм. Одним словом, его неповторимый талант сверкал во всем, что бы ни делал великолепный и в жизни, и в непрерывном творчестве — Леонид Аронзон.

В. С.

/ПРИМ. РЕД. Принадлежащая В. С. вступительная статья о Леониде Аронзоне подверглась незначительной *технической* редакции. Отдавая дань фактической точности В. С. — с исторической и библиографической точек зрения эта статья уникальна, — мы считаем своим долгом отметить, что не разделяем произведенной автором расстановки оценок, касающихся многих упомянутых здесь имен./

УТРО

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма.
Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма.
Чей там взмах, чья душа, или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!

Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма, —
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был дитя или ангел холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там — душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь.
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о Боге венчает вершину холма!

1969

* * *

Нас всех по пальцам перечесть,
но по перстам! Друзья, откуда
мне выпала такая честь —
быть среди вас? Но долго ль буду?

На всякий случай: будь здоров
любой из вас! На всякий случай,
из перепавших мне даров,
друзья мои, вы — наилучший!

Прощайте, милые. Своя
на все печаль во мне. Вечерний
сизу один. Не с вами я.
Дай Бог вам длинных виночерпий.

1969

* * *

Отражая в Иордане
непонятный людям танец,
душа летает мертвеца.

Теперь покойник — иностранец:
кусок спины, кусок лица.
Душа цела. Душа бойца
нас вопрошает: "Израильтяне,
кто отомстит меня, юнца?"
"Я, — отвечаем мы, — за нами;
за нами — мы. Нам нет конца,
на сыновьях лицо отца,
и впереди нас только знамя
с небес смотрящего Творца,
и знамя это — небеса!"

1969

* * *

Несчастно как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо — где оно?
Лишь лета нежилой каркас
гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу. Полулечу.
Кто там полудетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
кивком раскланявшись, влетаем.
Нет, даже ангела пером
нельзя писать в такую пору:
"Деревья заперты на ключ,
но листьев, листьев шум откуда?"

1969

* * *

И мне случилось видеть блеск —
сиянье Божьих глаз;
я знаю, мы — внутри небес,
но то же Небо — в нас.

Как будто нету наказания
тем, кто не веруя живет,
но нет, наказан каждый тот
незнанием Божьего сиянья.

Не доказать Тебя примером:
перед Тобой и миром щит.
Ты доказуем только верой:
кто верит, тот тебя узрит.

Не надо мне твоих утех:
ни эту жизнь и ни другую –
прости мне, Господи, мой грех,
что я в миру Твоем тоскую.

Мы люди, мы Твои мишени,
не избежать Твоих ударов.
Страшусь одной небесной кары,
что Ты принудишь к воскрешенью.

Сколь одиноко думать что,
смотря в окно с тоской?
– Там тоже Ты. В чужом пальто,
совсем-совсем другой.

1969

* * *

Уже в спокойном умиленьи
смотрю на то, что я живу.
Пред каждой тварью на колени
я встану в мокрую траву.

(...)⁴

Владимир ХАНАН

Родился в 1945, в Ереване, двух месяцев был увезен в Ленинград. В конце 1940-х — начале 1950-х жил в Угличе. После окончания школы (Пушкин, 1963) учился в Ленинградском университете на экономическом, филологическом и историческом факультетах. Работал слесарем, такелажником, лаборантом рентгеновской лаборатории, лифтером, сторожем, кочегаром. Четыре книги стихов в машинописи: *Без боли, Бронзовый век, Просвет в облаках, Прощенная листва.*

* * *

О, в пасти зверя сладкое питье!
Кровавому столу не занимать соблазна.
А женщина смела и радостно согласна,
И ноздри хищные трепещут у нее.

Возьми моих любимых, бог зверей,
В когтистые смиряющие лапы.
Ведь мы едим своих детей
И сотни белых маленьких костей
Швыряем безоглядно на пол.

Возьми нелюбящих любовь,
Укрой ее в своем громоздком теле.
Пресыщенно урча, как женщина в постели,
Дворовый пес вылизывает кровь —
Наш конкурент — он проиграл на деле.

Возьми и тех, кто пьет, и пьяных без вина,
Рабов безверья и плебеев веры.
Твоя утроба пряна и темна,
Но даже и в раю, за гранью всякой меры,
Скажу: людская кровь воистину вкусна!

1973

* * *

Поруганный, сходя в чужую осень,
Он был на изумление хорош.
Как ни крути, как ни верти, Иосиф,
А против родственников не погрешь!

Родня крепчает в силосе и силе,
Набыченная, сбитая в кулак,
В крестьянской пене, в лошадином мыле,
В необходимых, будничных делах.

До слез своя... А есть ли строже судьи?
Пусть зренье их предопределено —
Земля кругла, и все равно, по сути,
И где и кем посажено зерно.

Да прорастет! Посаженные криво,
Мы прорастем — по буковке, из тьмы...
Твой иероглиф выглядит красиво,
Иосиф, убежавший от тюрьмы!

Плати и дальше ненадежным центом
За наши обреченные бои, —
И что с того, что с варварским акцентом
Библейские страдания твои!

Родня, Иосиф, — братья и земляне —
Одних и тех же сволочных корней.
Крепка Москва, безбрежны египтяне,
И бог чужой нам своего родней.

1973—74

* * *

Ах, Углический лагерь пионерский!
По вшивости суровой косы стригли,
И оловянную волну катила Волга
Над головой младенца Одиссея.
Играли в игры — воровали знамя...
Я не пойму, что делается с нами?
Кто нищенкой щелястого забора
Крадется вдоль — по луковку в тени,
Какой-то пересыпана перловкой...
Где Эверест на самодельных лыжах?
Подушечки продмага заводского!
Друг трижды падал с лестницы — и выжил.
Еще цыган сплавляли вниз на баржах,
И по лесам казаковали мы...
... Ах, Ларка-одноклассница! — какая
По счету вечность между нами отпылила?
Где долю мыкаешь? — Судьба у нас благая.
Но детство было истинно счастливо.

1978

ОСЕННЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, ненаглядный, с погаснувшим взглядом,
Спи, если хочешь; все тихо... и рядом
Нет никого. Засыпай без труда.
В жилах последняя плещет руда.
Стынут в хлеву опустевшие ясли,
Звезды погасли, и угли погасли,
Дверь затворилась, тропа заросла,
В небе разбилась душа без числа.

Спит воробей, пролетарская птица, —
Что ему снится? Уснула волчица, —
Что ей приснится? — деревня, коза...
Плачет погода в сырые глаза.
Скрипнет ключица, занает предплечье,

Ветер бухтит, переняв просторечье
Нации женщин. Поляны рядно.
Киснет на поле березы руно.

Противоборствует кто-то и что-то,
Сладко во сне улыбнулось болото, —
Ряской ослабилось, мелкой такой,
Что не ухватишься точной рукой,
Если веселья его не разделишь...
Опыта спячки сподобятся те лишь,
Что почерневшее тело едят,
Да в потемневшую даль не глядят.

1978

* * *

Чаша дольного страданья
Каплю влаги пролила,
Людам гордого желанья
Каплей знанья воздала.
Кто-то занял у порока,
Кто-то вышел из окна,
Кто-то камень взял в ладони
И пригнулся у стены.
И упав среди строений
Площадь горбила виски.
И смотрел на это гений,
Гений страха и тоски.

1977

* * *

Поределых лесов прописные беседы,
Половецкой степи обедневший туман,
Твердокаменный город бетонной победы, —
Ах, какой это долгий и горький роман!

Но живешь, и листаешь, и примешь как бремя,
И воздашь от души — понемногу за всех,
Посмотри, как томительно тянется время,
С колесницы в телегу с утра пересев.

Эта вечная песня — тележного скрипа!
Кто составил задачник и кто разгадал?
Так лениво скучает татарская липа
И легонько плутает, не чуя стыда.

О медлительность! омут малиновых щечек!
Так от дедов и прадедов заведено,
Чтобы век-воробой как заправский начетчик
По дорогам клевал золотое зерно.

И замолкнешь в тоске, открывая окошко
На просторы полей, где спешить не с руки,
И — устав — не заметишь, как смуглой ладошкой
Отмахнется подруга от мертвой щеки.

197?

----o----

Юрий КОЛКЕР

Родился в 1946, в Ленинграде. Закончил Ленинградский политехнический (по другим сведениям: педагогический⁵) институт. Последние годы работает кочегаром. В 1970-х публиковался в советских журналах, с начала 1980-х в зарубежной русской прессе. Три книги стихов в машинописи: *Кентавромахия*, *Послесловие*, *Ex Adverso*. Недавно в Париже вышло составленное и прокомментированное им собрание стихов В. Ф. Ходасевича.

РЕЗНЯ НА КЕРКИРЕ

Слепые демоны гражданской распри,
Проклятье вам! Крепись, моя Керкира!
Афины, победившие мидян,
Афины, этот спрут, держатель ста земель,
Глазеет на тебя — маячат в отдаленьи
За гаванью твоей крылатые суда.
И ты, Лакедемон, кичливый и тупой,
Во всей Элладе страж законов и приличий,
Ты тоже где-то тут, ты смотришь: чья возьмет?

Покуда делят мир великие державы,
Терпи, Керкира! Некому пенять.
Слепые демоны гражданской распри
Не пощадят твоих детей безумных —
Одни бегут в Эпир, на материк,
Другие, бой на площадях затеяв,
Ворвутся в храмы, осквернят святыни,
И будут резать братьев малолетних
И старцев отрывать от алтарей!

1972

* * *

Три воды обегают вокруг островка,
Друг от дружки родясь чередой,

И Лебязья канавка, мелка и узка,
Протянулась четвертой водой.

Три строки набегают, четвертой строкой
Замыкаясь в единстве своем.
Три беды возникают, с протокой-тоской
Образуя один водоем.

Три беды вытекают одна из другой,
И торопится внучка-река
Нас волною настичь, обогнуть — и петлей
Захлестнуть, чтоб умолкла строка.

1974

* * *

Друг мой, неси эту тяжесть сама,
Я неспособен, сдаюсь.
Слабость и ненависть сводят с ума —
Вот мой священный союз.

Знаю, ты слабость любила во мне
(ненависть — новый дружок).
Страх земноводный ползет по спине,
Дрожь, идиотский смешок.

Думай, что знаешь, люби не люби,
Тольконими эту боль,
От накопленья железа в крови,
Хочешь не хочешь, уволь.

Жалко, что жалостен твой идиот,
Жалко, что бьет его дрожь.
Волк одинокий ко мне не идет,
Я — одинокая вошь.

1976

ХАНУКА

1

Вот осколки голубого
Поглощаются ночным —
Над Хевроном и Гильбоа,
Над тобой, Ерусалим.

А в заснеженной столице
Ассирийского царя
Сквозь смеженные ресницы
Бьет вечерняя заря.

То не месяц — клюв астральный,
И раскинула крыла
Этой ночи ханукальной
Гальваническая мгла.

В пику холоду и льдинам,
За потеющим стеклом,
Перед Господом единым
Соберемся за столом.

Фальконетом, Шарлеманем
Пресыщенные дотла,
Соберемся — и помянем
Наших пращуров дела:

Как народной эпопеи
Развивалось торжество,
Как явили Маккавеи
Имя грозное Его,

Как Востоком полусонным
Мощный гений просквозил,
И над миром изумленным
Встал Израиль, полон сил.

Как метет! Метет и свищет —
Точно лютого врага
По дворам и щелям ищет
Ассирийская пурга.

Слышны бешеные ноты
В песне ветра шутовской —
Точно нечисть сводит счета
С вечной совестью людской.

Метит сыщик разудалый,
Где устроить сквозняки: —
Катакомбы и подвалы,
Этажи и чердаки.

Эстафету непогоды
Принимает Ханука
Через страны и народы,
Через годы и века.

Диким сонмом рыщут мимо
Гайдамаки, басмачи:
Злобе дня невыносимо
Пламя чистое свечи.

Но горит огонь сакральный.
С нами Тот, с Кем дни легки.
У меноры ханукальной —
Жены, дети, старики.

Лейся, трепетное пламя!
Теплись, ангела перо!
Мы не дрогнем: наше знамя —
Справедливость и добро.

1983

ПОДРАЖАНИЯ ГАЛЕВИ

1

Течет, течет незримая река:
Мелькают дни, проносятся века, —
И все, над чем сияет небосвод,
Нисходит в сень ее печальных вод.
Волна ее не плещет, не шумит —
Но облупились грани пирамид.
Не лижет мрамора ее волна —
Но отступают царства, племена.
Египтяне надменные прошли,
Не стало римлян на лице земли,
И юный эллин, и седой халдей
Сошли в пучину чередой своей.
Смеется рок над семенем любим —
Лишь ты, о мой народ, неистребим!
Лишь пред тобой, великий мой народ,
Бессилен ропот неотступных вод.

2

На свете есть страна, где я не буду лишним.
Там хлебом и водой меня не попрекнут.
Там именем моим толпа не оскорбится,
И лучший мой порыв не назовут чужим.

На свете есть страна, где место человека
Величием предков мне не нужно испускать;
Не встретят там мой стон холодною издевкой,
Не станет боль моя народным торжеством.

На свете есть страна, где мысль мою не свяжут,
Где гордости моей ярмом не оскорбят.
Она — не рай земной: но мне найдется пища.
Она — не широка: но мне найдется кров.

Она — моя страна, и в ней мое бессмертье.
Я — знак ее долин, я — прах ее пустынь.

В ее земле взойти, с ее землей смешаться —
Вот все, о чем молюсь, — вот все, о чем скорблю.

3

Переживем. И не такое
Тобою видано, еврей.
Другие рабствуют в покое:
Ты — бодр меж дремлющих зверей.

Ты — совесть мира: гневный гений,
Целящий скальпель и глагол.
Твой дух пророческих прозрений
Черту земного перешел.

СРЕДИ РУИН

М. Бейзеру

Они прошли... Согбенная фигурка
В кипе и пейзах, и за ней — пейзаж:
Протуберанц духовности, мираж,
Еврейские руины Петербурга.

Погромов век — и революций бег,
Где та же кровь — разменная валюта,
Пора изданий, школ, библиотек,
Гора утрат... Горька вода галута!

Вот дом, который посещал поэт,
Там жил ученый, там — благотворитель,
Любавический ребе — здесь. Их нет.
Что ж есть? Кладбищенский путеводитель.

Ушли, густой червонною рудой
Нас одарив, в раструбы поколений
И в прошлое... Их сумрачные тени —
Смотри! — смешались с облачной грядой.

-----oOo-----

-----ooO Ooo-----

Л.О. ГОРДОН

(1830—1892)

/ПРОТЕСТ БЕРДИЧЕСКИХ ЕВРЕЕВ/

(Этот примечательный текст, воспроизводящий события более чем столетней давности, мы заимствуем из работы: Л.О. Гордон. Отрывки воспоминаний. Еврейский вестник. Научно-литературный сборник под ред. С.М. Гинзбурга, ОПЕ, Л., 1928. Лейб Иегуда Иосифович (Лев Осипович) Гордон — знаменитый еврейский поэт-просветитель (маскил) и общественный деятель, печатался в русско-еврейской прессе (*Еврейская Библиотека, Сион, День, Восход*), был секретарем Общества распространения просвещения между евреями (ОПЕ) и секретарем Петербургской еврейской общины. Будучи противником палестинофильства и сторонником реформации иудаизма, Гордон много сделал для становления новой литературы на иврите, в 1880—88 редактировал газету на иврите *Гамелиц /толмач/*. ПРИМ. РЕД.)

-----o-----

В 1878 г., во время берлинского конгресса, на котором западные державы, преимущественно Англия, старались урезать выгоды России, приобретенные ею по Сан-Стефанскому договору, в русских газетах появился протест бердичевских евреев, адресованный на имя Биконсфильда (т.е графа Бенджамина Дизраэли, английского премьера). В нем говорилось, что бердичевским евреям стало известно, что он, Биконсфильд, относится враждебно к России по той причине, что ему говорили, будто в России притесняют евреев. В виду этого они, бердичевские евреи, заявляют ему, Биконсфильду, что дошедшие до него сведения относительно русских евреев — чистейшая ложь. Евреям в России живется прекрасно, никаких притеснений они не претерпевают: следовательно, никакого повода для репрессии он, Биконсфильд, не имеет.

Этот курьезный документ был напечатан не в виде шутки в какой-нибудь "Стрекозе" или "Шуте", а в серьезных газетах, как серьезное заявление бердичевских патриотов, и изумленные

читатели не знали, чему тут больше удивляться: дерзости бердичевцев, или же их глупости. Прошло несколько недель, и об этом инциденте стали уже забывать; как вдруг мною получено было письмо от бердичевского раввина Х. Песиса, в котором он сообщил следующее. Такого-то числа он и старейшины бердичевской общины были приглашены к местному жандармскому начальнику, который стал им объяснять политическое положение дел в изложенном выше духе и, в заключение, потребовал именем правительства, чтобы они подписали протест, заранее подготовленный жандармом, причем он им заявил, что подобные протесты последуют от всех еврейских общин России. Им ничего другого не оставалось делать, как повиноваться. Они переждали затем несколько недель, и видя, что со стороны других общин никаких заявлений в газетах не появляется, поняли смешное положение, в которое их поставило излишнее усердие местного жандарма. В виду этого он, Песис, счел нужным разъяснить нам историю происхождения протеста и просил, если возможно, под каким-либо видом это дело огласить. Я тогда отправился к корреспонденту "Times", Макензи Уоллэсу, жившему по Б. Конюшенной, в гостинице "Медведь", рассказал ему всю историю и спросил, не согласится ли он передать это в лондонские газеты. Он посмеялся по поводу самой этой истории, но сказал, что сообщать об этом в Лондон не стоит, так как тамошние газеты не обратили внимания на бердичевский протест и в свое время о нем не упоминали; теперь же пришлось бы рассказывать эту историю с самого начала, что он, Уоллэс, считает несвоевременным, так как конгресс уже миновал...

-----oOo-----

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Журнал *Советиш Геймланд* опубликовал недавно статью М. Членова*, характеризующую культурную жизнь евреев в СССР. Близкое по теме исследование было проделано и в Ленинграде (в конце 1970-х). Оно показывает участие различных народов СССР (не только евреев) в подготовке научных кадров и в научно-исследовательской работе. Мы даем его краткий реферат. Все нижеприведенные цифры основаны на советских источниках. Исследователь тщательно экстраполировал и интерполировал кривые народонаселения, что было необходимо для вычисления *относительного* показателя участия той или иной нации в научно-культурной жизни страны. Показатель этот следующий:

$$X = \frac{A}{B} : \frac{C}{D} ,$$

где А — число студентов (аспирантов, специалистов, и т. п.) данного народа, В — общее число студентов (и т. п.) в СССР, С — численность данного народа в пределах СССР, D — общее число жителей СССР. Таким образом, процент выбранной группы интеллигенции СССР из представителей данного народа отнесен в показателе X к проценту данного народа в пределах СССР. Ясно, что X = 1 в том единственном случае, когда выбранная группа интеллигенции представлена в общей массе интеллигенции СССР *пропорционально* численности выдвинувшего ее народа; X > 1 означает более интенсивное, а X < 1 — менее интенсивное участие народа в научно-культурной жизни страны. В реферируемой работе показатель X исчислен для 21 народа, за годы 1957–1978, для студентов, аспирантов, специалистов с высшим образованием, научных работников, кандидатов и докторов наук. Народы эти, в порядке убывания**

* Советиш Геймланд, 1982, № 7, стр. II–VII.

** Убывание это не всюду строгое.

их относительной научно-культурной значимости, расположились следующим образом:

1. Евреи	8. Азербайджанцы	15. Туркмены
2. Грузины	9. Украинцы	16. Таджики
3. Армяне	10. Белорусы	17. Дагестанцы
4. Эстонцы	11. Казахи	18. Чуваша
5. Русские	12. Татары	19. Молдаване
6. Латыши	13. Киргизы	20. Башкиры
7. Литовцы	14. Узбеки	21. Мордва

Обратимся к цифрам. В таблице 1 приведены значения показателя X по студентам, для пяти народов.

	Студенты				
	1962	1966	1970	1976	1978
евреи	2.595	2.666	2.596	1.775	1.938
грузины	1.521	1.408	1.426	1.229	—
армяне	1.104	1.155	1.209	1.072	—
русские	1.129	1.124	1.116	1.121	—
украинцы	0.826	0.832	0.804	0.820	—

Здесь любопытной чертой является *резкое* снижение численности евреев-студентов к 1976-му, при его стабильности в предшествующие годы. Поскольку мы исчисляем студентов *всех* курсов, то можно видеть, что обусловившие это снижение социальные механизмы включились не позднее 1972 года. Статистика по аспирантам имеется лишь за 1970 и 1973 годы; таким образом, динамической картины мы не имеем. Приведем значения X для тех же пяти народов на 1970-й:

евреи	5.588
грузины	1.384
армяне	1.566
русские	1.122
украинцы	0.731

В этом ряду грузины уступают второе место армянам, а относительная доля евреев, по сравнению со студентами, возрастает вдвое. Еще более разительный контраст дают таблица 2 и таблица 3 — значения X соответственно для специалистов с высшим образованием, и для научных работников:

Таблица 2
Специалисты с высшим образованием

	1957	1966	1970	1973	1977
евреи	8.333	8.485	5.851	5.41	5.00
грузины	2.123	1.759	1.624	—	—
армяне	1.692	1.352	1.270	—	—
русские	1.057	1.099	1.103	—	—
украинцы	1.017	0.890	0.893	—	—

Таблица 3
Научные работники

	1960	1966	1970	1975
евреи	8.848	8.122	7.800	7.232
грузины	1.811	1.467	1.450	1.367
армяне	1.677	1.440	1.479	1.427
русские	1.889	1.230	1.236	1.226
украинцы	0.564	0.616	0.641	0.667

Цифры эти почти не нуждаются в комментариях. Приведем еще значения показателя X по докторам наук за 1973-й:

евреи	22.00
грузины	2.97
армяне	2.45
русские	1.05
украинцы	0.58

Этот ряд мы также не можем проследить в его динамике:

реферируемая работа страдает пробелами. Однако по евреям имеются еще три цифры: уровень докторов падает в 1977-м до 16.50, а кандидатов наук — с 12.80 в 1973-м падает до 9.72 в 1977-м. Общая тенденция, следовательно, сохраняется и здесь.

Возвращаясь к вопросу русификации⁶, можно признать, что по приведенным цифрам она прямо не прослеживается: русские лишь сохраняют свою относительную долю в рассмотренных группах — правда, на фоне неуклонного снижения таковой у лидеров: евреев, грузин и армян. При оценке русификации необходимо учитывать также и явление растворения русских в массе малых народов России: многие в наше время являются русскими только по имени. Вопрос о статистической оценке роли разного рода полукровок в научно-культурной жизни СССР навсегда останется тайной: данных о них нет. Между тем, полукровки-евреи, а вместе с ними носители 3/4 или даже большей доли еврейской крови, чаще всего значатся русскими; число же их в Москве и в Ленинграде таково, что они производят впечатление целого народа. Далее, говоря о евреях языком цифр, мы неизбежно упускаем из виду многочисленную группу потомственных выкрестов, уже в течение нескольких поколений числящихся русскими; а также очень многих людей, сменивших национальность в последние десятилетия (иногда — перед лицом смертельной опасности: война; иногда — из конформизма; и т. п.). Но и в приведенных нами данных роль евреев вырисовывается достаточно рельефно: она такова, что не отметить ее чрезвычайного значения для научной и культурной жизни России XX столетия было бы простой неблагодарностью.

Г. Р-н⁷

	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XX

XX	XX
XX	XX
XX	XX
XXXXXXXXXX	
	XX
	XX
	XX

XX

XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XX	XX
XX	XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX	XX
XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	
XX		XX		XX
XX		XX		XX
XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX		XX

-----ooO Ooo ooO Ooo-----

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

-----ooO Ooo-----

Выпуск 4

август 1984

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил БЕЙЗЕР:	
Еврейское Преображенское кладбище.	233
Римма ЗАПЕСОЦКАЯ:	
Еврейское кладбище. Стихотворение	272
Юрий КОЛКЕР:	
О стихах Владимира Лифшица	273
Лев БАТЛЕР:	
Миф о еврейском театре.	303
Феликс НУЛИН:	
Немного статистики.	
Роль евреев в русском революционном движении	309
П е р е в о д ы	
Элиягу КИТОВ:	
Главы из <i>Книги наследия нашего</i>	314

Михаил БЕЙЗЕР

ЕВРЕЙСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Экскурсия третья

*Могилы еврейские. Есть ли на свете страна,
Где камни бы ваши на страже веков не стояли,
И где бы сынам не вещали отцов имена
О радостном творчестве мысли в горчайших
печалях,
О мраке безгранном и грезе о солнечных
далях?
Нетающим снегом ложится веков седина,
А буквы на камнях горят, взывая из моха
и пыли:
Мы были... мы жили...*

С. Фруг

Этими стихами Семена Фруга, отразившего в своей поэзии духовный кризис русского еврейства (особенно новой интеллигенции) в 80-е годы прошлого века и одновременно первые робкие надежды рождавшегося тогда палестинофильства, хочется начать нашу экскурсию по старому еврейскому кладбищу Ленинграда.

Почему это кладбище называется старым? Разве есть новое? — Нет. Просто здесь больше уже не хоронят.

Трудно представить себе более еврейское место, чем еврейское кладбище. О чем только ни вспомнишь и ни подумаешь, находясь здесь. Если проходить между могил, то покажется, что все лежащие в них — ваши родственники или друзья.

Но сначала несколько слов о том, что же это такое, еврейское кладбище. В сущности, как и всякое кладбище, это просто кусок земли для захоронения мертвых. Но это определение поверхностно и неполно. В религиозной литературе есть несколько образных названий для кладбища:

дом погребения — *бейт кэварот*
дом вечности — *бейт олам*
дом жизни — *бейт хаим*

Так как мертвое тело и могила – источник ритуальной нечистоты, кладбище обычно размещается вне города. В то же время это в какой-то степени святое место, поэтому все, что может толковаться как неуважение к мертвым, здесь делать запрещено. В частности, нельзя есть, пить, заниматься светскими делами.

Участки земли под могилы обычно были одинаковыми по размеру: это напоминало о том, что смерть выравнивает всех. Только знатные раввины получали кусок земли для всей семьи или место для семейного склепа. Иногда такой чести удостоивались и особо уважаемые члены общины, знатные благотворители. Самоубийц, вероотступников и людей с дурной репутацией хоронили вне кладбища или же у его дальней стены.

В талмудическую эпоху евреи очень заботились о порядке на кладбище. Тогда говорили: "Еврейские гробницы более чисты, чем королевские дворцы". В средние века грамоты, жалованные европейскими феодалами еврейским общинам и определяющие их юридический статус, всегда включали пункты об охране еврейских могил. За осквернение могил полагалась часто смертная казнь. Польско-литовское законодательство подходило к этому вопросу немного мягче. В грамоте Великого князя Литовского Витовта, данной евреям Бреста в 1388-м, есть такой пункт: "Если же христианин могилы евреев осквернить будет, желаем наказать его по обычаям земли нашей, а состояние его конфисковать".

Посещать кладбище принято в годовщины смерти родных, а также в посты, в течение месяца Элула (перед Рош га-шана) и перед Йом-Киппуром.

Так как кладбище – место ритуально нечистое, после его посещения необходимо совершить омовение рук. А ортодоксальная традиция даже запрещает ходить на кладбище привилегированной касте коганов, за исключением случаев участия в похоронах родственников.

Первых покойников-евреев в Петербурге хоронили на Волковом кладбище, где в 1802 году у лютеран был куплен для этих целей кусок земли. Там, например, захоронен первый неофициальный глава Петербургской общины, известный благотворитель и ходатай по еврейским делам Нота Ноткин (бывший откупщик из г. Шклова и поставщик армии Потемкина). За каждое захоронение лютеранская община получала по 10 руб-

лей серебром. Сейчас не найти и следа этих могил. Однако рассказывают, что лет примерно 25 назад при ремонтных работах на Волковом кладбище из-под земли было извлечено несколько каменных плит с древним "квадратным" шрифтом.

Только в 1874 году, в эпоху относительно либеральную, правлению Петербургской еврейской общины удалось добиться участка под новое еврейское кладбище.

В справочнике *Петербургский Некрополь*, изданном великим князем Николаем Михайловичем в 1972 году, сообщается следующее:

"Преображенское кладбище с церковью Преображения Господня, по Николаевской железной дороге, на 10-й версте от Петербурга. Разделяется на православное, других христианских исповеданий, еврейское и караимское. Кроме того существует отдельное кладбище для военных. Открыто 1-го декабря 1872 г."

Таким образом еврейское кладбище и получило христианское название *Преображенское*, в честь чуда, произошедшего с Иисусом на горе Фавор. Христианская его часть давно переименована в кладбище *Памяти жертв 9-го января*, а слово *Преображенское* теперь твердо ассоциируется у ленинградцев с еврейскими могилами.

Сейчас на еврейском кладбище уже не хоронят. Можно только подхоронить урну с пеплом покойника в ту могилу, где лежит его ближайший родственник. Так что у ленинградских евреев есть выбор: после смерти лежать в гробах на общем кладбище или же в виде кучки пепла покоиться среди евреев. Но и этот выбор есть далеко не у всех: от него избавлены те, у кого нет на этом кладбище ближайших родственников, и те, у кого не сохранилось документов на могилы близких.

Наш первый объект — кладбищенская синагога. В своем современном виде это здание было построено уже в начале XX века. У входа в синагогу установлены две мемориальные доски в честь этого события. На правой от входной двери доске написано: "Заложено сентября 15 дня 1908 года. Освящено сентября 23 дня 1912 г. Построено под председательством комитета по сооружению здания: барон Д. Г. Гинцбург, М. А. Гинцбург; под наблюдением строительной комиссии: председатель — инженер Г. А. Бернштейн, члены: М. А. Варшавский, А. А. Кап-

лун, Н. А. Котлер; по проекту и указанию архитектора-художника Я. Г. Гевирц". На левой мемориальной доске выбиты такие слова: "Сооружено распоряжением хозяйственного правления С.-Петербургской синагоги на средства С.-Петербургской Еврейской общины при щедром пожертвовании Моисея Акимовича Гинсбурга".

По поводу открытия синагоги в типографии И. Лурье и К^о (Гороховая ул. 48, ныне ул. Дзержинского) была отпечатана брошюра *Чин и обряд освящения дома отпевания на еврейском Преображенском кладбище в С.-Петербурге*. Брошюра содержит параллельный русский и еврейский текст, описывающий процедуру освящения синагоги. Вот это описание.

Хозяйственное правление, раввинат, члены комитета, строительной комиссии и почетные гости собираются перед зданием.

Председатель строительной комиссии вручает ключ от здания председателю комитета, который открывает дверь, ведущую в синагогу. Во время шествия хор поет *Аллилуйя*. В кивот вносят свитки Торы. Раввин произносит речь по случаю открытия, а затем обязательную молитву за царя. Любопытно, что вместе со славословием Николаю II и его семье молитва содержит просьбу к Богу направить действия государя императора на пользу еврейскому народу. Прочитируем кусочек этой молитвы:

"Царь царей да внушит милость в сердце его (Николая. — М. Б.) и в сердца всех его сподвижников-вельмож, чтобы они благодворили нам и всему Израилю. В дни его и в дни наши да явится спасение иудеям, благополучное житье израильтянам. Да придет Избавитель Сиона. Такова да будет воля Его. Возгласим 'Аминь'".

Кантор продолжает молитву, прославляющую Бога. Затем с краткими речами выступают Г. А. Бернштейн и Г. Б. Слиозберг. Поется заупокойная молитва о бренности человеческой жизни:

Господи, что значит человек, что Ты ведаешь его,
Сын бренности, что Ты уважаешь его?
Человек подобен суете,
Дни его — что пробегающая тень.
Утром показался и пустил побег,

А к вечеру подсека и — увял.
Так, я знаю: к смерти Ты низведешь меня.
И в дом собрания всего живущего.
Дух Божий создал меня.
И дыхание Вседержителя оживляет меня.
И возвратится прах в землю, как он и был,
А дух возвратится к Богу, который дал его.
Будь они поумнее, они бы поняли это,
Уразумели бы конец свой:
Что при смерти (человек) ничего не возьмет с собою.
Не сойдет за ним слава его.
Храни невинность и соблюдай правоту,
Ибо есть будущность у человека праведного...

Кантор рецитирует, хор вторит. Затем подписывается акт об открытии синагоги.

Впрочем, здание, которое мы видим около входа на кладбище, в широком смысле — не синагога. Сюда не приходят в субботу и не танцуют в Симхат-Тору. Местом учения (бейт гамидраш) это здание тоже не является. Более точно в данном случае назвать это домом для отпевания умерших. Поэтому и архитектура строгая, и лишних украшений внутри нет. Но *синагога*, как известно, значит *место собраний*, и здание на кладбище действительно в этом смысле является синагогой, местом собраний, хотя и по печальному поводу.

Умершего еврея привозили сюда, обмывали, собирали десяток стариков и читали традиционную молитву по усопшему. Вот эта молитва:

”Боже всемилосердный, обитающий в горних высях! Даруй блаженный упокой под крылами величия Твоего, на ступенях святых, пречистых, сияющих небесным лучезарным светом, — душе (имярек) отошедшего в Твой мир. Ради обета милостины, данного за помины души его, дабы был ему покой в раю, — Господь милосердный да укроет его под сенью крыл Своих во веки и сопричастит к лону бессмертия душу его; в Господе да будет удел его, и да почует в мире на ложе своем. Произнесем: Аминь!”.

В другой заупокойной молитве о мучениках, погибших за веру, есть такие строки: ”Да мстит Он за пролитую кровь рабов

Своих, как гласит в Торе Моисея, мужа Божия: Славьте, племена, народ Его, ибо за кровь рабов Своих отомстит Он, и мщение совершит над врагами Своими, и очистит землю Свою и народ Свой. И пророками и рабами Твоими писано следующее: "Воздам Я мзду за еще не отмщенную кровь'...". К этому отрывку царская цензура помещала в молитвеннике примечание о том, что "сии стихи не могут быть применяемы к настоящему времени".

Несколько лет назад в здании синагоги был пожар. Сейчас она восстанавливается, но работы по ряду причин ведутся крайне медленно.

2

Теперь пройдем под арку левого крыла синагоги и еще немного вперед. Мы увидим старый памятник в виде саркофага с возвышением. Это могила одного из последних раввинов Петербургской Хоральной синагоги Давида-Гевеля Каценеленбогена. На возвышении — еврейский текст, чтение которого усложнено из-за встречающихся арамеизмов. Русской надписи нет. На примере этого памятника можно понять, как выглядит характерное еврейское надгробие.

Обычно наверху высекается Маген-Давид. Здесь его нет. Но есть две традиционные буквы: ן״פ (пэй и нун). Это начальные буквы традиционного словосочетания: פה נכבר (по никбар), что означает *здесь покоится*; с этих букв начинается любая надпись на еврейском памятнике. Далее написано, кто лежит под этим камнем и каковы заслуги усопшего перед Богом и людьми.

Фотографии, портрета нет и быть не может. Нельзя нарушать вторую заповедь и соревноваться в творении с Богом. Поэтому появление фотографий на поздних памятниках — это, безусловно, отход от традиции.

В нижней части памятника пять букв: ה , ב , ז , נ , ל . Если присмотреться, то почти на каждом камне мы увидим такое сочетание. Это аббревиатура благословения (часть заупокойной молитвы), которая в вольном переводе звучит так: "Да будет душа его вместе с теми, кто удостоен вечной жизни".

По еврейской традиции, на памятнике не высекается дата рождения усопшего. И на саркофаге нет этой даты. Этот обычай объясняется тем, что сам факт рождения в традиционном понимании не является заслугой человека (поэтому день рождения не праздновали, кроме *бар-мицвы**. Ведь неизвестно было, как родившийся человек проживет свою жизнь, что он совершит. А дела зависят прежде всего от самого человека, а не только от Бога. Лишь после его смерти возможно подвести итог и сказать, хороший это был человек или дурной, нужно ли его помнить или предать забвению. Поэтому в традиционных еврейских семьях отмечают именно день смерти близких родственников, молятся, зажигают свечи.

По традиции, дата смерти на памятнике записывается буквами еврейского алфавита, каждой из которых приписывается определенное числовое значение (א – 1, ב – 2 и так далее; наибольшее значение имеет буква ל – 400). Год смерти устанавливается по еврейскому летоисчислению, которое отличается от общепринятого**. На памятнике раввину дата смерти изображена буквами א'צ"ל, что соответствует 5691 году по еврейскому летоисчислению или 1930–31-му – по общепринятому (Давид-Тевель умер 31 декабря 1930 года).

Необходимо рассказать немного о похороненном здесь раввине Каценеленбогене, незаурядной личности, биография которого, безусловно, заслуживает особого внимания и специального исследования.

Давид-Тевель (Тувий) Герцелевич Каценеленбоген был по-

* Бар-мицва – совершеннолетие. В Еврейской энциклопедии (под общей редакцией д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга), говорится, что бар-мицвой (буквально: сыном заповеди) называется мальчик, достигший тринадцати лет (возраста зрелости) и с этого момента, по Талмуду, имеющий все права и обязанности взрослого: он может давать обеты, распоряжаться своим имуществом в богоугодных целях, подлежит наказанию за свои грехи (и на него уже не распространяются грехи или заслуги отца). Вступление в этот возраст празднуется в первую субботу после дня, когда исполняется 13 лет. – Примечание редакции.

** Соответствие между календарями устанавливается так: от года по еврейскому календарю вычитывается 4000 и к результату прибавляется 240, или, наоборот, к году по общепринятому летоисчислению прибавляется 3760; например, сейчас 5744 год по еврейскому календарю (1984+3760=5744). – Примечание автора (далее не оговаривается).

томком аристократического рода раввинов, его родословная восходит к 14-му веку. Одним из его предков был знаменитый Лива бен Бецалель – пражский раввин, по преданию, создавший и ожививший глиняного истукана Голема. Об этом свидетельствует и надпись на памятнике. Здесь же сказано, что Каценеленбоген был настоящим гаоном* и "солнцем в короне раввината".

Родился Давид-Тевель в 1850 году в большой семье даяна (религиозного судьи), в городке Таурогене вблизи границы Литвы и Восточной Пруссии (сейчас это г. Таураге в Литве). Все его семь братьев тоже стали раввинами. Образование он получил глубокое, традиционно-ортодоксальное. Одним из его учителей был знаменитый подвижник, основатель религиозно-этического учения мусар, борец с гаскалой – Исраэль Салантер. Когда Салантер заметил, что из мальчика выйдет толк, он посоветовал ему выучить еще и немецкий язык (уступка требованиям времени). Еще в молодости Давид-Тевель отличался большой эрудицией в области талмудической письменности и уже в 16-летнем возрасте комментировал Талмуд наравне с мудрецами. В трудах известного Львовского раввина Иосефа-Шаула Натансона встречаются комментарии Каценеленбогена. За эрудицию и набожность Каценеленбоген в 1876 году избирается раввином в городе Вержблове, а затем в Сувалках (городке, который играл значительную роль в тогдашней религиозной жизни польских евреев). Из Сувалков и пригласила его в 1908 году еврейская община Петербурга на пост духовного раввина.

После смерти предыдущего раввина в правлении Петербургской общины горячо дебатировался вопрос о его преемнике. Ортодоксальное крыло, возглавляемое старым Горацием Гинцбургом, требовало традиционного раввина для укрепления веры в разращенном, живущем по европейским меркам Петербурге. К другому крылу, во главе с Г. Б. Слиозбергом, принадлежали более ассимилированные евреи, уже не державшие в доме *кашрута*** и даже на заседании правления позволявшие

* Гаон – глава религиозной академии, здесь – высокий религиозный авторитет. – Примечание редакции.

** Кашрут – религиозный порядок приготовления и употребления пищи. – Примечание редакции.

себе сидеть с непокрытыми головами. Они считали, что новый рабби должен читать проповеди по-русски (и этим привлекать в синагогу не знающую уже языка молодежь), уметь общаться с правительственными чиновниками и выглядеть достаточно современно перед делегациями реформированных евреев из-за рубежа.

В результате ортодоксы победили благодаря нажиму барона Гинцбурга, пригрозившего покинуть зал заседания. Решено было послать в Сувалки старосту синагоги, востоковеда Исаака Юльевича Маркона, бывшего благодаря своей образованности и родству с миллионерами Поляковыми влиятельным человеком в общине. Он должен был познакомиться поближе с Каценеленбогеном и, если тот произведет благоприятное впечатление, рекомендовать его на должность столичного раввина.

В Сувалках Маркона встретил образованный приверженец традиции и одновременно глубоко терпимый к другим человек, прекрасно владевший ивритом и уверенно — немецким, с классической благообразной внешностью, большим лбом и проникновенным взглядом. Все это так очаровало Маркона, что он не только сразу привез Каценеленбогена в Петербург, но и всю жизнь оставался его почитателем.

Когда перед отъездом из Польши раввин нанес прощальный визит местному губернатору, тот поинтересовался: "Какое Вам установлено жалованье? — и, услышав ответ, воскликнул: — 500 рублей в месяц? О, да это же не меньше, чем платят мне!".

Поселился Каценеленбоген с семьей (в которой было 12 детей) в Усачевом переулке (сейчас пер. Макаренко 2), затем переехал в дом № 8 по тому же переулку. Известны еще два его адреса в Петербурге: Лермонтовский проспект 8 и Театральная площадь 2 (после 1924 года).

В столице провинциальному раввину пришлось привыкать к новому образу жизни и решать ряд проблем нерелигиозного характера. Русский язык рабби знал плохо и всякий раз, отправляясь на прием к чиновникам, приготавливал письменные тексты своих выступлений. Маркон давал ему житейские советы.

Вставала перед раввином и чисто семейная проблема: чему учить и к какой жизни готовить собственных детей? Конечно,

их обучали еврейским наукам и языку домашние учителя (причем было принято приглашать на занятия детей из бедных семей). Любопытно, что произведения Ш.-Алейхема, писавшего на *жаргоне*, не считались тогда серьезным чтением. Их читала только жена раввина. Одна из дочерей ходила на курсы по изучению Талмуда к Давиду Гинцбургу и там была первой и единственной женщиной. Однако, несмотря на свой высокий статус в Петербургской общине, Каценеленбоген ясно ощущал, что он со своим жизненным укладом и мировоззрением принадлежит к прошлому веку и выглядит белой вороной в светском окружении. Поэтому он не настаивал, чтобы сыновья последовали его примеру, и никто из них раввином не стал. Все они сдавали экстерном за курс гимназии и готовились стать адвокатами, служащими в банке и т. п. Дочери ходили в частные гимназии и не посещали занятий только по субботам. Лишь однажды отец проявил твердость, когда один из сыновей захотел стать врачом. Раввин не мог позволить нарушать религиозный запрет на вскрытие трупов.

Положение обязывало его участвовать в политической жизни. Во время реакции, наступившей после революции 1905–1907 годов, положение евреев резко ухудшилось. Они не могли более отстаивать свои права. Черносотенная пресса расходилась сотысячными тиражами. Народ страдал от новой волны чудовишных погромов. Одни бежали за границу, другие приезжали в Петербург в надежде заручиться материальной и юридической поддержкой своих более благополучных единоверцев. Многие ходоки из провинции приходили к раввину прямо домой, и всем им он должен был что-то сказать и чем-то помочь.

Но для Каценеленбогена особенно важными оставались вопросы веры и положение верующих*. Вопросами религии ведал тогда министр внутренних дел Маклаков, далеко не либерал. Раввин не раз бывал у него и по вызову, и по собственной иници-

* К занятым эпизодам того времени относится звонок раввина богачу Зиву:

– Нужна большая сумма на поддержку студентов Иешивы.

– Сколько? 500 рублей? Ну, это немного. Столько моя жена тратит на булавки.

Зив (сейчас его потомок лорд Зив живет в Лондоне) тогда еще ходил в нуворишах и добивался престижа в общине посредством щедрой благотворительности.

циативе, если нужно было о чем-то хлопотать. Например, по просьбе финляндских евреев он ходатайствовал об отмене запрета на *ихиту* (ритуальный убой скота) на территории Финляндии. И добился своего. Или просил, чтобы еврейских солдат отпускали на праздник *Песах** домой, так как в этот период они не могли есть хлеба.

Как-то Маклаков, зная *вольнодумные* настроения петербургской еврейской интеллигенции, сказал Каценеленбогену доверительно: "Знаете, в Библии тоже немало противоречий и темных мест". Раввин занервничал, покраснел, встал и возразил возмущенно: "Если есть на свете мораль, то она из Библии. И вы, и вы не можете ее осуждать!". (Он хотел сказать *обсуждать*, но подвел слабый русский язык.) Пришлось министру извиниться. Даже этого бюрократа проняла искренность реакции раввина, и после этого происшествия он два года подряд звонил Каценеленбогену домой в *Песах*, чтобы поздравить с *седером***.

Однако с обширным слоем петербургских европеизированных евреев у раввина отношения не сложились да и не могли сложиться. Традиционные евреи, соблюдающие *кашрут* и говорящие на идише, были ему куда ближе. У него еще могли быть общие дела и темы для бесед с блестящим знатоком Талмуда и иврита д-ром Каценельсоном, но уже историк еврейского социалистического рабочего движения Цинберг в квартире раввина никогда не бывал, хотя и жил через дом от него, в том же Усачевом переулке. Из периодической печати Каценеленбоген выписывал лишь умеренную газету *Дер Гайнт*, выходящую на идише, да обозрение религиозной литературы, выпускавшееся в Литве издательством *Вдова Ромм и сыновья*.

И в самой синагоге раввин сталкивался с трудностями. Служба проводилась в трех помещениях. Главный зал открывали только по субботам и праздникам. Среди ортодоксальных верующих этот зал считался *гойским* местом. Ортодоксы молились в малом зале большого здания, который находится в правом крыле, если стоять лицом к синагоге. Туда был отдельный вход. Хасидам была отведена молельня во дворе. Они обладали

* *Песах* – еврейская Пасха. – Примечание редакции.

** *Седер* – порядок проведения первой ночи Песаха.

финансовой и административной независимостью, их небольшую общину возглавлял богатый промышленник Шмоэль Трайнин.

После смерти Давида Гинцбурга (раввин ездил, конечно, навещать умирающего) правление общины еще более сдвинулось в сторону реформ. Однажды приехавший из Берлина член общины сообщил, что видел там в реформированной синагоге орган, и предложил не отставать от передовых немецких евреев и тоже купить орган. Но тут уж Каценеленбоген не уступил: пока он раввин, органу в синагоге не бывать.

Между тем сами условия жизни в Петербурге и нетипичный состав петербургского еврейства требовали более отвечающего духу времени духовного вождя. Им стал в 1912 году доктор философии Моисей Григорьевич Айзенштадт, которого правление пригласило на должность общественного раввина (Каценеленбоген оставался духовным раввином). Айзенштадт проводил службу в главном зале, занимался молодежью, участвовал в просветительной деятельности, был членом многих культурных обществ. Проповеди он читал по-русски. С его назначением Каценеленбоген занялся в основном вопросами ритуала и молился почти исключительно в малом зале (в большом зале он присутствовал только в *Песах* и *Суккот**, да и к хасидам заглядывал редко, так как его аристократическую натуру шокировала простота поведения и панибратство прихожан-хасидов). Остальное время уходило у него на теологию и сочинение богословских трудов.

В 1912 году, во время строительства кладбищенской синагоги, у раввина дома не раз бывал архитектор Я. Г. Гевирц. Они вместе обсуждали проект. Каценеленбоген помог подобрать изречения из псалмов, помещенные на крыльях синагоги.

Примерно в это же время еврейская община горячо обсуждала вопрос, кто будет защищать Менделя Бейлиса**. Русские адвокаты были уже приглашены. Оставалось выбрать одного защитника-еврея. В результате выбрали признанного

* Суккот – осенний праздник Кущей, связанный с Исходом. – Примечание редакции.

** Об этом деле см. в Экскурсии первой (ЛЕА, № 2). – Примечание редакции.

мастера апелляций Израила Грузенберга, который уже приобрел известность благодаря своим выступлениям на нескольких ритуальных процессах.

После семнадцатого года Давид-Тевель Каценеленбоген решил остаться в Петербурге, хотя почти вся общинная верхушка (банкиры, купцы, промышленники, адвокаты) выехала за границу. В 1924 году эмигрировал в Париж и Айзенштадт. Синагогальные дела пришли в упадок. Главное здание не отапливалось и открывалось только иногда. Прихожан было немного, хотя число евреев в городе быстро росло. Каценеленбоген, хотя формально и числился "бывшим служителем культа", фактически исполнял свои обязанности до самой смерти.

Для памятника Каценеленбогену использован гранитный камень из ограды хоральной синагоги, в которой он служил более двадцати лет. Плита с новой надписью, в точности повторяющей старую, полустертую, была установлена уже в пятидесятые годы.

Теперь, уже имея некоторые сведения о традиционных надписях на памятниках, мы можем продолжить нашу экскурсию. Впрочем, на Преображенском кладбище, на сохранившихся памятниках, довольно часто встречаются надписи по-русски.

Подойдем к одному такому памятнику. Он находится в четвертом ряду от кладбищенской стены, выходящей на улицу. Это на Невской аллее пятая могила от левой ограды. Перед нами незатейливый памятник из светло-серого гранита, продукт унификации похоронного дела последних десятилетий. Старое надгробие пришло в негодность и было заменено новым в 1968 году на деньги Ленинградской еврейской общины. Мраморная плита на памятнике хранит первоначальный текст надписи: "Профессор, доктор Абрам Яковлевич Гаркави. Скончался 15 марта 1919 г."

Гаркави был крупной фигурой в истории Петербургской еврейской общины. Весьма значителен его вклад в развитие востоковедения. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы статья Д. Маггида по поводу кончины Гаркави, опубликованная в сборнике *Еврейская мысль* (т. 1, Пг., 1922). Здесь, в экскурсии по кладбищу, уместно будет вспомнить содержание этой статьи.

Со смертью А. Я. Гаркави (1835–1919) русское еврейство

понесло большую утрату. Его научная деятельность продолжалась более пятидесяти лет. Это был неутомимый и добросовестный работник, вооруженный глубокими знаниями и верным критическим чутьем. С 1864 по 1908 год он написал множество исследований по истории евреев в России, Литве и Польше и по истории караимов и хазаров. Огромная работа была проделана Абрамом Яковлевичем по описанию еврейских и арабских рукописей из коллекции Фирковича, хранящейся в Публичной библиотеке. На этом материале он напечатал большое количество заметок по гномистической литературе, нумизматике, эпиграфике, искусству, литургике, археологии, исторической географии, средневековой поэзии и прочее. Самый ценный его труд — 300 печатных листов подробного описания рукописей Фирковича. Многочисленные работы Гаркави отличались по объему и значимости, но всегда обладали предельной научной доброкачественностью. И, хотя Гаркави не написал ни одной крупной монографии, нет и долго не будет историка, предсказывал Д. Маггид, который не цитировал бы его работы.

А. Я. Гаркави всегда мужественно отстаивал научную истину. Когда он только начинал свою работу в науке, огромным авторитетом в области востоковедения пользовался ученый караим Фиркович, издавший труд о надписях на караимских могильных плитах в Крыму. Молодой Гаркави сам поехал в Крым и, обследовав многие памятники, описанные Фирковичем, доказал, что часть из них не караимского, а еврейского происхождения. Оказалось, что Фиркович иногда сознательно заменял отдельные буквы, цитируя надписи, что искажало их общий смысл и датировку. Смелое выступление молодого ученого резко затормозило его научную карьеру.

Общественная деятельность Гаркави была тесно связана с Обществом по распространению просвещения среди евреев России (ОПЕ), где он с 1864 года (почти с момента образования общества) состоял членом-сотрудником, а затем в течение 23 лет — и членом комитета. Гаркави был рецензентом книг и брошюр, издаваемых ОПЕ. При его участии вышел сборник *Мировоззрение талмудистов*, благодаря его содействию Герштейном и Левандой было переведено Пятикнижие и издано с параллельным еврейским текстом в Вильне (в 1870-е годы).

Гаркави был некоторое время и секретарем ОПЕ. Ему при-

надлежит идея об учреждении касс вспомоществования еврейским учителям и учащимся еврейским женщинам. Он предлагал расширить деятельность общества — развивать художественные ремесла и земледелие.

Именно Гаркави устроил библиотеку при ОПЕ и с 1878 года руководил пополнением ее книгами по гебраике и юдаике. В 1880 году по его совету библиотека была переведена в особое помещение при синагоге, а в 1893-м — в общинный дом на углу Офицерской и Большой Мастерской (сейчас Лермонтовский пр. 2). В 1917-м он подарил библиотеке собственную коллекцию книг, рукописей и большую часть архива.

Долгие годы, до самой своей кончины, Гаркави состоял старостой синагоги и членом правления еврейской общины Петербурга. Велика была его популярность и в черте оседлости, тем более что он был востоковедом и в основном изучал еврейское наследие.

Научная принципиальность, гордое национальное самосознание Гаркави были причиной его отдаленности от академических кругов Петербурга, в основном консервативных или даже реакционных. Лишь осенью 1918 года, когда ученый уже лежал на смертном одре, ему было прислано извещение от Восточного факультета Петроградского университета о трех вакантных еврейских кафедрах, с предложением занять любую из них. Умиравший Абрам Яковлевич чувствовал неискренность официального предложения и печально предсказывал, что еще долго, очень долго ни один еврейский специалист по иудаизму не будет допущен к занятию какой-либо кафедры на Восточном факультете.

4

Пройдем теперь вдоль лицевой стены кладбища, мимо синагоги, к ее ближнему правому углу, где пересекаются Главная и Невская аллеи. Там стоит небольшое остроконечное сооружение в псевдоготическом стиле, сейчас используемое под склад. Это или часовня или склеп какой-то богатой фамилии. Но никаких надгробий внутри не сохранилось, нет и надписей на сооружении. Поэтому, вероятнее всего, это часовня, хотя неизвестно, когда и кем она была построена и как использовалась.

5

Если пройти от готической часовни немного вперед и вправо, то мы увидим скромный беломраморный памятник, в верхней части которого черными буквами выведена надпись: "Академик живописи Маймон Моисей Львович, 1880–1924". Памятник находится в пятом ряду от Главной аллеи и в пятом же ряду – от Невской аллеи. Есть на памятнике и два других имени, с гораздо более поздними датами жизни. Вероятно, это дочь и зять художника. Перед нами современная плита, поставленная совсем недавно. Куда же делась плита, установленная сразу после смерти Маймона, знает только Бог.

Из *Экскурсии первой* нам известно, что Моисею Львовичу славу и звание академика принесла знаменитая картина *Марраны**. Об истории создания картины академик сам рассказал в очерке, помещенном в одном из номеров *Еврейской летописи*, которая выходила короткое время после 1917 года.

6

Могилу Льва Израилевича Каценельсона найти на кладбище почти невозможно, если точно не знать, где искать. Она находится рядом с правой стеной синагоги, примерно у ее середины. Ожидаете увидеть старинную внушительную плиту, длинную надпись на иврите, в общем что-то соответствующее личности Каценельсона, положению, которое он занимал в жизни еврейской общины. Но перед нами скромная бетонная плита современного серийного типа. Маленькая мраморная табличка сообщает имя и даты жизни (1847–1917). Еврейскими буквами указан псевдоним Буки бен Иогли. Памятник и раньше был скромным, но он совсем обветшал и развалился. Раковина, стоящая сейчас на могиле Каценельсона, была установлена лет восемнадцать назад. Деньги на нее собрали старики, которые еще помнили, что это был за человек.

Лев (Иегуда Лейб Вениамин) Израилевич Каценельсон родил-

* См. Еврейскую энциклопедию.

ся в Чернигове в 1847 году. До десяти лет учился в хедере, а затем обучался у софера — переписчика священных пергаментов. Сидя за работой по 12 часов в день, мальчик (в то время уже лишившийся отца) мечтал когда-нибудь стать великим талмудистом. В 14 лет он сбежал в Бобруйск, чтобы учиться в *иешиве***.

За три года, кроме талмудических занятий, Каценельсон сам выучил немецкий и русский языки.

О жизни этой особой категории людей, полудетей и, одновременно, ученых-старцев, именуемых *иешива-бохерами*, написано немало. Можно привести цитату, хотя и пристрастную, из книги Л. Гроссмана о А. Ковнере *Исповедь одного еврея* (М.-Л., 1924). "Юные богословы, скитающиеся по знаменитым талмудическим школам, изошряя ум в тончайшей казуистике древних текстов, переправлялись пешком или на тряских подводах из местечка в местечко, чтобы услышать слова знаменитого комментатора библии. Худо одетые, полуголодные, облитые обильными дождями западного края, вечно подвергаемые насмешкам, толчкам и издевательствам разноплеменного населения убогих и бесправных губерний, но неутомимые в своем стремлении приобщиться к знанию, таинственно заключенному в тяжелый фолиант с квадратными буквами — они поистине достойны пристального внимания исследователей и художников слова".

Следующим этапом жизни для Льва Израилевича стало Житомирское раввинское училище, которое он заканчивает в 1872 году и снова поступает учиться, на этот раз в медико-хирургическую академию. Во время русско-турецкой войны Каценельсон служит военным врачом, а по возвращении сдает экзамен на доктора медицины и переезжает в Петербург.

Все эти факты его биографии, впрочем, не принесли бы ему такую известность, если бы не активнейшее участие Каценельсона в еврейской общественной и культурной жизни. Эту свою деятельность он не прерывал до самой своей смерти, совмещая ее с врачебной практикой.

Каценельсон сделал попытку разобраться в самых темных местах Талмуда, посвященных вопросам медицины, и на основании современных научных представлений оценить знания

** Иешива — высшее еврейское духовное учебное заведение. — Примечание редакции.

вавилонских евреев в области анатомии и патологии. Он опубликовал ряд статей на эту тему, в частности, *Сведения о гемофилии в Талмуде*. Блестящий знаток иврита, он часть своих работ, в том числе и по медицине, написал на этом заново рождавшемся тогда древнем языке. Его статьи, под псевдонимом Буки бен Иогли, можно было встретить в тогдашних русско-еврейских периодических изданиях: *Русском еврее*, *Еврейском обозрении*, и других.

Каценельсон бесплатно лечил бедных еврейских подростков в профессиональном училище на Большой Мастерской. Одновременно Лев Израилевич выполнял множество общественных функций: состоял членом центрального комитета Еврейского колонизационного общества, членом комитета ОПЕ, вице-председателем Общества любителей древнееврейского языка. Совместно с Д. Г. Гинцбургом и А. Я. Гаркави, Л. И. Каценельсон блестяще осуществил важнейшее дело – общее редактирование 16-томной Еврейской Энциклопедии на русском языке, вышедшей в 10-х годах нашего века в издательстве *Брокгауз и Ефрон*. Лев Израилевич в Энциклопедии отвечал за редактирование статей по талмудическому периоду. А после смерти барона Д. Г. Гинцбурга, учредителя Курсов востоковедения, Каценельсон возглавил эти курсы.

Оглядываясь на прожитую им яркую жизнь, можно с уверенностью сказать, что такой человек не будет забыт своим народом. "Редкая одаренность, теплая задушевность, мягкий, окутанный лиричной дымкою юмор", – вот типичный отзыв о нем современника.

Жил Л. И. Каценельсон в Петербурге на Измайловском проспекте, дом 5.

7

Если пройти немного дальше по Главной аллее, то слева, в первом от аллеи ряду, мы увидим небольшой памятник из черного мрамора в виде обелиска с шаром наверху. На фотографии в верхней части памятника – интеллигентное лицо с твердым взглядом, здесь же надпись по-немецки. Сзади, на другой стороне, выбито по-русски: "Профессор Лев Яковлевич Штернберг. 1861–1927".

Лев Яковлевич родился в Житомире. В детстве он получил хорошее традиционное еврейское образование, но перешел из раввинского училища в гимназию, затем поступил на юридический факультет Одесского университета и там был посажен в тюрьму за участие в деятельности партии *Народная воля*. Подобное превращение из талмудиста в русского революционера тогда не было случайным. Этим путем шли тысячи еврейских юношей, которым существовавшее законодательство закрывало возможности для светского образования и карьеры. Из казенных раввинских училищ (в отличие от *иешив*) фактически выходили в то время писатели, адвокаты, выкресты, террористы — кто угодно, только не служители религиозного культа.

После трехмесячной отсидки в одиночном заключении Штернберг был в 1889 году выслан на о. Сахалин, что и решило его дальнейшую судьбу. Образованных, да и просто грамотных людей было тогда на Сахалине чрезвычайно мало. Поэтому, по старой традиции, в Сибири и на Дальнем Востоке квалифицированная работа поручалась политическим ссыльным. Молодой энергичный человек решил не тратить времени напрасно и принялся изучать местное первобытное население — гиляков, араков, тунгусов и айну. Этому способствовала и администрация острова: надо же было кому-то переписывать туземцев. Ссылному студенту Штернбергу дали собачью упряжку, провизию, проводника из местных, и он отправился в путь.

Почему-то именно среди этнографов, посвятивших себя изучению диких племен, немало евреев. В России это Л. Штернберг, В. Богораз, И. Винников, В. Иохельсон, за границей Ф. Боас и другие. Что движет этими людьми? Покровительственное чувство представителя древнего культурного народа перед теми, кто еще стоит на пороге цивилизации? Или же это сочувствие и симпатия к бесправным, память о еврейском бесправии и рабстве в Египте?

Как бы то ни было, Лев Яковлевич полюбил своих гиляков и айну. Да иначе и быть не могло, так как невозможно стать хорошим этнографом, если не любить изучаемый народ.

Первые же его статьи, присланные из ссылки, были с интересом встречены в Петербурге, а когда в 1897 году по амнистии Штернберг получил разрешение вернуться на родину, Ака-

демия наук исходатайствовала ему возможность временного приезда в Петербург для научных занятий и сдачи экзаменов на юридический факультет университета.

Последовавшие за этим добровольные поездки на Амур и на Сахалин и появившиеся в результате статьи *Иностранцы, Буряты, Беседы о Сахалине* и другие работы сделали имя Штернберга известным в научном мире. Он занимался научной организацией экспедиции Петербургского музея этнографии, участвовал в руководимой Боасом экспедиции на север Тихого океана для изучения туземных племен. После революции Л. Я. Штернберг, будучи профессором Ленинградского университета, много внимания уделял работе со студентами, писал методики по сбору этнографического материала, готовил себе научную смену.

При этом ученый не забывал и о своем народе. Он публиковал статьи как политического, так и этнографического содержания о русском еврействе: *Трагедия шестимиллионного народа, Задачи русского еврейства, Новейшие результаты по антропологии евреев* и другие работы. Некоторые из них были помещены в журнале *Еврейская старина*, который Штернберг стал редактировать после отъезда С. М. Дубнова за границу.

Политическая ориентация Штернберга менялась неоднократно. В молодости он был народовольцем, затем сблизился с кадетами, участвовал в *Союзе для достижения полноправия еврейского народа в России*, а после распада *Союза полноправия* вместе с некоторыми умеренными евреями-кадетами в конце 1906 года создал *Еврейскую народную группу*, которая боролась против антисемитизма, но отмежевывалась от сионизма. Впоследствии взгляды Штернберга стали гораздо более левыми.

Хоронили Льва Яковлевича при большом стечении народа. Его популярность среди студентов была огромной.

В Петербурге он жил по адресу: Саблинская улица 10, а затем, когда стал профессором, переехал на Университетскую наб. 5.

Один из самых великолепных памятников на кладбище установлен на могиле М. М. Антокольского – замечательного скульптора, имя которого по справедливости вошло в историю как еврейской, так и русской культуры. Памятник находится на Главной аллее, напротив памятника Штернбергу. Антокольский жил в Петербурге по адресу: В. О., 5-я линия 4, но мы расскажем о нем здесь, у его могилы.

Марк (Мордехай) Матвеевич Антокольский родился в центре талмудической учености, в городе Вильно, в эпоху самых первых *маскилим* (просветителей). Он, как и все еврейские мальчики, учился в хедере. Затем был отдан в учение к резчику по дереву. Талант художника так рано и так сильно проявился в подростковом возрасте, что скоро стало ясно: оставаться в рамках ортодоксальной традиции он не сможет. Юноша переехал в Петербург и в 1862 году стал одним из первых евреев-студентов Академии художеств. Здесь он сразу привлек к себе внимание преподавателей и уже в 1864 году получил вторую серебряную медаль за горельеф *Еврей-портной* (дерево), а в следующем году – первую серебряную медаль за вырезанного из слоновой кости и дерева *Скупого*. Были у него в это время и другие работы на еврейскую тематику: *Спор о Талмуде*, *Нападение инквизиции на евреев*, *Натан Мудрый*.

Одним из первых заметил и обратил внимание широкой публики на Антокольского знаменитый русский критик В. В. Стасов*, всегда выступавший защитником евреев и покровителем молодых талантов. Именно при содействии Стасова скульптор получил *стипендию Его Величества* и материальную помощь барона Г. Гинцбурга, в результате чего смог закончить свое образование (в том числе, в Берлинской Академии) и совершил первое заграничное путешествие.

Всеобщее признание принесла Антокольскому статуя *Иван Грозный* (1871). В тот момент ликование прессы начала 60-х годов по поводу братства с евреями уже поутихло, и скульп-

* В. В. Стасов, лидер *Могучей кучки*, был сыном известного петербургского архитектора В. П. Стасова и дядей секретаря ЦК ВКП (б) Е. Д. Стасовой.

тор почувствовал первые антисемитские нападки. Для предупреждения таких выступлений удалось при посредстве великой княжны Марии Николаевны добиться того, чтобы император Александр II лично посетил мастерскую Антокольского*. Царю понравилась статуя и он приобрел ее бронзовый вариант для Эрмитажа. А высокопоставленная элита, тотчас забыв свои недавние упреки в *еврейской тематике*, избрала 27-летнего Антокольского академиком. Гипсовую статую Ивана Грозного приобрел Кенгсингтонский музей в Лондоне.

В 1872 году скульптор уезжает лечиться в Италию и создает там несколько знаменитых работ на темы из русской истории и истории христианства: *Петр I*, *Ярослав Мудрый*, *Дмитрий Донской*, *Иоанн III*, *Христос перед судом народа*. Обращение к такой тематике отнюдь не значило, что Антокольский изменил своему народу. В действительности, будучи с детства верующим, художник до конца своих дней придерживался еврейской традиции, хотя, вероятно, и не вполне строго. Просто еврейской изобразительной традиции во времена Антокольского по вполне понятным причинам практически не существовало, а христианская была очень богатой. Художник-христианин /.../¹ и изображением распятия показывал наивысшую степень страдания, сюжет пьеты (оплакивание Христа) выражал скорбь, а символом предательства был Иуда Искарот. И зритель мог правильно воспринять идею произведения только через привычные для него образы.

Конечно, большую роль в выборе Антокольским сюжетов своих произведений сыграло и то, что Марк Матвеевич вырос как скульптор в рамках русской художественной школы в частности, и европейской культуры вообще. Естественно, что кругозор его во многом совпадал со взглядами его учителей. Безусловно, немалое влияние на выбор тематики оказывали и те, кто *заказывал музыку* (в данном случае, скульптуры) — русская знать, царский двор. Но стоило только смениться заказчику, и Антокольский изваял из мрамора великолепную статую Спинозы (для Г. Гинцбурга).

В 1875 году художник возвратился в Россию. В последующие годы он создал бюсты Тургенева, Толстого, Боткина и

* Мастерская Антокольского располагалась на четвертом этаже Академии художеств.

других выдающихся представителей русской литературы, а также ряд бюстов членов царской семьи.

Международная слава пришла к Антокольскому на Парижской Всемирной выставке 1878 года, где скульптор получил высшую награду и орден Почетного легиона за работы *Последний вздох* и *Голова Иоанна Крестителя*. Наивысшими достижениями следующего десятилетия стали *Ермак* (бронза) и *Нестор-летописец* (мрамор).

Тем временем, после гибели Александра II от рук народовольцев, для евреев в России настали трудные времена. Погромы, ограничительные законы, массовые выселения следовали друг за другом. Русская шовинистическая пресса не забыла и Антокольского. Как он, еврей, осмелился изображать русских и христианских героев? Только В. Стасов выступил в его защиту. Удрученный травлей и болезнями, скульптор уехал в Париж, а с 1893 года поселился там навсегда. Последние его работы были отмечены высшими наградами на Всемирной выставке 1900 года и командорским Крестом Почетного легиона.

В 1902 году, находясь на лечении в немецком городе Бод-Хомбургфор-дер Хезэ, Антокольский скончался. Его тело перевезли в Петербург и похоронили с большой торжественностью здесь, на Преображенском кладбище, в том городе, где он учился, где пережил и славу, и травлю.

Памятник, который мы сейчас видим, был воздвигнут в 1909 году и, как тогда считали, сделан в древнееврейском стиле (представления о котором были, впрочем, весьма смутными). В центре памятника — огромный Маген-Давид. Наверху — семисвечник. Ступени ведут к двум парам скрижалей, на которых высечены по-русски названия главных скульптур художника. Над ними написано еврейскими буквами: Мордехай бен Матитягу. Спереди снизу по-русски — имя и даты жизни. Была на памятнике еще и скульптура — голова умирающего Антокольского, сделанная его учеником и другом Ильей Яковлевичем Гинцбургом, тем самым Гинцбургом, которого Марк Матвеевич сам вывез из Вильно одиннадцатилетним мальчиком и сделал из него скульптора с мировым именем. Скульптуры этой давно уже здесь нет, и находится она в неизвестном нам месте.

Сейчас трудно представить Русский музей без работ этого выдающегося мастера. Скульптуры Антокольского затмевают своим блеском выставленные в тех же залах работы его современников. Представим себе на минуту эти скульптуры. Вот бронзовая сидящая фигура Ивана Грозного. Царь одет в рясу чернеца. Но взгляд его отнюдь не смиренный, а скорее внушает ужас. Вот одинокий герой — *Умиравший Сократ*, выбравший смерть, но не компромисс с толпой. Вот еще один интеллектуальный бунтарь — Барух Спиноза. Одухотворенное, полное мысли, почти прозрачное лицо, раскрытая книга на коленях. Вот само коварство — Мефистофель. Поражает совершенное владение труднейшим материалом — мрамором. А вот и бронзовая статуя щегольски одетого мужчины средних лет, с аккуратной бородкой, со шляпой и тросточкой. Взгляд уверенный и хитроватый. Это Самуил Поляков, знаменитый еврейский банкир и железнодорожный подрядчик. Да, работы Антокольского весьма разнообразны, но все они отмечены печатью его мощного таланта.

9

В книге *Шум времени*, вспоминая свое детство, О. Мандельштам пишет о своем посещении Петербургской синагоги. Приведем место, относящееся к нашей теме. "...И вдруг два господина в цилиндрах, прекрасно одетые, лоснящиеся богатством, с изящными движениями светских людей прикасаются к тяжелой книге, выходят из круга и за всех, по доверенности, по поручению всех, совершают что-то самое почетное и главное. Кто это? Барон Гинцбург. А это — Варшавский?"

Склеп Варшавских находится рядом с могилой Антокольского. Об этом не так-то просто догадаться. Постройка эта эклектична. Стиль — то ли мавританский (как у кладбищенской синагоги), то ли псевдорусский. Попробуйте разобрать громадные буквы на фасаде, и наверняка вы станете в тупик. Дело в том, что буквы русские, только написаны они в еврейской манере, и читать их следует слева направо. Там написано: "Памяти Абрама Моисеевича Варшавского".

Родоначальник петербургской ветви Варшавских — Абрам

Моисеевич Варшавский, общественный деятель и филантроп, родился около 1821 года и умер в 1888 году. В Петербург он, как и другие богатые евреи, смог переселиться лишь в 1860-е годы (во время либерализации политики Александра II в отношении евреев). А. М. Варшавский известен участием в большинстве крупных еврейских благотворительных учреждений, в частности, он был членом комитета ОПЕ. Причем помогал Варшавский не только евреям. Например, он построил школу для крестьянских детей в своем имении на Полтавщине. Еврейская энциклопедия сообщает, что Абрам Моисеевич был "человеком чрезвычайно отзывчивого сердца и никому не мог отказать, весьма часто не будучи даже в состоянии исполнить обещанное. На погребение Варшавского прибыли из провинции многочисленные депутации в лице раввинов и видных местных общественных деятелей".

О. Мандельштам при посещении синагоги видел, конечно, его сына, банкира Марка Абрамовича Варшавского. С его именем (см. начало экскурсии) связана постройка кладбищенской синагоги.

Пользовался известностью и другой член этой семьи, популярный петербургский писатель Марк Самойлович Варшавский. Он был племянником Абрама Моисеевича.

Из московского еженедельника *Новый путь* за 1916 год можно узнать об одном эпизоде из жизни Петербургской общины, когда Марк Абрамович Варшавский оказался в оппозиции к мнению большинства. В разгаре была Первая мировая война. 8 мая 16-го года 500 членов общины заседали в Малом зале Консерватории. Решался вопрос о снижении членского взноса с 25 рублей до трех рублей в год. Председательствовал знаменитый адвокат, бывший член Государственной Думы от кадетов — М. М. Винавер. Другой еще более знаменитый адвокат О. О. Грузенберг (мы о нем уже упоминали) в блестящей речи доказывал необходимость этого шага. Действительно, патетически восклицал он, как община могла так отстать от времени, от общего прогресса демократизации общественных институтов?! Пусть в результате снижения членского взноса любой еврейский мастерской наконец-то сможет участвовать в принятии решений по вопросам общинной жизни, выбирать членов правления!

Варшавский и некоторые другие богатые евреи высказались против этого проекта, настаивая на том, что снижение взноса до трех рублей не приведет к демократизации управления общиной из-за общего снижения интереса к религии, к общинным делам. Они обоснованно утверждали, что именно по этой причине только 500 человек из 35 тысяч еврейского населения тогдашнего Петербурга платили взнос 25 рублей, а вовсе не из-за отсутствия денег у мелких хозяев.

Тем не менее речи Грузенберга, Бикермана и других защитников реформы были встречены с большим восторгом, и собрание понизило взнос. И мало кто из сидевших в зале тогда мог предугадать, что их жаркие дебаты на фоне надвигающихся событий ровно ничего не значат.

10

За склепом Варшавского виден огромный склеп почетного гражданина, действительного статского советника Фридланда*, дальше — склеп Каплуна, а с тыльной стороны склепа Каплуна, почти прилепившись к нему, стоит малозаметный простой памятник в форме скрижалей. Находится он на углу Гаревой и Главной аллей. Это первая могила Преображенского кладбища. Здесь похоронены два молодых инженера: Берка Бурак и Мошка Фрисно. По-русски написано, что они были "лаборатористами Охтинского порохового завода, 23 лет от роду. Погибли при взрыве лаборатории 28 февраля, 15 Адара, и погребены на кладбище 2 марта 1875 года". Дальше то же самое написано по-еврейски.

Ничего больше про Берку и Мошку мы не знаем.

11

Могила фельдфебеля Ашанского (на аллее Герцена, участок между Липовой и Лужской аллеями) — одна из самых старых,

* Арье-Лейб Файвелевич (Лев Павлович) Фридланд (1826–1898) известен тем, что подарил Азиатскому музею огромную библиотеку еврейских книг и рукописей.

сохранившихся на кладбище. Недавно реставрированная надпись на сером изъеденном временем камне сообщает нам, что "здесь покоится прах фельдфебеля Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка Абель Аронович Ашанский, вступил на службу 11 января 1846 г.". Конец надписи — даты жизни — неразборчив, но мы знаем, что Ашанский (настоящее имя — Абель-Аарон Ицкович) родился в 1825 году и умер в 1899-м. На обратной стороне памятника надпись по-еврейски.

Как же еврей стал кавалергардом, да еще в привилегированных частях? Почему важно было указать на памятнике, что он фельдфебель? Ведь это очень небольшой чин!

Для ответа на эти вопросы нужно представить себе атмосферу, существовавшую в русской армии в те времена, когда в ней служил Ашанский. В год его призыва большинство армейских нижних чинов составляли крепостные крестьяне, оторванные от земли и отправленные на 25 лет в николаевскую казарму с ее знаменитой муштрой, рукоприкладством офицеров, шпицрутенами и т. д. В 1827 году Николай I ввел обязательную воинскую повинность для евреев, и для них служба была еще более мучительной. Народ, обделенный в правах, не был забыт при распределении обязанностей по охране отечества. Более того, бесправным полагалось поставлять больше рекрутов, чем *коренному* населению. Одновременно был введен так называемый институт кантонистов, то есть система принудительных лагерей по "подготовке к военной службе" еврейских детей от 12-ти до 18-летнего возраста. *Черта оседлости* с ужасом восприняла новые порядки. Родители прятали детей в других местечках, в лесу, даже калечили их намеренно, чтобы избавить от военной службы. Специальные команды по набору рекрутов, прозванные в народе *хапунами*, или ловчими, рыскали по местечкам и деревням, врываются в дома, хватали десяти- и даже восьмилетних мальчиков, поскольку это облегчало набор нужного числа еврейских детей.

Рассчитывал ли император Николай и его администрация повышенным набором евреев укрепить армию, сделать ее непобедимой? Разумеется, нет. Просто государство рассматривало казарму как плавильный котел, где упрямый народ должен был ассимилироваться и, в конечном свете, принять христи-

анство. Достигнуть этой цели путем насилия над неокрепшими душами молодых людей, почти детей, оторванных от семьи и национальной среды, было легче всего именно в казарме. Вот почему для евреев служба в армии была кошмаром, а родители оплакивали своих рекрутов как умерших. Встреча с детьми-кантонистами по пути в Вятку была черными красками описана А. Герценом в *Былом и думах*.

В русской армии солдат-евреев было немало. В русско-турецкую войну 1878–79 годов многие из них показали себя героями. Победоносные Владимирский и Суздальский полки из 16-й дивизии генерала Скобелева наполовину состояли из евреев.

Начав службу в возрасте 21 года, Ашанский креститься отказался, однако солдатом стал хорошим. Первые 17 лет он был печником в военно-рабочей роте, затем его перевели в гвардейский кавалергардский (кавалерийский) полк. Подошел конец его 25-летней службы (только при Александре II обязательная воинская повинность была сокращена до 10-летнего срока), но Абель-Аарон Ицкович отказался и от бессрочного отпуска, и от отставки. Ему дали высший солдатский чин — фельдфебеля (офицером некрещеный быть не мог) и все награды, доступные в этом звании, а он все продолжал служить, побивая все рекорды службы евреев в русской армии. В 1890 году, ввиду преклонного возраста, Ашанского назначают надзирателем больных; эту должность он и занимал до конца жизни. Кавалергарды любили своего фельдфебеля. Если бы не их любовь, его давно бы отправили в отставку. 50-летний юбилей службы ветерана (в 1896 году) был отпразднован всем полком, причем в приказе была особо отмечена преданность Ашанского своей части.

Отпевание и погребение старого николаевского солдата состоялись при большом стечении народа, и были обставлены с большой помпезностью. Присутствовал член Государственного Совета граф Игнатъев. Гроб несли шесть бывших командиров полка. Пресса (особенно русско-еврейская) захлебывалась от умиления и патриотических чувств. А годом раньше обер-прокурор Святейшего Синода и правая рука Александра III Победоносцев, в ответ на жалобу еврейской делегации на гнет и несправие, цинично заявил: "Ну что ж,

одна треть вымрет, одна треть покинет страну, остальные растворятся в окружающем населении”³.

12

Справа от синагоги находится несколько мощных фамильных склепов. На многих из них можно прочесть, каким семьям они принадлежали. Но почему не видно склепа Поляковых, знаменитых банкиров и подрядчиков по строительству железных дорог в России? Обратите внимание на развалины, которые сейчас так напоминают большую свалку мусора. Это примерно десятый-тринадцатый ряд от стены кладбища и приблизительно тридцатый ряд от синагоги (рядом с Лужской аллеей). Вот что осталось от склепа семьи Поляковых. Здесь был похоронен и самый знаменитый из них, тайный советник Самуил Соломонович, владелец дворца на берегу Невы. Его бронзовая скульптура стоит в Русском музее, а могила не сохранилась. Говорят, в подземелье (оно сохранилось и теперь напоминает ДОТ) еще после Отечественной войны лежали старые могильные плиты. Сейчас они куда-то исчезли.

13

Вдоль тыльной стороны синагоги проходит Гаревая аллея. За ней во втором ряду, примерно напротив центрального купола синагоги, можно увидеть старую внушительную гранитную плиту, почти лежащую на постаменте и украшенную каменными гирляндами. Вокруг нее мощная, уже частично сломанная, заржавевшая чугунная ограда из венков и перекрещенных факелов. Никакой надписи на плите нет.

По преданию, это не могила. Гранитная плита была установлена в 1909 году Петербургской общиной в память об одном из крупнейших лидеров, бароне Горации Евзелевиче Гинцбурге. Роль Горация Гинцбурга в жизни российского еврейства, особенно в Петербурге, трудно переоценить. Современники восхищались его щедрой благотворительностью (об

этом уже шла речь в *Экскурсии второй*). Однако сам Гинцбург по некоторым причинам завещал, чтобы его похоронили в Париже. Провожать его гроб на вокзал явился чуть ли не весь еврейский Петербург. Для сопровождения гроба в Париж были выделены специальные делегаты.

Представим себе, как гроб Антокольского везли из Парижа в Петербург, а гроб Гинцбурга — из Петербурга в Париж. Если вдуматься, эти траурные путешествия как бы символизируют бесцельность скитаний еврейского народа.

Благодарная община решила оставить память о бароне и на еврейском кладбище в Петербурге. Но так как памятник не на могиле ставить по традиции нельзя, поставили плиту без надписи. Замечательного человека люди должны помнить и так.

По другой легенде, это памятник не Горацию Гинцбургу, а его сыну и преемнику на общественных постах — Давиду Гинцбургу, который похоронен именно здесь. Он будто бы перед смертью завещал не надписывать памятник, сказав: "Пусть меня помнят по моим делам" (по другому варианту: "Я уже воздвиг себе памятник, построив синагогу на кладбище").

14

Если пройти от плиты Гинцбургу по Гаревой аллее к левому дальнему углу кладбища, а затем повернуть направо по Слуцкой аллее, то во втором ряду справа мы увидим серый гранитный обелиск без фотографии, на котором нет ни шестиконечной, ни пятиконечной звезды. На нем выбито: "Вера Климентьевна Слуцкая, 1874—1917. Член КПСС с 1912 г., профессиональная революционерка, активная участница Великой Октябрьской социалистической революции".

Из Большой советской энциклопедии (3-е издание) мы узнаем, что Вера Климентьевна (Берта Брониславовна) Слуцкая родилась в Минске и погибла 30 октября 1917 года близ Царского Села (ныне г. Пушкин) при транспортировке медикаментов красногвардейским отрядам во время подавления контрреволюционного мятежа Керенского—Краснова.

В *Истории еврейского рабочего движения в России* Бухбиндера (М., 1925) можно прочесть, что Берта Слуцкая была

арестована впервые в Минске в 1898 году, в числе других 555 бундовцев Белоруссии и Польши. В 1901 году она была выпущена из тюрьмы под гласный надзор полиции, а через год перешла из Бунда в РСДРП*.

Зубной врач по профессии, Вера Слуцкая стала профессиональной революционеркой. Она активно участвовала в революции 1905–1907 годов в Минске и Петербурге, являлась членом боевой организации РСДРП в Лондоне (1907), вела партийную работу в Петербурге. В 1909–1912 годах она была в эмиграции в Германии и Швейцарии, затем вернулась в Россию, где ее неоднократно арестовывали и ссылали. После февральской революции В. К. Слуцкая стала членом Петроградского комитета РСДРП(б), секретарем Васильеостровского райкома партии, участвовала в работе 6-го съезда РСДРП(б). О ней упоминает Джон Рид в книге *10 дней, которые потрясли мир*.

После революции именем Слуцкой называли кондитерскую фабрику в Петрограде, а когда города России переименовали в честь революционеров-большевиков, Слуцкая тоже не была забыта. Петроград тогда стал Ленинградом, Екатеринбург – Свердловском, Гатчина – Троицком, Лигово – Урицким, а Павловск – Слуцком. Так временно появилось два Слуцка: старый литовско-белорусский город, от которого произошла фамилия Веры Климентьевны, и городок около Царского Села, где она погибла.

15

Вблизи аллеи Слуцкой, на параллельной ей Зеленой аллее, можно заметить черную вертикальную плиту. На ней лаконичная надпись: "Михаил Игнатьевич Кулишер, скончался 29 ноября 1919 г.". Никаких пояснений больше нет, да в те времена в них никто и не нуждался: Кулишера знал весь Петроград. Происходил он из интеллигентной семьи, давшей несколько видных деятелей. Сам Михаил Игнатьевич – разносторонне

* Интересно отметить, что, судя по БСЭ, Слуцкая – член КПСС с 1902 года, что на 10 лет расходится с датой, указанной на памятнике. Это противоречие мнимое и связано оно с развитием советской историографии. Раньше датой образования КПСС считался 1912 год – год фактического раскола на Лондонском съезде.

образованный человек — был известен одновременно как историк, социолог, ученый-юрист, этнограф, журналист, еврейский общественный деятель. Он был представителем того знаменитого поколения шестидесятников, которое столь обогатило историю русского еврейства и России в целом. Современники, вспоминая характер Кулишера, употребляли эпитеты — экспансивный, пылкий, увлеченный, способный быстро воспламеняться, преданный общественным интересам.

В комитете Общества Просвещения Кулишер занимал позицию умеренного ассимилятора, дружил с И. Г. Оршанским. всю жизнь он занимался журналистикой в русско-еврейской прессе, в таких изданиях как *День* в Одессе, *Рассвет* в Петербурге, *Заря* в Киеве. Значителен вклад Михаила Игнатьевича в дело развития еврейского светского образования — начального, среднего и высшего. Он был постоянно занят написанием школьных учебников, составлением программ обучения, организаторской деятельностью. Идеалом Кулишера была такая школа, которая, насаждая и культивируя еврейское знание, стояла бы на высоте европейской науки. На общих собраниях ОПЕ часто читались рефераты на литературно-исторические темы. И все знали, что Кулишер — один из самых интересных докладчиков.

Когда ему было за 70, он написал монографию по истории эмансипации французских евреев, ряд статей для *Истории евреев в России* и многое другое. Огромная энергия и природное жизнелюбие этого человека заставляли его активно работать до самой смерти.

16

Теперь пройдем от могилы Веры Слуцкой в сторону левой стены кладбища (1-я Главная аллея). Перед нами строгий, простой, но величественный памятник, резко отличающийся от окружающих его могил. Выполнен он в виде двух высоких металлических стоек, к которым приварена диагональная решетка, возможно, символизирующая колючую проволоку. В верхней части решетки большая шестиконечная звезда, немного ниже — мраморная табличка с Маген-Давидом меньшего размера. На табличке выбито:

Вечная Память
Роза Лурье-Гельб
Макс Гельб
Освенцим
Иосиф Лурье
Сталинград
Моисей Данишевский
под Ленинградом Красный Бор
Яша Авиосор
Петсамо

Больше нет ничего, ни дат жизни, ни эпитафии, но ясно, что это память о войне, о Катастрофе, о 6 миллионах, о самом страшном, что мы пережили и о чем нельзя забыть. Стоя перед этим памятником, мы вновь осознаем, что умалчивание или искажение правды о трагедии еврейского народа является по сути соучастием в преступлении.

В правом дальнем углу кладбища есть две братские могилы времен войны. В одной лежат моряки-балтийцы, в другой — ленинградцы, погибшие в блокаду. Так как могилы находятся на Преображенском кладбище, можно думать, что в них похоронены евреи. Так что если вы хотите почтить память погибших, подойдите к памятнику на братской могиле и сюда, к этой металлической сетке, напоминающей колючую проволоку,

17

У правого угла синагоги стоит серый гранитный обелиск, русская часть надписи на нем гласит: "Раввин Лубанов Абрам Рувимович, 1888—19²⁰73". Лубанов происходил из любави-
VIII

ческих хасидов, тех самых, что еще называются лядовскими хасидами, или хабадниками, и чей цадик сейчас живет в Бруклине. Получив хорошее талмудическое образование в хасидской *иешиве*, Абрам Рувимович стал раввином как раз в те времена, когда более непопулярное занятие трудно было придумать. В 30-е годы он попал-таки в тюрьму и был освобожден

только в 1943 году, в разгар войны. С этого времени, 40 лет подряд, до самой своей смерти он служил в Ленинградской синагоге.

Жизнь у евреев в эти годы была нелегкой. Война, затем смерть Михозэlsa, гибель еврейских писателей, дело врачей. Всего не перечислить. Даже *мацу* можно было купить не каждый год. Глава синагоги при таких условиях должен был обладать не только глубокими религиозными знаниями, но и большой силой духа, огромным авторитетом и незаурядным мужеством. Судя по рассказам знавших его людей, эти качества у раввина Абрама Рувимовича Лубанова были. Это был, по воспоминаниям, высокий седой человек с волевым, мраморным, как у Моше Рабейну*, лицом и каким-то особенным, проникновенным взглядом. Его слово было законом для прихожан. В то же время он умел создать атмосферу психологического комфорта в разговоре с людьми, и они, проникшись доверием к раввину, делились с ним своими тайнами и нуждами, просили совета. Его имя и поныне овеяно легендами среди верующих. Рассказывают множество случаев, подтверждающих его непререкаемый авторитет, силу духа, неподкупность и прочее. В сложных жизненных ситуациях люди ходили к Лубанову на Дин-Тора (суд Торы), хотя официально он никаких прав судьи не имел. Раскрытие самого факта такого суда могло принести обеим сторонам серьезные неприятности. Однако Лубанов судил, судил по Торе, и его решения выполнялись, хотя приговор имел только моральную силу.

После смерти Лубанова еврейская община сумела через Москву добиться разрешения похоронить его на Преображенском кладбище, на котором давно уже не хоронили. Так что его могила здесь самая поздняя и расположена на почетном месте.

Позади склепа Варшавских, на четвертой от него могиле, стоит памятник из розового мрамора, на котором высечены имена династии врачей: отца, сына и внука. "Доктор медици-

* Моше Рабейну – Моисей.

ны Исаак Александрович Дембо. Родился в 1846 г., скончался в 1906 г. Доктор медицинских наук, профессор Григорий Исаакович Дембо. Род. 8/IV—1872, ск. 8/XI—1939. Иосиф Григорьевич Дембо, 1912—1978”. Самый известный из них — Исаак Александрович. Он родился в Ковно в ортодоксальной семье, получил обычное религиозное образование, но затем стал изучать светские науки и закончил медико-хирургическую академию (в 1870-м). В русско-турецкую войну Дембо — военный врач-доброволец в действующей армии. С 1881 по 1883 год он работал в клиниках Парижа, Вены, Берлина. В результате появился его труд *К вопросу о независимости сокращения матки от церебрально-спинальной нервной системы*. Ученый открыл самостоятельный центр маточных сокращений — центр Дембо.

Но особенно прославились работы Дембо по сравнительному изучению еврейского способа убоя скота (*шихты*). В чем же тут проблема? Зачем ученому, пусть даже верующему, заниматься столь частным, на первый взгляд, вопросом? Какая разница, кто как режет скот?

Дело в том, что эту тему поднимала антисемитская пропаганда, утверждая, что евреи мучают животных перед смертью и что при их способе убоя мясо быстрее портится. Собрали даже съезд Российского общества покровительства животных (в 1891 году) для обсуждения гуманности *шихты*.

Тогда еще кое-кто верил, что антисемитам можно что-то логически объяснить, доказать невиновность еврейского народа во всех смертных грехах. Исаак Александрович был одним из таких людей. Он потребовал провести опыты на собаках в лаборатории И. П. Павлова, сам провел множество опытов и анатомических вскрытий, изучал способы убоя скота на разных бойнях Европы, делал доклады в научных обществах и на вышеупомянутом съезде. Ученый написал ряд брошюр, в том числе и по-русски — *Анатомо-физиологические основы различных способов убоя*, потратил много лет жизни на сбор данных по этой теме. На задней стороне памятника есть надпись на иврите, где сказано об этой работе Дембо. Однако едва ли этим многолетним сбором доказательств удалось переубедить тех, кто строил свои антисемитские взгляды не на фактах, а на ненависти, не на результатах лабораторных исследований, а на фальшивках типа *Протоколов сионских мудрецов*.

В Петербургской общине Исаак Александрович был старостой во время постройки хоральной синагоги.

Сын И. А. Дембо, профессор Григорий Исаакович Дембо, тоже принимал участие в жизни еврейской общины. Его имя можно встретить в списке штатов еврейской богадельни им. М. А. Гинсбурга и в списке штатов еврейского сиротского дома (они были расположены на Васильевском острове).

Можно еще добавить, что актуальность вопроса о гуманности *шихты* подтверждается судьбой этого памятника, который неоднократно разбивался хулиганами. Примеры такого вандализма можно найти и в советской литературе. Прочитируем пару строк из романа Григория Кановича *Свечи на ветру* (М., Советский писатель, 1982). Его герой Даниил наблюдает, как на еврейском кладбище оккупированного немцами литовского города мужики валят ломами надгробья.

”Я только успел прочесть на черном зернистом граните ’Залман Кацнельсон, 1876–1936’.

– Куда Вас повезли, реб Залман?

Меня бил озноб. Пусть грабят золото, думал я, пусть моят голодом, пусть вешают на грудь желтую мишень. – Только пусть не трогают наших мертвых. Все мертвые равны. Все мертвые одного племени – племени мертвых... И несть им числа!”

Мы посмотрели несколько надгробий еврейского Преображенского кладбища.

Но не все могилы выдающихся евреев, живших в Петербурге-Ленинграде, нам суждено здесь увидеть. Некоторые из этих людей захоронены в других местах. Многие памятники не сохранились. Другие могилы пока просто не удалось найти. О местах захоронения тех, кто погиб во время войн, революций, погромов и террора, и вовсе ничего неизвестно.

Нет больше могилы Ноты Хаймовича Ноткина. Она исчезла за давностью лет на Волковом кладбище.

Нет здесь могилы поэта Семена Фруга. Он умер в Одессе в 1916 году и похоронен там. Его памятник был снесен в последнюю войну румынскими оккупационными войсками.

Нет могилы Александра Исаевича Браудо (1864–1924) – бывшего вице-директора Публичной библиотеки, энцикло-

педически образованного человека, отважного борца за еврейское равноправие. А. И. Браудо скоропостижно скончался, находясь в командировке в Лондоне. Говорят, гроб с его телом был привезен в Ленинград и захоронен здесь, но найти могилу пока не удалось.

Л. Я. Штернберг на заупокойном собрании сказал о Браудо: "Александр Исаевич был в нравственном отношении полным и целостным представителем гуманной культуры, той культуры, которая в настоящее время как будто всюду клонится к закату".

Нет могилы Семена Марковича Дубнова (1860–1941), прожившего долгую и плодотворную жизнь, — выдающегося историка евреев Польши, Литвы и России, политического деятеля; основателя Еврейской народной партии, автора многочисленных книг и статей, переведенных на несколько языков. Он дожил до глубокой старости и погиб в 1941 году в Рижском гетто, не захотев спастись за счет жизней других людей.

Нет могилы Сруля Лейзеровича (Сергея Лазаревича) Цинберга (родился в 1873 году) — начальника Главной химической лаборатории Путиловского завода, историка и активного деятеля еврейского просвещения, автора работ по еврейскому социалистическому движению и литературе. После революции Цинберг продолжал работать в ОПЕ и стал секретарем Еврейского университета. Где и когда он умер — неизвестно. По одной из версий, он был репрессирован в 30-е годы.

Замечательный еврейский художник Анатолий Каплан, умерший совсем недавно (в 1976 году), тоже похоронен не здесь, а на соседнем кладбище *Памяти жертв 9-го января*, у полуразвалившейся церкви.

Да, многих могил здесь нет. Но гораздо печальнее то, что сегодня почти никто не знает и не помнит своих похороненных на Преображенском кладбище и в других местах земляков и единоплеменников, достойных нашей благодарной памяти.

Хочется закончить экскурсию по еврейскому кладбищу стихотворением, написанным лет 25 назад ленинградским поэтом Иосифом Бродским. Тогда кладбище находилось на самой окраине города и даже добраться до него было нелегко.

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
Артисты, торговцы, музыканты, революционеры.

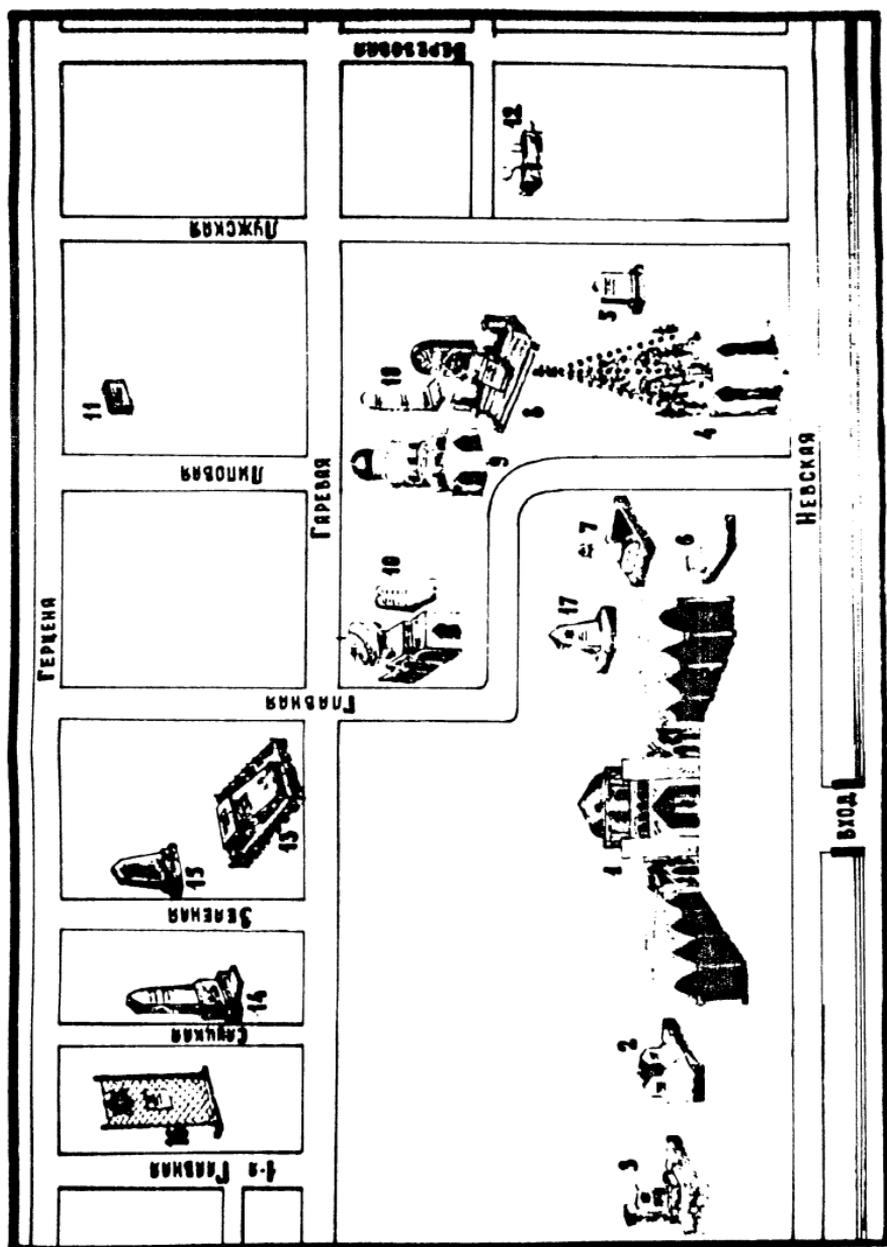
Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги, уважали пристава,
И в этом мире, безвыходно материальном,
Толковали Талмуд, оставаясь идеалистами.
Может видели больше.
Может верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
И стали упорны
И не сеяли хлеба.

Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились
В холодную землю, как зерна,
И навек засыпали.
А потом их землей засыпали,
Зажигали свечи,
В день поминовения
Голодные старики высокими голосами,
Задыхаясь от холода, кричали об успокоении.
И они обретали его

В виде распада материи.

Ничего не помня,
Ничего не забывая,
За кривым забором из гнилой фанеры,
В четырех километрах от кольца трамвая.

-----ooOoo-----

Еврейское Преображенское кладбище. Номера возле памятников соответствуют разделам третьей экскурсии М.Бейзера (стр.245–282).

-----ooO Ooo-----

Римма ЗАПЕСОЦКАЯ

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Давно из лона Палестины
Попали мы сюда,
Но из могильной паутины
Прародины звезда,
Былого не теряя вида,
Горит, как на щите,
Слепящая звезда Давида
На мраморной плите.
И в бой готовы буквы эти —
Завета письмена,
И мудрость трех тысячелетий
Покоя лишена.

/1980/

---oOo---

Юрий КОЛКЕР

О СТИХАХ ВЛАДИМИРА ЛИФШИЦА

Как-то, с год или около того назад, на столе у моей дочери, в том причудливом хаосе утративших для нас значение вещей, который в несколько минут создает заигравшаяся первоклассница, — я обнаружил подарочную открытку. На лицевой стороне был изображен милый, слегка карикатурный верблюжонок. На обороте были стихи:

Это маленькое чудо —
Верблюжонок, сын верблюда.
Как верблюду полагается,
Он колючками питается.

Маленьким чудом показалась мне и сама эта открытка. Имя художника ускользнуло из моей памяти, о чем я не шутя жалею. Внизу, под этим забытым мною именем, значилось: "Стихи В. Лифшица". И тогда мне смутно припомнилось другое, большое и нешуточное, стихотворение поэта с такой неблагозвучной для русского уха фамилией, — стихотворение, некогда поразившее меня — впрочем, лишь ненадолго. Мне захотелось перечитать стихи Лифшица, а заодно и бросить взгляд на человеческую судьбу поэта.

Владимир Александрович Лифшиц родился в 1913-м, в Харькове, детство и юность провел в Ленинграде, здесь воевал; затем долго, вероятно с конца 1950-х, жил в Москве, где и умер несколько лет назад. Дату его смерти не вспомнил даже его давний друг, пожилой ленинградский писатель, которого я о нем расспрашивал. Вообще, имя Лифшица в литературных кругах почти неизвестно. Между тем он издал 60 книг, из которых 30 — стихотворные сборники: оригинальные, переводные, детские и сатирические стихи. /.../* Был ли Владимир

* Статья Ю. Колкера печатается с сокращениями. — Примечание редакции.

Лифшиц поэтом, заслуживающим этого имени? справедливо ли он забыт? Постараемся понять это всерьез и без предвзятости.

Он дебютировал в 1934-м — неплохо и вполне ordinarily. В год первого ареста и чердынской ссылки О. Мандельштама, молодой поэт, возможно, и слышавший это имя, но разве лишь как последний вздох безвозвратно ушедшего прошлого, — писал такие вот неподдельным жизнелюбием дышащие стихи:

/.../ Потел и крякал костолом.
На стенах гасли блики зарев.
За настороженным столом
Указ вершили государев.

Но в раззолоченный камзол,
В глаза ханжи и богомола,
Плевала кровью через стол
Неистребимая крамола! /.../

Время было тяжелое, беспрецедентное. "...работа адская будет сделана и делается уже..." — так определило оно себя за несколько лет до того. К чести Лифшица, он оказался всего лишь его пасынком. В 1968-м, спустя 34 года, он скажет о себе тогдашнем с горькой иронией:

Все понимал
Надменный тот юнец,
А непонятное привычно брал на веру...
.....
Он на меня и внешне непохож.
Два совершенно разных человека.

Язык ранних стихов Лифшица обыден, но не той страшной обыденностью, которую предрек Анненский и воплотил Ходасевич, — нет, это обыденность самодовлеющая: нам предстоит культурно зарифмованная проза, повествование, часто с моралью или игривым коленцем в конце, реже — развернутая метафора, вызвавшая к жизни стихотворение и ставшая его единственным смыслом. Язык не преобразуется в его сти-

хах, не излучает. Форма и содержание, не сливаясь, мирно сосуществуют в нем как две независимые субстанции. Кажется, что цель автора — позабавить и слегка удивить читателя, — иначе говоря: развлечь, а не увлечь. Это ему удастся. Его стихи умны (иногда хочется сказать: слишком), оснащены просто и надежно. Обычные для молодого поэта неловкости опрятно замаскированы. Передержки стандартны: поиск нарочито неожиданных, никогда прежде не употреблявшихся рифм (утесы — нес их, и т. п.); проходные, необязательные эпитеты (яростные ветры, краснокрылая заря); и, более всего, затяжные подготовительные маневры: часто первые два стиха катрена служат лишь трамплином для двух последующих, иногда все стихотворение написано ради эффектной, афористической концовки.

/.../ Я на свою соседку с краю
 Взглянул — и чуть не крикнул: "Брысь!.."
 Она сидела, не мигая,
 Как зачарованная рысь.

Для этого фокуса написано стихотворение *Бокс* (1936): четыре предшествующие строфы — лишь разбег перед этим пуантом. Другой пример — *Магнитная буря* (1937); выписываю четыре лучших стиха:

Лишь на поверхности и вглубь — на километры —
 Затосковал разбуженный металл. /.../

Мое томленье по тебе сильнее
 Томления железа по железу.

Строки эти, вместе с названием, полностью *объясняют* нам *мысль* поэта; остальные 12 стихов этой пьесы — наполнители, упаковка. Понятно, к какому читателю обращена такого рода мысль, собственно. вовсе не поэтическая: ее можно пересказать, она жизнеспособна сама по себе, — не говоря уже о том, что вообще излишне так усиленно настаивать на превосходстве души человеческой — над железом. Поэтическая, вообще —

художественно-литературная, мысль выражена всегда так, что она умирает или необратимо меняется вне воплотившей ее формы – в пересказе, переводе. Понимания этого Лифшиц не обнаруживает. В 1930-е годы читатель у него был; была, кроме того, иллюзия общего с ним дела, – следовательно, имелись все предпосылки для того, чтобы молодой поэт не выросл, продолжая принимать проходные моменты типа перечисленных – за подлинные достижения. К числу своих достижений (по свидетельству моего собеседника, близко знавшего поэта) он относил и *Балладу о блокноте* (1937) – рассказ об американском корреспонденте, погибшем в Испании:

/.../ В его движениях сквозит
Ленивая отвага.
А впрочем, что ему грозит?
Он под защитой флага. /.../

Попали в сложный переплет
Рабочие колонны,
И третьим лег за пулемет
Монтер из Барселоны.

Он лег на пять минут всего –
Смертельная зевота...
И больше нету никого,
Кто б лег у пулемета!

Уже мятежников отряд
Спускается с пригорка,
Как вдруг опять их шлет назад
Свинца скороговорка!

За пулеметом – журналист.
А после боя кто-то
Последний вырывает лист
Из желтого блокнота,

И пишет, улучив момент,
Как совесть повелела:
"Ваш собственный корреспондент
Погиб за наше дело!"

Была эпоха баллад — притом, не о людях, а о пакетах и блокнотах: так им полагалось называться. Написанное в форме, имитирующей английскую народную балладу (помните? "В зеленом с ног до головы Выходит Робин Гуд..."), это стихотворение обладает всеми ее достоинствами: динамичностью, просторой, подкупающей наивностью, неожиданными поворотами сюжета, пафосом подвига. Нас трогает психологически неоднозначный, легкими штрихами набросанный портрет журналиста, не оставшегося безучастным зрителем испанской трагедии — и сделавшего свой выбор в пользу *народа*. Здесь уместно спросить: какого? В гражданской войне обе стороны — народ. Того, который отстаивает правопорядок от *мятежников*, отвечает Лифшиц. В понимании поэта и его современников слово мятежники, еще совсем недавно — и традиционно — связываемое с народом, с революцией, является теперь уже остронегативной характеристикой. Поэт не задумывается над этой инверсией. Испания /.../ распалась на черных и белых, причем белые, хорошие, — за правительство. Так из равнодушия к слову вытекает непонимание истории. (Догадливый читатель не заподозрит меня в сочувствии к фашистам: я лишь возражаю против лубков в искусстве и универсальных схем в политике /.../. Национальная жизнь сложна и не может быть понята с общих позиций, без духовного к ней приобщения. Не знаю, кстати ли, но на ум приходит старая китайская сказка о симпатичном юноше, народном заступнике, побеждающем царя-дракона и садящемся на его трон: не успел он расположиться, как у него начали интенсивно расти когти, клыки, а вскоре наметился и хвост — в чешуе... Конец там, впрочем, счастливый.) В *Балладе о блокноте* поэт, между тем, проявил отвагу (и склонность к авантюре, столь ярко обнаруженную им впоследствии), описав этот подвиг: писать о героической гибели американца — пусть даже в Испании, *за наших*, — было, пожалуй, уже тогда некоторой неосторожностью. Вообще, тема смерти не поощрялась в поэзии 1920-х–1930-х годов: конеч-

но, всегда можно было с честью погибнуть за рабочее дело, но дома и в прошлом; а сегодня умирать разрешалось преимущественно врагам: со стороны *своих* и друзей смерть была своего рода нелояльностью, — важный знак молодости новой России, где вся полнота реальной деятельности оказалась в руках еще очень молодых людей. Николай Браун, редактор одной из первых публикаций *Баллады*, следуя духу времени, внес в ее завершающий пассаж (столь важный для Лифшица игрой слов: "ваш собственный... — наше дело...") такую вот идиотскую поправку:

"Ваш собственный корреспондент
Нашел родное дело!"

Но, даже если закрыть глаза на проходные места и композиционные промахи *Баллады*, она все же не делает поэту, по большому счету, ни чести, ни имени. Одно из удачных стихотворений в прагматической, рационалистической, лишенной тайны поэзии тридцатых годов, — не более. На весах Камены всю ее едва ли не перевесят следующие непритязательные строки из небольшого лирического стихотворения Лифшица *Василиевский остров* (1939):

/.../ Чью же ты припомнил пару
Глаз — то дерзких, то молящих?
Чью же ты припомнил пару
Кос и ленточек летящих?

Как он горек и отраден,
Ветер юности тревожной!
Как он влажен и прохладен,
Этот ветер осторожный!

В 1939-м *тревожная юность* еще не была пошлостью. Честное следование внутреннему голосу, "дуновение вдохновения" (Цветаева) — вместо головизн, семантической акробатики и социальных заказов — делают свое дело. Но такого рода строки — редкость в довоенных стихах Лифшица.

Если литературное взросление Владимира Лифшица затягивалось, то его человеческому возмужанию способствовала сама эпоха. В 1969-м он напишет:

Дайте вновь оказаться
В сорок первом году —
Я с фашистами драться
В ополченье пойду. /.../

Сказано это так неловко, что читатель не сомневается: в 1941-м Лифшиц *не пошел* в ополченье. Между тем он пошел, и — в числе первых. Сначала его не взяли из-за слабого зрения. Но вскоре это уже не могло быть препятствием: война становилась все требовательней. Политрук пулеметной роты 1-й Кировской дивизии, затем корреспондент газеты *Боевая Красноармейская*, затем — заместитель командира стрелкового батальона, Лифшиц в лицо встретил все ее ужасы: и на передовой, и — в тылу: в блокированном Ленинграде.

/.../ И взбежал лейтенант по знакомым ступеням.
И вошел. И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки... бледные губки...
Старичок семилетний в потрепанной шубке...

— Как живешь, мальчуган? Отвечай без обмана!.. —
И достал лейтенант свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок дал он сыну: — Пожуй-ка, —
И шагнул он туда, где дымила буржуйка.

Там — поверх одеяла распухшие руки —
Там жену он увидел после долгой разлуки. /.../

Это опять *Баллада*: на этот раз — *О черством куске* (1942), "главное стихотворение" Лифшица, "обязательный участник послевоенных антологий", как пишет о ней Константин Ваншенкин*...

Мы многое знаем о минувшей войне, мы пережили ее не-

* В предисловии к: Владимир Лифшиц. *Лирика*. М., Худ. лит., 1977.

счетное число раз в нашем воображении: вот уже почти четыре десятилетия война и победа остаются важнейшей темой советского искусства и пропаганды. /.../ Но отвлечемся от всего этого. Талант волен возвращать опошленным, скомпрометированным формам и символам их живой смысл, а война, как ни заслоняй ее плоским и безнравственным лубком, на самом деле была всенародным бедствием. Лифшиц дает в *Балладе о черством куске* картину правдивую и страшную.

Но не знал лейтенант семилетнего сына.
 Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
 И, когда замигал догоревший огарок,
 Маме в руку вложил он отцовский подарок.

Я плакал над этими стихами. Но, всплакнув и вновь перечитав их, опять вынужден был спросить себя: а что здесь собственно от поэзии? И оказалось: почти ничего. Пафос? он уместен и в очерке, и в репортаже: к ним и приближается по своему строю *Баллада*. "Жизнь, быт, подробности войны" (К. Ваншенкин)? они возможны и в очень плохих стихах. Разве лишь — размер: анапест, завораживающий четырехстопный стих К. Бальмонта, с его же капризной неправильностью распадающийся по временам на двухстопный. Но язык посредственен: "трепетный свет фар"; глаза жены, "мерцающие как свечи", и т. п. Искренность и мужественная простота этих стихов, их композиционная стройность, — делают свое дело, но не искупают их литературной слабости, приземленности, сиюминутности. Такие стихи не запоминаются сами собою, не приходят на ум, как молитва: они — одноразового употребления. Без рационализма не оставляет поэта и тут, лишь рука становится тверже, увереннее. В конце с фатальной неизбежностью обнаруживаются назидательные ноты:

Потому что жена не могла быть иною
 И кусок этот снова ему подложила.
 Потому что была настоящей женою.
 Потому что ждала. Потому что любила.

Все это — слишком бесспорно, чтобы быть высокой поэзией.

Расчет на массового читателя очевиден. Но другого Лифшиц и не знает /.../. Умный и для своего поколения образованный человек, он забыл или проглядел, что становящиеся национальным достоянием стихи слишком часто бывают доступны лишь интеллектуальной элите в поколении их создателя, а иногда не доступны и ей. Не только Пушкин, но и Некрасов ориентировался на *лучших* современников, оба искали поддержки в разных, но узких и вполне определенных кругах, далеко отстоящих от едва тронутых европейской культурой масс. Аудитория Лифшица — весь советский народ, ликвидировавший безграмотность.

Я, удостоенный шинели...

Такой неслыханной свободы
Я с детских лет не обретал!

— говорит он о себе в самом начале войны, схватывая одну из важных примет психологии военного времени. Он был с народом — и испытал общее для русской творческой интеллигенции воодушевление от этой близости: русская народническая иллюзия конца XIX века нашла себе в эту последнюю войну неслыханную и столь долгожданную пищу.

Конформизм военных стихов Лифшица очень нагляден. /.../ Он сказался и в выборе тем, которые излишне перечислять, и в употреблении набивших оскомину слов — в их расхожем, газетной передовицей установленном смысле; и в понимании военного героизма, и в психологии лирического героя. Герой для Лифшица — это герой поневоле, простой советский человек, Александр Матросов, совершающий свой единственный подвиг-пример и тут же, за ненадобностью и вследствие полной своей заменимости, гибнущий. Он, а вместе с ним и его создатель, — как все, разве лишь чуть-чуть лучше; его право на наше внимание — в его ординарности. Но этот унижительный для народа ракурс был более или менее общим у всех бытописателей войны. Любопытен /.../ русский конформизм Лифшица. Поэт и прежде не обнаружил ни малейшего интереса к народу, из которого вышел; ни разу — ни до, ни после — не было им печатно произнесено даже самое слово еврей /.../. Он не осто-

рожничает: национальная психология (реальность, доступная материалисту) искренне отброшена им вместе с Богом, он — советский: член новой исторической общности, где национальность — пережиток. Что же происходит теперь, на войне? Жизнеспособна ли такая позиция, последователен ли ее носитель? Столкновение двух сил (социализма и фашизма, добра и зла) — очень быстро было переосмыслено массовым сознанием как столкновение давних врагов-соседей: России и Германии, русского и немца (фрица). Многонациональная по составу Красная Армия, задолго до ее переименования в Советскую, осознает себя русской и спонтанно перестраивается в русскую, также всегда бывшую многонациональной. Не украинский или армянский, а русский патриотизм явился подлинным источником *боевого духа*, реальной подошмой лозунгов, единственным, что сообщало смысл сопротивлению в этой, казалось, с самого начала безнадежно проигранной войне. Впоследствии И. В. Сталин провозгласит: русский народ, взявший на себя основные тяготы войны, — а пока Владимир Лифшиц, повинувшись инстинктивному порыву, отождествляет себя с этим народом, не видя внешних и не встречая внутренних препятствий. —

Мне снилась дальняя сторонушка,
И ропот быстрого ручья,
И босоногая Алenuшка,
По разным признакам — ничья...

(1941)

Он стоит на лесной прогалинке,
Неприметен и невысок.
На ногах — самокатки валенки,
Шапка — с лентой наискосок.

Прислонясь к косолапой елочке,
За спиною он чует лес.
И глаза у него как щелочки,
Пугачевский у них разрез. /.../

Было бы ошибкой думать, что интонации русского фольклора явились у Лифшица результатом сознательного приспособленчества; скорее это мимикрия, вызванная своеобразным пониманием интернационализма, установившимся в России. /.../ С рвением, достойным лучшей цели, Лифшиц присягает на верность четвертому сословию, а фактически — русскому народу. Он не видит в этом измены интернационализму, не понимает, что в эпоху, "когда национальность подменила Бога" (Бердяев), поэт с фамилией Лифшиц, воспевающий Аленушку, — уже несообразность; что партизан с "путачевским разрезом глаз", "с револьвером за ремешком", перед которым "качается-расступается и шумит молодой лесок", сначала — прогонит фрица, потом — будет мыться, будет бриться, как пел Утесов, а потом, рано или поздно, с брезгливостью отклонит пылкую любовь к России еврея-ассимилятора, не позаботившегося даже своевременно скрыть свое еврейство благозвучным псевдонимом и вышитой рубашкой. К прискорбию, в жизни поэта все произошло именно так. Рассказывают, что в послевоенные годы, в так называемом Доме творчества, писательском санатории в Коктебеле, ему в глаза было сказано: отсиживаться — а теперь отдыхаете?! — быть может, тем же партизаном, взявшимся, как очень многие, за перо в годы войны. Известно также, что сыну поэта не нашлось места в русско-советском послевоенном обществе и пришлось эмигрировать.

Евгений Боратынский провозгласил некогда право поэта обнажать мучительный изгиб в себе и в обществе. Право это является в действительности и долгом поэта, его глубинной потребностью. Оно знак избранничества и отверженности одновременно. Рядовой человек не глупее поэта, он только непотичен: занят преимущественно сегодняшними нуждами, профессиональными и бытовыми, сторонится иррационального, избегает всех форм дискомфорта, среди них — и вдохновения. Лишь обостренная чувствительность толкает нас к художественному творчеству. Поэта поражают ретроспективы цивилизации, он живет предчувствиями и прозрениями, он склонен к парадоксам, — все это делает его мучительно уязвимым. Вы-

сокое в человеке ближе всего к смешному, легче всего высмеивается. Но тяга к высокому, не обеспеченная большим талантом, ведет к спекулятивному искусству, претенциозному и отталкивающему. Вот эта, обратная, негативная сторона творчества – в течение всей жизни заслоняла от Владимира Лифшица лицевую, позитивную. Осознание творчества как постоянного риска выродилось у него в мелочную боязнь литературного скандала. В противоположность Цветаевой, повторявшей, что она ни в чем не желает облегчить читателю его читательский труд, он печется лишь о том, чтобы быть правильно и однозначно понятым, не дать повода для насмешки, не высказаться вразрез с несомненным, общепринятым. Его стихи пестрят прозаическими предуведомлениями и оговорками, унижающими читателя, уничтожающими работу его воображения и самую поэзию. Личное, человеческое мужество Лифшица, обнаруженное им на войне и в послевоенные годы, уживалось в нем с поэтическим малодушием. Вот несколько примеров.

/.../ Герой – в седле.
Герой – в стекле.
Под ним, колеса в грязь вонзая,
Брыкается мотоциклет,
Вытягиваясь, как борзая.

Мне в спорах вечно не везет,
Но здесь,
Переходя на прозу,
Держу пари, что он везет
Бензином пахнущую розу.

(1935)

/.../ Что я могу рассказать о войне
Мальчикам, думающим про войну?

Мальчикам, думающим, что война –
Это знамен полыхающий шелк,

Мальчикам, думающим, что она —
Это горнист, поднимающий полк,
Я говорю, что война — это путь,
Путь без привала — и ночью, и днем /.../

Черствой буханки последний кусок,
Тинистый пруд, из которого пьют, —
Я говорю, что война — это труд!

Если ж претензии будут ко мне,
Цель я преследую только одну:
Надо внушить уваженье к войне
Мальчикам, думающим про войну.

(1941)

(Удивительно, как мелок вывод, сделанный из этого долгого и убедительного, но все же не до конца правдивого описания.)

Был до войны у нас актер,
Играл на выходах.
Таких немало до сих пор
В различных городах.

(1958)

Я не верил столько лет
В чудеса с доставкой на дом...
Арарата нет и нет,
Утром глянул — вот он, рядом!

(1967)

Таблицу неудач можно продолжить. Поэту не удастся избежать комического эффекта: самый страх превратного толкования такого начисто выхолощенного текста — комичен. Комичны и пояснительные сентенции. Иногда они содержатся в самом названии пьесы. Вот первые стихи *Банальной баллады*:

Два друга
Перед самую войной
Ходили вместе к девушке одной.

Подумать обещала им она,
Подумать помешала ей война.

Один из них
Ушел в Дзержинский полк.
Ей написал в июле —
И умолк.

Второй нырнул —
И вынырнул в тылу.
Он доставал кагор и пастилу.
Он доставал ей сало и пшено.
И все меж ними было решено. /.../

Название не спасает, не спасает и его отголосок, заискивающе-оправдательная рефлексия в концовке: "Какой банальный, /Скажут мне, сюжет!". Несмотря на подчеркнутый отказ от морали, стихи эти — все же лишь фельетон, профанирующий поэзию. Мысль автора скучна, таковы же и выведенные им герои: никаких мучительных изгибов, мир двуцветен, люди монолитны и делятся на достойных и недостойных, своих и чужих. Во всем этом мне слышится угрюмая поступь "новой расы, до глаз закованной в броню" (Даниил Андреев), кирзовые сапоги победителей, триумфальное шествие советского академизма /.../.

Но в 1950-е, сам этого не сознавая, Владимир Лифшиц уже не принадлежал к расе победителей.

Война закончена, выиграна /.../. Идет стремительная переоценка ценностей, перетасовка мест. Поколение Владимира Лифшица, поколение первых пионеров, почти два десятилетия находившееся на гребне истории, внезапно оттесняется, начинает терять свои позиции. Некоторые пропадают вовсе; другие с горечью видят, что их военные заслуги и гражданские добле-

сти не способствуют упрочению их общественного статуса, порою даже мешают ему. /.../ Коррупция и лихорадочный захват вакансий отталкивает тех, кто еще совсем недавно в точности знал, зачем живет и за что проливает кровь, где враг и где друг. Рушится пленительная в своей простоте черно-белая картина мира.

Для Лифшица послевоенная ситуация осложняется вспышкой антисемитизма, три десятилетия подавлявшегося транквилизаторами лозунгов и программных заявлений, а в годы войны, вместе с патриотическим подъемом ... , вырвавшегося наружу. /.../

Владимир Лифшиц, как и большинство, видит во всем этом лишь временное помрачение. Идеологические шоры и вера в прочность завоеваний разума (гибельная для евреев Третьего Рейха), преобразуют действительность, скрывают необратимость перемен. И все же, еще не разумом, но чувством поэта, — он понимает, что его время прошло. В его жизни возникает "не та полоса".

Дайте вновь оказаться
В сорок первом году —
Я с фашистами драться
В ополченье пойду.

Все, что издавна мучит,
Повторю я опять.
Не обучен, — обучат.
Близорук, — наплевать.

Все отдам, что имею,
От беды не сбегу,
И под пули сумею,
И без хлеба смогу.

Мне там больше не выжить, —
Не та полоса.
Мне бы только услышать
Друзей голоса.

В этом небольшом стихотворении, написанном в 1969-м, имеется странность: слово *там* в стихе 13. Из контекста видно, что поэт как раз и хочет — *туда*, к друзьям, в годы тяжелых испытаний и душевной ясности: именно за эту ясность он отдаст все, что имеет. *То* время противопоставляется *этому*, *там* — лучше, чем *здесь*, — и вдруг: "там... не выжить". Невозможно сомневаться: перед нами — цензурная заплата. Поэт говорит нам:

Мне здесь больше не выжить, —
Не та полоса.

Не та полоса началась в конце 1940-х. Лифшиц еще очень молод, он член Союза писателей и убежденный коммунист; с присущим ему мужеством он намеревается противостоять злу, которое лишь локально, временно. Просто некоторые потеряли совесть.

Человек, потерявший деньги,
Сокрушается и жалобно вздыхает.

Человек, потерявший друга,
Молча несет свое горе.

Человек, потерявший совесть,
Не замечает потери.

(1956)

Стихотворение это во многих отношениях замечательно. По форме далекое от канонов русской поэзии, равно старых и новых, оно сразу запоминается; оно афористично — даже не своей краткостью, а отсутствием какой бы то ни было избыточности; как маленькая скрижаль, оно не потускнело в волнах времени, — все это качества, позволяющие отличить поэзию от версификаторства. В нем легко угадывается отсылка к медитациям Древнего Востока. Неудовлетворенность современностью толкает поэта к размышлениям и сопоставлениям, к прошлому человечества. *Сегодня* перестает быть единствен-

ной правдой и реальностью, теряет свои самоочевидные преимущества перед *вчера*. И вот —

О прожитой жизни
Приходят раздумья
Все чаще и чаще. /.../

Все указывает на то, что раздумья эти были напряженными, мучительными и долгими. Общий тон послевоенных стихов Лифшица не меняется, по насыщенности и мастерству большинство из них уступает военным. Вялые перечисления, поверхностная описательность, резонерство — вот их преобладающие черты. Появляются ремесленнические, скучные географические и зоологические зарисовки: *Маргелан, Арарат, Зоопарк. Ораг. Аист*. Есть и отдельные удачи. Но в целом лирическая муза Лифшица дремлет. Он в эти годы много занимается прозой, драматургией, переводами, пишет сатирические стихи и стихи для детей. Застой в лирике длится, видимо, около двух десятилетий и производит впечатление инкубационного периода, вынашивания. Так это и оказалось. Основной цикл поэта намеренно им не датирован, но вряд ли мог сложиться ранее 1967-го. Прежде, чем перейти к нему, посмотрим, какое неожиданное направление получают иногда участившиеся раздумья поэта.

/.../ Это утро, этот сад,
Эти винчевские дали,
И над ними — Арарат,
Все такой же, как в Начале.

Это опять уловка, кукиш, показанный цензуре: в Начале — точнее: В Начале — еврейское название книги Бытия: Б'Ришит. Лифшиц нерелигиозен, но ему напомнили об его еврействе; он интернационалист, но "не та полоса" обращает его взгляд к истокам того народа, из которого он вышел и от которого отвернулся. Стихотворение *Арарат*, незначительное, выдержанное в ключе благодушного наблюдения преуспевающего героя, не содержащее и намек на вековую армянскую траге-

дию, — внезапно получает второй план и углубляется благодаря этой неожиданной концовке.

Лифшиц одним из первых в своем поколении *советских* писателей сознательно ищет дорогу к читателю в обход цензуры. Русская литература знала этот путь, советской он был почти неизвестен, да и не нужен, — во всяком случае — до 14 августа 1946-го: до речи Жданова и партийного постановления против Ахматовой и Зощенко. Лифшиц не сделал открытия, он только вспомнил, что талант и страсть неизбежно берут верх над административным восторгом. Недоговоренности и намеки, свидетельствующие о работе мысли и этического чувства, по временам оживляют его опасливо-рационалистические стихи.

Для многих поэтов советской эпохи *переводная кабала* на десятилетия становится средством жить и способом выжить. "О восточные переводы, как болит от вас голова!", — скажет под старость Арсений Тарковский. Пастернак долгие годы "говорит из Гете, как из гетто", по случайной и неопубликованной обмолвке одной советской поэтессы, впрочем, лишь повторившей страшную формулу Цветаевой:

В сем христианнейшем из миров
Поэты — жида!

Владимир Лифшиц обосновался на самой окраине поэтического гетто, почти в христианском квартале. Но и ему приходится переводить. Среди выбранных им поэтов оказался Джеймс Клиффорд, англичанин, его ровесник, погибший в 1941-м "при отражении немецкой танковой атаки", как сообщает Лифшиц в биографической справке о нем. Вот стихотворение *Квадраты* из его посмертного сборника, переведенного Лифшицем.

И все же порядок вещей нелеп.
Люди, плавящие металл,
Ткущие ткани, пекущие хлеб, —
Кто-то бессовестно вас обокрал.

Не только ваш труд, любовь, досуг —
Украли пытливість открытых глаз;
Набором истин кормя из рук,
Уменье мыслить украли у вас.

На каждый вопрос вручили ответ.
Все видя, не видите вы ни зги.
Стали матрицами газет
Ваши безропотные мозги.

Вручили ответ на каждый вопрос...
Одетых серенько и пестро,
Утром и вечером, как пылесос,
Вас засасывает метро.

Вот вы идете густой икрой,
Все как один, на один покрой,
Люди, умеющие обувать,
Люди, умеющие добывать.

А вот идут за рядом ряд —
Ать —
 ать —
 ать —
 ать —

Пока еще только на парад,
Люди, умеющие убивать...

Но вот однажды, среди мелких дел,
Тебе дающих подножный корм,
Решил ты вырваться за предел
Осточертевших квадратных форм.

Ты взбунтовался. Кричишь: — Крадут!.. —
Ты не желаешь себя отдать.
И тут сначала к тебе придут
Люди, умеющие убеждать.

Будут значительны их слова,
Будут возвышенны и добры.
Они докажут, как дважды два,
Что нельзя выходить из этой игры.

И ты расквасишься, бедный брат,
Заблудший брат, ты будешь прощен.
Под песнопения в свой квадрат
Ты будешь бережно возвращен.

А если упорствовать станешь ты:
— Не дамся!.. Прежнему не бывать!.. —
Неслышно явятся из темноты
Люди, умеющие убивать.

Ты будешь, как хину, глотать тоску,
И на квадраты, словно во сне,
Будет расчерчен синий лоскут
Черной решеткой в твоём окне.

Каждый печатный текст в нашей стране — от плаката *Не позволяйте детям играть с огнем* до академических изданий Пушкина или Толстого — трижды проходит литование. Три визы — *в набор, в печать, в свет* — напутствуют каждую публикацию в трех ее последовательных утробных формах: рукопись, последнюю корректуру, сброшпорованную книгу. Как могли быть напечатаны — и переизданы! — эти стихи? Не художественные их достоинства (о них речь дальше), не авантюризм и гражданское мужество поэта, — поражает то, что нашлись ведь люди из числа причастных к изданию (их, вероятно, не один десяток), не узнавшие Лифшица под прозрачной полумаской Клиффорда, поверившие, что речь в этом стихотворении идет — об Англии! Что же говорить о читателе? Он и вовсе ничего не заподозрит, решает Лифшиц, и — помогает недогадливым. Цикл, содержащий *Квадраты*, он называет так: *Джеймс Клиффорд. Порядок вещей, поэма в двадцати трех стихотворениях, с биографической справкой и прощанием*. В Биографической справке он дает судьбу Клиффорда, чем-то очень напоминающую его собственную. Оба родились в 1913-м (правда, один в России, а

другой в Англии), оба — поэты, для обоих поворотным пунктом явилось столкновение с фашизмом; Лифшиц мог не вернуться с той самой войны, на которой погиб Клиффорд:

Почему судьба не судила
Поменяться мне с ним местами?

Самое созвучие имен — английского Клиффорд и еврейско-славянского Лифшиц — многозначительно. Но читатель все еще сомневается. Тогда поэт идет на последнюю крайность: прямым текстом он говорит нам:

Такой могла бы быть биография этого английского поэта, возникшего в моем воображении и материализовавшегося в стихах, переводы которых я предлагаю вашему вниманию.

Это — последняя фраза из Биографической справки, открывающей поэму о Клиффорде в книге: Владимир Лифшиц. Избранные стихи. Советский писатель, М., 1974, — разошедшейся тиражом в 20 000. Нашел ли читатель дорогу к Клиффорду? /.../ ...экземпляр, выданный мне в Публичной библиотеке летом 1983-го, — был нечитанным.

И все же у Джеймса Клиффорда много читателей и почитателей, я встречаю их всюду. Не единственный и, возможно, не первый из героев своеобразной драматургии советских поэтов-переводчиков, Клиффорд, несомненно, самый яркий из них. Пьеса о нем состоит всего из 19 монологов (один из которых распадается на пять коротких реплик, так что сам автор насчитывает в поэме 23 стихотворения), по преимуществу лирических, рисующих героя выпукло и правдиво. Русский язык Клиффорда—Лифшица художественно достоверен; он, кроме того, хорошо имитирует строй английской поэтики и содержит терпкую психологическую автохарактеристику. Вообще, лирический, а не обличительный тон вещи составляет ее главное достоинство. Привожу полностью один из лучших монологов, *Элегию*:

За годом год и день за днем,
Без бога в сердце или с богом,

Мы все безропотно идем
По предназначенным дорогам.

И тихо, исподволь, не вдруг —
За этим уследить не в силах —
Все уже делается круг
Единомышленников милых.

Одни, — числа им нынче нет, —
Живут вполне благополучно,
Порывы юношеских лет
Давно расторговал поштучно.

Другие, потерпев урон
Из-за незнания здешних правил,
Шагнули в лодку — и Харон
Их через реку переправил.

И невдали от той реки
Я тоже начал понемногу
Жечь письма, рвать черновики,
Сбираться в дальнюю дорогу.

Лишь едва уловимая словесная недостаточность, не окончательная, не последняя напряженность слова, мешает мне поставить это прекрасное стихотворение в один ряд с тютчевским "Она сидела на полу...". Я не плакал над ним — просто сразу, с первого прочтения, запомнил и часто повторяю про себя... Язык позднего Лифшица индивидуализируется, но все же недостаточно, самоуглубление поэта не становится прозренческим.

Но вернемся к *Квадратам*. Именно это, а не другие стихотворения Клиффорда, люди заучивают наизусть и цитируют с горящим взором. Я тоже думаю, что эти стихи замечательны. [...] ..*Квадраты* не несут в себе какой-либо сущностной или хотя бы информационной новизны. Их трагизм, их притягательная сила и гуманитарная ценность определяются для нас тем, что портрет написан изнутри: выкормышем и жертвой Молоха-Аргуса двадцатого века, человеком, так и не

сумевшим до конца "выйти из этой игры". Было бы простой неблагодарностью пройти мимо человеческого подвига Лифшица. О том, *чего* он ему стоил, говорит и вся нелегкая жизнь поэта, и его короткая и мрачная старость, и даже самый первый стих *Квадратов*, начинающийся с "И все же...". Недостатки вещи хорошо видны искушенному взгляду; они — общие для Лифшица и советской поэзии вообще. Ее достоинства — тоже общие; о них уместно сказать несколько слов.

Одни восхищаются *Квадратами* как неким откровением, другие откладывают стихотворение, равнодушно пожалв плечами. Между тем оно выполнено с большим мастерством. Любой академизм предъявляет высочайшие требования к композиции произведения; *социалистический реализм* в поэзии, точнее: круг авторов, вынужденных с этим термином считаться, развил упомянутые требования чрезвычайно, — и поздние стихи Лифшица удовлетворяют их. Композиционная беспечность бывает оправдана только очень большим талантом — как и косноязычие, которое, соответственно, должно быть высоким. Хлебников, обзриуты, а в наши дни — опыт так называемой второй литературы, показывают, как мало на этом пути удач. Лифшиц знает характер и масштаб своего дарования, и на котурны не становится. Стихи его выстроены и уравновешены, язык отчетлив, рифмы точны. Ни одна деталь в *Квадратах* не является случайной, и все — взаимодействуют, взаимопроникают. Игра ассоциаций неглубока, но надежна, без петухов. Даже последняя строфа стихотворения, самая неудачная ("Ты будешь, как хину, глотать тоску..."), так нестати снижающая накал, достигнутый в предыдущей, выведена автором из соображений полноты и стройности: она комментирует название и замыкает вторую часть стихотворения, содержащую, как и первая, ровно шесть катренов. Конечно, логическая полнота более приличествует теореме, но приближительность одинаково отвратительна и в математике, и в поэзии. Точность и графичность письма — реальные достоинства вещи, залог ее жизнеспособности.

Этими же качествами отмечены и другие стихотворения Клиффорда: *Воскресная служба*, *Форель*, *Аббатство*, *Зазывалы*, *Мне стало известно*, и особенно — *Кафе*, с его удивительным чувством эпохи и невеселой концовкой:

И вертится планета и летит
К своей неотвратимой катастрофе.

Все они многопланны, многозначны. Молох-Аргус двадцатого века явился нам детищем не одного или двух, а многих народов; человек всюду более или менее вынужден продаваться, нигде вполне не свободен, всегда трагически несовершенен; страсть, одиночество, старость — неизбежное достояние всех времен и народов. Лифшиц в Клиффорде возвышается до общечеловеческого клубка тем. Клиффорд несводим ни к плоской затее обойти цензуру, ни к плоской проповеди переустройства мира: он — переживание.

/.../ Я тоже рос на этом рынке,
И сам работал зазывалой,
И мне вручал мой потный шиллинг
Один не очень честный мальй.
Мы торговали чем попало
С тележки: библиями, платьем,
И покупателям казалось,
Что не они, а мы им платим...
С тех самых пор, —
Вхожу ли в церковь,
Или в общественные залы,
Или газету раскрываю, —
Я узнаю вас, зазывалы!
О нет, здесь речь не о рекламе,
В ней отличить довольно просто
Солидный стиль почтенной фирмы
От красноречия прохвоста.
Но вот о таинствах искусства
Толкует седовласый некто —
Обыкновенный зазывала
Перед тележкой интеллекта.
А тот, кто проповедь читает,
На нас поглядывая строго,
Обыкновенный зазывала
Перед большой палаткой бога.
А зазывал-политиканов

Я узнаю, едва лишь глянув, —
Уж больно грубая работа
У зазывал-политиканов.
Всего семнадцать юной леди,
О, эти губы как кораллы,
О, эти плечи, эти груди,
О, эти бедра-зазывалы!..
Хотел бы я найти поляну,
И там в траву лицом уткнуться,
И задремать под птичий щебет,
И, если можно, не проснуться.

Я давно вглядываюсь в эти стихи, и они нравятся мне все больше. Их внешняя и, пожалуй, нарочитая незначительность скрадывается, и за каждой деталью проступают скрепляющие их боль и судьба.

Здесь мне приходится повторить странную и не очень новую мысль. Кажется, что перевалив за определенную возрастную черту, истинный поэт, в той или иной форме переживший признание, не может не противопоставить себя обществу, — точно так же, как, по Шопенгауэру, мыслящий человек не может быть счастлив по ту сторону жизненного экватора. Это — обоюдное отталкивание: общество отвергает поэта, поэт не принимает общества, причем его неприятие не имеет ничего общего с жадным юношеским нигилизмом самоутверждения. Нельзя указать, кто — поэт или общество — провоцирует конфликт: бывает по-разному; но самое отталкивание кажется лежащим в природе вещей. Конечно, и острота конфликта, и полнота, в которой берется слово *общество*, варьирует в широких пределах: вспомним, например, позднего Пушкина. Избранничество влечет за собой отверженность: обратное неверно.

Сделав над собою некоторое усилие, Владимир Лифшиц мог удержаться на гребне, остаться в кругу тех, кто "живет вполне благополучно"; оказавшись на периферии этого круга, он мог не ставить под угрозу остатки своего зыбкого благополучия, не рисковать. Но он был поэт, и неизбежное противостояние обнаружилось.

/.../

Поэма о Джеймсе Клиффорде, лучшее из лирических творений Лифшица, пережила своего автора и продолжает жить, оставаясь чем-то большим, чем простое документальное свидетельство последней поры оттепели. Ей принадлежит известное место в *русской* литературе, понятой одновременно и высоко, и широко — как пересечение трех ее современных составляющих: зарубежной, советской и второй (то есть имеющей хождение в списках). Культурная Россия еще не раз с благодарностью вспомнит имя Владимира Лифшица.

Но Россия вспомнит это имя только в связи с Клиффордом. Лирике Лифшица как целому нет места в русской поэзии. Своего лексико-семантического поля, своего языка, единственным образом указывающего авторство каждого стихотворения, — Лифшиц не создал. Прекрасно владея современным русским языком, чувствуя его лучше многих своих товарищей по советской поэзии, он сохраняет к нему, в целом, потребительское, нетворческое отношение. И язык не прощает поэту холодности к нему, воздавая за нее сполна — иногда скукой, а иногда — и насмешкой.

Сверчок

Трещат и венцы и крылечки,
Бульдозер их топчет, урча.
Сигает сверчок из-за печки
И в страхе дает стрекача.

И рухнет домик вчерашний,
Поверженный, падает ниц —
К подножью Останкинской башни,
Вонзившейся в небо как шприц.

(1968)

Это уже обоюдный промах — и цензора, и поэта. Оба любя новую Москву, оба знают, что религия, а не телевидение, является опиумом для народа; но один пишет, а другой пропускает в печать, не благодушное приветствие новизне, а убийственную

сатиру. Помните карикатуру, обошедшую страницы советской периодики: Статуя Свободы со шприцем — вместо факела — в руке? — а тут уже Останкинская башня — шприц для впрыскивания телепрограмм целой супердержаве, известной легкомысленным отношением к своему прошлому... Конечно, такого рода промахи еще не зачеркивают для нас поэта. Смехотворные оплошности допускал и Пушкин, но находились друзья (а иногда — враги: например, Булгарин указал ему, что "...Ленский,/Душой филистер Геттингенский..." — нелепость), помогавшие ему их исправить. Отсутствие свободной, взыскательной и заинтересованной критики сказалось в литературной судьбе Лифшица.

Военные стихи Лифшица, значение которых так усиленно подчеркивает К. Ваншенкин в упомянутом мною (вымученном и снисходительно-равнодушном) предисловии, — все же полуправда, и они забудутся. Останется Клиффорд — да горстка поздних стихотворений, тесно связанных с поэмой и как бы продолжающих ее. Вот одно из них.

Третье прощание

Александр Гитовичу

Мы расстаемся трижды. В первый раз
Прощаемся, когда хороним друга.
Уже могилу замечает вьюга,
И все-таки он не покинул нас.

Мы помним, как он пьет, смеется, ест,
Как вместе с нами к морю тащит лодку,
Мы помним интонацию и жест
И лишь ему присущую походку.

Но вот уже ни голоса, ни глаз
Нет в памяти об этом человеке,
И друг вторично покидает нас,
Но и теперь уходит не навеки.

Вы правду звали правдой, ложью — ложь,
И честь его — в твоей отныне чести.
Он будет жить, покуда ты живешь,
И третий раз уйдет с тобою вместе.

(1966)

Если чего-либо и недостает здесь поэту, то вновь — ”лишь ему присущей походки”. Отвлекаясь от этого *окончательного* критерия, нужно признать, что советская поэзия небогата стихотворениями, превосходящими *Третье прощание* мастерством и вдохновением: и то, и другое в нем — очень высокой пробы.
/.../

/.../

/.../ Владимир Лифшиц, второстепенный русский поэт* середины XX века, был смелым, мужественным и благородным человеком. Жизнь его была полна испытаний, он участвовал в самой страшной из бывших на земле войн. Кульминацией его жизни оказалась старость, потребовавшая от поэта неизмеримо больших сил и мужества, чем военные подвиги. Он пережил свое время. Идеалы, которым он с детства служил, потускнели; народ, за который он пролил кровь, отвернулся от него; жена, оставившая его в годы войны, и друзья, покинувшие ”круг единомышленников милых”, не могли не способствовать некоторой мизантропии.

О прожитой жизни
Приходят раздумья
Все чаще и чаще.

* Я просмотрел лишь лирические стихи Лифшица, совершенно вив в стороне произведения прочих жанров.

Над горной дорогой
Палящее солнце
И ветер звенящий.

По горной дороге
Влачу, будто ношу воловью,
Изжитые дружбы
И то, что когда-то
Казалось любовью.

Слепящее солнце
Скрывается за перевалом.

Безмолвные сакли,
Как мертвые соты,
Чернеют по скалам.

Свое время и свою ношу он принял на себя с достоинством, ни от чего не уклонился, никогда не лавировал. Уже под старость внес он в поэзию свой основной вклад, подобный которому дай Бог внести нынешним знаменитостям. Его и следует почтить тем, для кого совесть — не пустой звук, а вдохновение — не объект насмешки.

Прощание с Клиффордом

Good bye, my friend!.. С тобой наедине
Ночей бессонных я провел немало.
Ты по-британски сдержан был сначала
И неохотно открывался мне.

Прости за то, что по моей вине
Не в полный голос речь твоя звучала
О той, что не ждала и не встречала,
О рухнувших надеждах и войне.

Мы оба не стояли в стороне,
Одною непогодой нас хлестало,
Но хвастаться мужчинам не пристало.

Ведь до сих пор устроен не вполне
Мир, о котором ты поведал мне,
Покинувший толкучку зазывала.

/.../

30 июля 1983,
Ленинград.

-----ooOoo-----

Лев БАТЛЕР

МИФ ОБ ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ

Шесть лет назад в СССР открылся Камерный еврейский музыкальный театр (КЕМТ). Возглавил его режиссер Юрий Шерлинг. Это имя в то время мало что говорило даже просвещенному зрителю.

За годы существования театра в его репертуаре появились четыре спектакля: рок-опера *Черная уздечка белой кобылице*, шоу *Ломир алэ Инейнэм*, рок-балет *Последняя роль* и, наконец, опера *Тевье из Анатевки*, премьера которой состоялась в Тбилиси.

Интересен такой факт: на премьере *Тевье из Анатевки* зритель, почувствовав неладное, принялся считать евреев в числе исполнителей. Оказалось, что из семнадцати актеров, занятых в спектакле, только четверо — евреи.

Но не только количество евреев в труппе дает повод для сомнения в том, что театр этот — еврейский.

Обратимся к существу дела и попытаемся обнаружить принадлежность КЕМТа к еврейской культуре. Скажем прямо: результаты такого поиска будут более чем скромными. Если шоу *Ломир алэ Инейнэм (Давайте все вместе)* еще можно с большой натяжкой поместить в разряд национальных, еврейских спектаклей, то как быть с рок-оперой и тем более с рок-балетом? Ни один человек, мало-мальски знакомый с традицией еврейской культуры, не возьмет на себя смелость назвать стиль *рок* — еврейским. Юрий Шерлинг взял на себя такую смелость, назвав рок-оперу *народной*.

Трудно причислить к еврейской культуре и последнюю работу театра — *Тевье из Анатевки*. Основой спектакля послужил известный мюзикл Дж. Бока и Дж. Стайна *Скрипач на крыше*. В интерпретации Юрия Шерлинга он превратился в характерное для этого театра массовое зрелище — театрализованное представление, при котором кончается народный театр и начинается спортивный парад и обычный мюзик-холл. В спектакле *Тевье из Анатевки* несостоятельность Юрия Шерлинга как театрального режиссера стала настолько очевидной, что на первом же премьерном показе он потерял львиную долю своих

поклонников и среди тбилисских евреев, и среди гостеприимных грузинских зрителей.

Чтобы убедиться в основательности этого разочарования, попробуем прежде всего заглянуть в творческую лабораторию главного режиссера КЕМТа Юрия Шерлинга.

Человек, знакомый с современным искусством хореографии, без особого труда узнает в сценических *находках* Юрия Шерлинга западный стиль пластического языка. Дело в том, что Шерлинг располагает обширной коллекцией видеозаписей различных мюзиклов и шоу и пластинок с записями современной западной музыки; подобрана у него и литература по проблемам современного искусства. Одним словом, есть откуда черпать для *синтеза*, или, цитируя его самого, для "аккумуляции идей". Отсюда хореография и музыка носят у него эклектичный характер, или, по его собственному выражению, "коллажный". Но *коллаж* для театра – другое название плагиата.

Таким образом, уже сам творческий метод Юрия Шерлинга не оставляет сомнений в том, что результаты его работы будут весьма далеки от еврейской культуры.

Почему же так восторженно принимал зритель первые спектакли этого театра? Конечно, ошеломляющее впечатление произвел новый сценический язык постановок, почти незнакомый массовому советскому зрителю. Яркая форма спектаклей – синтетическое сочетание пластики, музыки, цвета, костюмов – способна была вызвать эмоциональное потрясение. Содержание при такой форме может носить неопределенный характер, быть символичным; и тогда зритель додумывает за автора, наполняет своим содержанием абстрактную форму, ибо сознание современного потребителя культуры настолько изощрилось, что абстрактная форма напоминает ему что-то реальное. Зритель додумывает и формулирует самостоятельно некое целостное впечатление от спектакля. В результате массовый успех обеспечен. Именно это произошло с КЕМТом: зритель на первых порах был покорен жанром, рожденным, в свою очередь, потребностями *массовой культуры*.

Но главной причиной первоначального успеха театра была его национальная атрибутика. КЕМТ оказался в роли благодетеля, одаривающего голодного коркой хлеба. Афиши со словом *еврейский* тешили уязвленное национальное самолю-

бие. Костюмы, песни и танцы довершали дело: примитивность, а зачастую и пустота содержания, закамуфлированная аттракционностью и псевдонациональной формой, была проглочена с крючком — сработала та формула, основываясь на которой массовое искусство нередко служит проводником политической демагогии, преподнесенной в виде зрелищ. В данном случае зрителям было показано зрелище, имитирующее возрождение национальной культуры.

Итак, КЕМТу удалось привлечь внимание советского зрителя. Реагировала на работы театра и пресса, правда, в основном периферийная. Центральная — была более чем сдержанна. Зато периферийные газеты писали хвалебные отзывы, в которых говорилось о "творческих достижениях" Камерного еврейского музыкального театра. Центральная пресса тоже, наконец, после долгого молчания поведала читателю о театре, но... устами американского журналиста Майка Давидова*.

Майк Давидов поделился с читателями своими впечатлениями о КЕМТе. "Это было захватывающее зрелище, из которого я сделал вывод, что культура идиш жива и процветает в СССР", — восторженно писал американский журналист.

Обратимся к реальности.

В свое время в журнале *Театр* (№ 8, 1975) была опубликована статья Юрия Шерлинга, в которой он сделал одно весьма примечательное признание, касающееся его взглядов на творчество. Вот оно: "...важен безбиографический импульс, который не порожден какими-либо привходящими обстоятельствами, какой-либо 'биографией', предшествующей непосредственному акту творчества". Программа не нова: *безбиографичное, чистое искусство* — это уже было. Перед нами режиссер, заведомо отрицающий национальное в искусстве.

Пройдет еще немного времени и Юрий Шерлинг на одном из общих собраний коллектива театра заявит: "Мне безразлично, в каком театре работать: немецком, татарском, чувашском. Лишь бы это было слабое звено! Мне важно поднять национальную культуру из руин!". Такое заявление мало кого удивило в театре, ибо Шерлинг, увлекшись ролью Мессии национального возрождения, не уставал повторять, что создание им еврей-

*См. журнал *Ровесник* (№ 4, 1981).

ского театра якобы явилось "ренессансом еврейской культуры" в СССР.

К сказанному надо добавить, что Юрий Шерлинг взялся за дело, имея вполне определенную программу. Вот что он писал за два года до появления КЕМТа, в той же статье в журнале *Театр*: "Мюзикл, на мой взгляд, способствует той сверхзадаче, которую я определил для себя как стремление 'дешифровать' человека, предоставить ему возможность быть самим собой". Далее Шерлинг высказывает свое кредо: "В 'Человеке из Ламанчи' Дон Кихот говорит, что хочет видеть жизнь не такой, как она есть, а такой, какая она должна быть. В известном смысле — это программа-максимум для мюзикла".

Таким образом, руководитель КЕМТа был вооружен программой, которая призывает "видеть жизнь не такой, как она есть, а такой, какая она должна быть". Программа, кстати, тоже не нова. Достаточно вспомнить известное:

...Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет, —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Оснащенный программой золотого сна, Юрий Шерлинг взялся за создание в СССР еврейского музыкального театра. И, надо сказать, он достаточно воплотил ее в жизнь: все четыре работы театра не только не представляют национальную культуру как таковую, но, больше того, в них не найти ответа на вопрос: что же такое сегодняшняя жизнь евреев в СССР? Между тем, Юрий Шерлинг в первом же своем интервью отважно заявил: "Это будет театр психологических крайностей. Подобно губке, мы будем впитывать происходящее в мире. И в театре, как в лаборатории, проследивать причинно-следственную связь происходящих вокруг событий".

Теперь, познакомившись с высказываниями Юрия Шерлинга и Майка Давидова, мы без труда обнаружим: вывод американского журналиста, что "культура идиш жива и процветает в СССР", сделанный на основании знакомства с КЕМТом, — безоснователен, ибо деятельность главного режиссера театра так же можно причислить к еврейской культуре, как северное сияние можно объяснить блеском рыбьей чешуи.

Возможно, американский журналист и не стал бы говорить о "процветании" еврейской культуры, знай он, что евреи составляют лишь четверть состава театра и что все без исключения актеры механически заучивают свои роли на идише, потому что ни один из них не владеет еврейским языком. Какое же это "процветание"?

Поэтому, по нашему глубокому убеждению, существование КЕМТа не говорит о "процветании" еврейской культуры, а является неким *успокоительным средством*, отвлекающим от проблемы отсутствия в СССР еврейской национальной культуры. КЕМТ — это иллюзия реальности, это миф, созданный на наших глазах.

В статье того же Майка Давидова мы находим такие слова: "Наследие прошлого всегда создает только фон, а главное — это радостное одобрение настоящего и вновь подтвержденная уверенность в будущем...". Открытие американского журналиста более чем удивляет: неужели прошлое — только фон?

Предоставим Майку Давидову возможность познакомиться с другим мнением на этот счет: "Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем". Принадлежат эти слова представителю другой национальной культуры, киргизскому писателю Чингизу Айтматову.

"Человек без памяти прошлого... оказывается вне исторической перспективы"! Чем глубже у дерева корни, тем безопаснее для него смерчи и ураганы. Чем отчетливее человек и народ в целом сознает свое прошлое, тем увереннее шагает по земле.

И эту память прошлого (она и есть национальная культура) Майк Давидов объявляет *фоном*. Главным же утверждает "радостное одобрение настоящего"! Хотел этого американский журналист или без умысла родились под его торопливым пером эти откровения, но именно они обнаруживают *тайну* рождения КЕМТа, они — ключ к пониманию тех целей, которые были поставлены Юрием Шерлингом при создании театра. Это

был социальный заказ. Так что надо признать: не величие духа, а *величие нюха* сделали Шерлинга руководителем КЕМТа.

Сам Юрий Шерлинг неустанно твердит в различных интервью о счастливой жизни советских евреев. Национальная еврейская жизнь, в изображении театра, также подчинена идее "радостного одобрения". Еще раз вспомним программное заявление Шерлинга, процитированное выше: он хочет видеть жизнь такой, "какая она должна быть". Как тут не вспомнить известный афоризм Г. К. Лихтенберга: "Для шума выбирают маленьких людей – барабанщиков".

Метафора о голодном и корке хлеба появилась в нашей статье не случайно. Такой *коркой* театр был для евреев, но лишь на начальном этапе своего существования. Приглядевшись, еврейский зритель начал понимать, что его попросту обманули: КЕМТ оказался *погремушкой*, с помощью которой хотят повлиять на общественное мнение в таком важном и болезненном вопросе, как состояние еврейской культуры в СССР.

Сегодня со всей очевидностью стало ясно, что КЕМТ не только не оправдал связанных с ним надежд, но и дискредитировал себя в глазах общественности как театр национальный.

Возрождения культуры по команде не состоялось.

----- ооОоо -----

Феликс НУЛИН

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Роль евреев в русском революционном движении

Даже малосведущий человек, знакомясь с историей русского революционного движения, поражается обилию еврейских фамилий во всех политических партиях, исключая разве что черносотенцев. Евреи занимали ведущие позиции среди революционных групп и партий, хотя по численности они были далеко не на первом месте среди национальных меньшинств Российской империи. Черносотенцы утверждали, что "именно от евреев пошло брожение умов в России" и что "евреи недаром пробрались к руководству всех партий, чтобы прийти к власти в любом случае".

Известны заслуги евреев в становлении Российской социал-демократической рабочей партии. Например, на I съезде РСДРП, который был проведен в 1898 году в Минске, из девяти его участников было четыре еврея (А. Кремер, Г. Мутник, Ш. Кац и Б. Эйдельман). Интересно отметить, что в проекте наименования партии ее предлагали назвать "русской", но по предложению делегатов-евреев назвали "российской", так как "партия не должна быть только партией русских рабочих". На II съезде РСДРП (1903) из 43 человек было 12 делегатов-евреев (Троцкий, Дейч, Мартов, Лядов и другие) и еще пятеро представляли БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в России, Польше и Литве). Участие евреев в последующих съездах РСДРП, РКП, ВКП(б) видно из табл. 1 (данные взяты из протоколов съездов).

Таблица 1

Съезд	Место проведения	Год	Число участников	Из них евреев	
				человек	процентов
IV	Стокгольм	1906	145	35	24
VI	Петроград	1917	179	29	16
VIII	Москва	1919	301	48	16
X	Москва	1921	694	97	14
XIII	Москва	1924	748	82	11
XV	Москва	1927	898	67	7,4

Заметим, что и в настоящее время относительная доля евреев-членов КПСС значительно выше, чем процент еврейского населения: 1,8% евреев-членов партии и только 0,75% еврейского населения в СССР (данные на середину 70-х годов: см. сб. *КПСС: цифры и факты, Политическая литература, М., 1976*). Даже если учесть определенную специфику возрастных групп у евреев, а именно: преобладание лиц старших возрастов вследствие низкой рождаемости (около 1,4 ребенка на еврейскую семью – один из самых низких показателей среди народов СССР, притом что даже для простого воспроизводства населения необходимо 2,2 ребенка на семью), а также ассимиляцию большинства лиц, рожденных в смешанных браках, то и тогда процент евреев-членов КПСС непропорционально высок.

Интересный статистический материал по затронутой теме дает нам биографический справочник ВОПК и СП – Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев *Политическая каторга и ссылка* (М., 1934). Конечно, этот справочник показывает нам только *левый срез* российского революционного движения, тех, кто не сгорел в огне гражданской войны, не разочаровался в революционных идеалах и не эмигрировал, но все-таки по нему можно составить определенное представле-

ние об участии евреев в русской революции* (см. табл. 2). Население различных национальных групп приводится по переписи 1897 года.

Таблица 2

№№ пп	Нацио- нальность	Численность		Членов ВОПК и СП		Относитель- ное участие гр. 6 / гр. 4	Место
		млн. чело- век	про- цен- тов	чело- век	про- цен- тов		
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Русские	55.7	44.3	1510	47.8	1.08	VI
2.	Украинцы	22.4	17.8	291	9.2	0.52	VII
3.	Поляки	7.93	6.3	219	6.9	1.20	V
4.	Белорусы	5.89	4.7	45	1.4	0.30	VIII
5.	Евреи	5.26	4.0	608	19.3	4.83	III
6.	Латыши	1.44	1.1	252	7.8	7.09	I
7.	Армяне	1.17	0.9	38	1.2	1.33	IV
8.	Грузины	0.82	0.6	108	3.4	5.67	II
9.	Прочие	25.79	20.3	87	3.0	0.15	IX
ИТОГО		126.4	100	3158	100		

Как видно из таблицы 2, еврей-члены ВОПК и СП составляют вторую по абсолютной численности национальную группу (19.3%), а их относительная доля примерно в пять раз выше процента евреев среди народов России. По участию в Обществе политкоржан и ссыльнопоселенцев евреи занимают третье место (пропуская вперед латышей и грузин).

Не менее интересно распределение евреев-членов ВОПК и СП по партийной принадлежности (см. табл. 3). За время своей революционной деятельности многие из них успели поработать в нескольких партиях, но, несмотря на их вполне понятное желание подчеркнуть свою дореволюционную деятельность

* При более тщательном анализе нужно учесть также изменение границ и изменение соотношения национальных групп, поскольку в результате гражданской войны около 40% еврейского населения России отошло к вновь созданным государствам.

в партии победившего пролетариата, только треть анкетируемых 31,4%, включая меньшевиков, работала в РСДРП. Четвертая часть евреев-членов ВОПК и СП до революции работала в национальных еврейских партиях, в основном в БУНДе. Незначительное число евреев отдавало свои силы другим национальным группам, борющимся за свои интересы: полякам, латышам и литовцам.

Таблица 3

Наименование партии		Участие евреев	
		человек	процентов
<i>1. <u>Общероссийские партии</u></i>		516	69.4
1.1	РСДРП	233	31.4
1.2	ПСР (эсеры)	140	18.8
1.3	Анархисты	113	15.2
1.4	Народовольцы	30	4.0
<i>2. <u>Национальные еврейские партии</u></i>		184	24.8
2.1	БУНД	148	19.9
2.2	Социалисты-сионисты	18	2.4
2.3	Поалей-Цион (Рабочие Сиона)	12	1.6
2.4	СЕРП (Социалистическая еврейская рабочая партия)	6	0.8
<i>3. <u>Другие национальные партии</u></i>		31	4.2
3.1	ППС (Польская партия социалистов)	16	2.2
3.2	Латвийские социал-демократы	8	1.1
3.3	Социал-демократы королевства Польши и Литвы	7	0.9
<i>4. <u>Беспартийные</u></i>		12	1.6

Свыше половины евреев-революционеров (57.2%) до ареста были рабочими или ремесленниками, 16.3% — студентами и учащимися, 21.5% — служащими, представителями мелкой буржуазии и лицами свободных профессий. Сравнительно немного среди них было профессиональных революционеров — 15 человек (2.5%).

Из 608 членов ВОПК и СП еврейской национальности было 117 женщин (19.7%).

По уровню образования распределение следующее: незаконченное высшее и высшее — 11.8%, среднее — 13.6%, начальное и неполное среднее — 31.2%, без образования, самоучки — 43.4%. Прослеживается некоторая корреляция между уровнем образования и политической принадлежностью: чем выше образование, тем выше процент участия евреев в общероссийских партиях (среди них наибольший уровень образованности — у эсеров).

Через несколько лет после выхода справочника многие из членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев были незаслуженно репрессированы при культе личности, так что картина участия евреев в революции сильно исказилась.

-----ooOoo-----

-----ooO Ooo-----

Элиягу КИТОВ

ИЗ КНИГИ НАСЛЕДИЯ НАШЕГО

/.../²

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЯ

к первому выпуску

1. Статья *Кто мы?* написана Юрием Колкером.
2. Текст М. Даймонта, который ЛЕА воспроизводит по русскому переводу Р. Нудельмана (*Библиотека Алия*, 1979), нами опущен.
3. В полученной копии это место прочитать не удалось.
4. Текст идиллии, неоднократно издававшейся по-русски, нами опущен. См.: Шаул Черниховский. Стихи и идиллии, под ред. Л. Бернхарда. *Библиотека Алия*, 1974; или: Владислав Ходасевич. Собрание стихов, под ред. Ю. Колкера, *La Presse Libre*, Париж, 1983, том. 2.
5. Речь идет о квартирном театре Леонида Кельберта, кинорежиссера-документалиста, лауреата двух международных конкурсов. В 1981 – 1982 театр поставил два спектакля: *Масада, или Жребий* (автор пьесы пожелал скрыть свое имя) и *Письма из розовой папки* (по новелле израильского беллетриста Я. Цигельмана, инсценировка Михаила Цирельсона), а также несколько пуримшпилей. Л. Кельберт – отказник с 1979.
6. В полученной копии пропуск. Следует читать:
 - Положением о добровольных обществах и союзах, объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях, утвержденном Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 30 августа 1930 г., и
 - Постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 января 1930 г. "О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли".

к второму выпуску

1. Все вводные тексты выпуска написаны Григорием Вассерманом, еврейским активистом и религиозным лидером. Г. Вассерман – отказник с 1978.
2. П. Артов – псевдоним. Упомянутая брошюра, построенная на советских программных и юридических документах, в действительности не была напечатана.
3. В тексте этого выпуска сохранены авторские сокращения: П. – Петербург, Р. – Россия, и т. п.
4. .שעורי הרב יוסף דוב הלוי סלובוויצקי, מבית מדרשו של הרב. ירושלים, תשל"ח.

к третьему выпуску

1. Михаил Идельсон – псевдоним Ю. Колкера.
2. Весь редакционный текст – мистификация. *Сборник Пурим-Шпилей* никогда не существовал. Публикуемый пуримшпиль был написан в 1982 и, по настоянию редакции, подвергся для ЛЕА сокращениям и переработке.
3. Л. Сегал – псевдоним Леонида Прайсмана.
4. В полученной копии отсутствуют страницы 68–69 с окончанием подборки стихов Леонида Аронсона.
5. Редакционная мистификация, основанная на ошибке издательства *Молодая Гвардия*, назвавшего Ю. Колкера (альманах *Родники*, М., 1974) выпускником педагогического института.
6. Смысловая неувязка, вызванная самоцензурой. В первоначальном тексте статьи вступительная фраза содержала замечание о руссификации вузов и исследовательских учреждений в СССР со ссылкой на работу М. Домальского *Новое в антисемитизме*, помещенную в машинописном журнале *Евреи в СССР № 16*. В последний момент она была заменена ссылкой на статью в *Советиш Геймланд*.
7. Г. Р-н – псевдоним Ю. Колкера.

к четвертому выпуску

1. В полученной копии это место прочитать не удалось.
2. Фрагмент из книги Э. Китова, опубликованной на иврите, по-английски и готовящейся по-русски, нами опущен. См., например: *Eliyahu Kitov. The book of our heritage: the Jewish year and its days of significance. Translated from the Hebrew by Nathan Bulman and Ruth Royde. Feldheim Publishers, Jerusalem, 1978.*

ברית המועצות במלחמת העולם השנייה, צזאר קוניקוב; מידע על חוגים לכישול יהודי שפעלו בלנינגראד, מאמר על יחסי גומלין ביצירת המשוררים ו. חודסביץ' וש. טשרניחובסקי (כאחרית דבר לאידיליה של טשרניחובסקי "לביבות"); פרק מספרו של מ. דיאמונט, "יהודים, אלהים והסטוריה" — ספר שראה אור במערב ולא ניתן להשיגו בכרית המועצות.

הגליון השני מתבסס בעיקרו על תקצירי שתי הרצאות נרחבות (של ל. אוטיבסקי וג. ווסרמן) שנישאו בלנינגראד במסגרת סדרת הרצאות על ההיסטוריה והתרבות היהודית (סדרת ההרצאות התקיימה בשנים 1980–1981 והופסקה ע"י סוכני הק.ג.ב.; בתקופת קיומו הקצרה של מפעל זה הוכנו ונישאו כ-70 הרצאות). כן כלולות בגליון זה שלוש דרשות שנשא הרב המנוח של בית הכנסת בלנינגראד א. לובאנוב בימי החגים היהודיים. נוסף לכך, כולל גם גליון זה תרגום: מאמרו של הרב י.ד. סולובייצ'יק מארה"ב על משמעותו של בית הכנסת בעולם המודרני. בגליון השלישי ימצא הקורא "פורים-שפיל", מוגש במסווה יצירה מתחילת המאה ה-20, שחובר למעשה לפני זמן קצר; שירים של משוררים בני זמננו מלנינגראד; מחקר על הדקבריסט היהודי ג. פרץ; רפראט על חלקם של היהודים ושל מיעוטים לאומיים אחרים בחיי התרבות של ברית המועצות בשנים האחרונות; הדפסה מחודשת של המאמר מאת ל. גורדון על נאמנותם הכפויה של יהודי רוסיה למדינה בסוף המאה ה-19; שירו של ג. קצנלסון "מולדת".

הגליון הרביעי פותח בעבודתו של מ. בייזר על בית הקברות היהודי היחיד בלנינגראד הסגור עתה; כן כלול בו שירה של ר. זפסוצקיה באותו נושא. בהמשך מובאים מאמרים: על תפקיד היהודים בתנועה המהפכנית ברוסיה בתחילת המאה ה-20, על חייו ויצירתו של המשורר ו. ליפשיץ; על התיאטרון היהודי המוסיקאלי-קאמרי של יו. שרלינג וכן תרגום פרק מתוך "ספר מורשתנו" מאת הסופר היהודי-אמריקאי א. כיטוב.

שמות חברי המערכת של LEA שמורים בסוד; אך ידוע כי הרכב המערכת משתנה (ולעתים אף מתחלף לחלוטין) מגליון לגליון. שלושה ממייסדי האלמנך שהשתתפו בהכנת גליונו הראשון (א. ארליך, יו. קולקר, י. גורודצקי), קיבלו בשנים האחרונות היתרי יציאה מברית המועצות.

דבר המוציא לאור

בקובץ "הסמאיזוט היהודי" כלול חומר המופץ בצורה בלתי רשמית בברית המועצות ומגיע למערב. הקובץ רואה אור במרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה שליד האוניברסיטה העברית בירושלים. המרכז מוציא לאור פרסומים נוספים שעניינם יהודי ברית המועצות: "עצומות, מכתבים ופניות של יהודי ברית המועצות" וקובץ הרואה אור פעמיים בשנה — "ליקוטים מהעתונות הסובייטית". הוצאתו לאור של קובץ זה, כמו גם של פרסומים אחרים בסדרה "יהודים והעם היהודי" הוא בעל מטרה כפולה: ראשית, להציג תמונה מקיפה של חיי היהודים בברית המועצות כפי שהם משתקפים בעתונות הסובייטית הרשמית המבטאת את מדיניות השלטונות הסובייטיים כלפי השאלה היהודית וכלפי מדינת ישראל; ושנית, לראות כיצד בוחנים יהודי ברית המועצות את עצמם, את מהותה של היהדות, תולדותיה ותרבותה וכיצד הם מביעים את יחסם למדינת ישראל. בהעדר אפשרות גישה למקורות אינפורמציה מהימנים ובהעדר כלי ביטוי בכתב לבעיותיהם הלאומיות המעיקות, פנו יהודי ברית המועצות לשיטת הסמאיזוט — הפרסום הבלתי־רשמי.

מפרקי הסמאיזוט עולים תהליכים ותמורות שחלו בחיי היהודים בברית המועצות, בייחוד לאחר מלחמת ששת הימים, התעוררות הכרתם הלאומית וצמיחתה עד להזדהות עם מדינת ישראל ולמאבק למען יציאה ממקום מושבם; הערכת עברם ההיסטורי של היהודים, השואה ונושאים אחרים.

ראשיתו של "הסמאיזוט היהודי" בברית המועצות בפרסום שהחל להופיע בריגה בפברואר 1970. משנת 1972 מתחיל להופיע כתב העת "יהודים בברית המועצות", ביוזמתם ובעריכתם של קבוצת פעילים יהודים במוסקוה. מרכזנו הוציא עד כה לאור 25 כרכים של "הסמאיזוט היהודי".

בתחילת שנות ה־80 התבלטה לנינגראד כאחד המרכזים היהודים הפעילים. בספטמבר 1982 הוכנה והופצה ההוצאה הראשונה של "אלמנך יהודי לנינגראד" (LEA). בכרך שלפנינו רואים אור ארבעת הגליונות הראשונים של האלמנך היהודי בלנינגראד (ספטמבר 1982–פברואר 1984).

בין הדברים הנכללים בגליון הראשון יש לציין את החומר התיעודי (הצעת־תקנון, פרוטוקול של האסיפה המארגנת וכד') של "האגודה הלנינגראדית לחקר התרבות היהודית" (LOEK), שהוקמה ע"י פעילים יהודים ופוזרה בידי השלטונות מיד לאחר הקמתה, בקיץ 1982. באותו גליון התפרסם גם הראשון בסדרת מאמריו של מ. בייור על יהודים בפטרבורג שהוא הציר המרכזי בגליונות הראשונים של LEA. עוד פורסמה בו רשימה קצרה על אחת מהפקות התיאטרון הביתי של ליאוניד קלברט, אשר חדל להתקיים בלחץ השלטון; מאמר על גיבור

פרסום זה יוצא לאור בסיוען האדיב של
קרן הזיכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
והאגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

יהודים והעם היהודי

סמאיזדט יהודי

אלמנך יהודי לנינגרד

ערך יורי קולקר

כרך 26

האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה
ירושלים תשמ"ח

יהודים והעם היהודי

סמאיזדט יהודי

